

II

278758

П. Бугенков

+кр

НАШИ
СОВРЕМЕННОКИ

ОБЛАСТНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТУЛА — 1954

П. БУЧЕНКОВ

НАШИ СОВРЕМЕННОКИ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ

Предисловие и общая редакция
Т. К. ТРИФОНОВОЙ

Областное книжное издательство
Тула — 1954

*Отзывы о книге „Наши современники“
шлите по адресу: Тула, ул. Коммунаров, 42,
Книжное издательство.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы наметилось оживление в работе наших критиков и литературоведов. Об этом говорит немалое количество серьезных исследований о творчестве классиков русской литературы; об этом свидетельствует и появление около пятидесяти критико-биографических очерков и монографий, посвященных советским писателям.

Книги о творчестве А. Серафимовича и Д. Фурманова, К. Симонова и Ф. Гладкова, К. Тренева и П. Павленко, К. Федина и Н. Тихонова, Н. Островского и Д. Бедного, М. Шолохова и М. Исаковского и ряда других писателей были встречены с очень большим интересом: они не задержались ни на прилавках книжных магазинов, ни на библиотечных полках. Учителя и студенты, учащиеся старших классов и массовый читатель — инженер, рабочий, домохозяйка — стремились при помощи этих книг ближе узнать и глубже понять своих любимых писателей.

Следует отметить, что не только в центральных издательствах, но и на периферии внимание к выпуску критической литературы за последние годы усилилось: можно назвать критико-биографические очерки, ученые записки высших учебных заведений, критические статьи в альманахах...

Однако внимание к работе критиков все еще недостаточно. Об этом говорит хотя бы тот факт, что за последние годы сборники критических статей почти не появлялись: читатели и литературная общественность могут судить о работе того или иного критика только по статьям, напечатанным в журналах и газетах.

Вот почему нельзя не приветствовать начин литературного объединения и областного издательства Тулы, подготовивших ко Второму Всесоюзному съезду писателей сборник статей П. А. Бученкова.

Автор этих статей — преподаватель языка и литературы и активный участник литературной жизни родного города. Выступления на собраниях литераторов и на страницах местной печати положили начало критической работе П. Бученкова. Участие в редактировании Тульского альманаха помогло ему пристально изучить творчество местных авторов, а проведенные Союзом писателей конференции редакторов областных альманахов и семинар молодых критиков заставили серьезней задуматься над задачами современной критики.

Включенные в сборник статьи посвящены явлениям современной литературы, преимущественно связанной с жизнью советской деревни. Это и понятно: ведь, начиная с 1953 года, всю советскую общественность особенно волнуют задачи коренного улучшения сельского хозяйства, поставленные Центральным Комитетом Коммунистической партии. Именно изображение жизни колхозной деревни послужило предметом и литературных споров: как известно, авторы статей, напечатанных в журнале „Новый мир“, В. Померанцев и Ф. Абрамов пытались свою нигилистическую критику советской литературы подкрепить ссылками прежде всего на произведения о колхозах.

В центре внимания П. Бученкова — творчество Г. Николаевой, В. Овечкина, Г. Троепольского, В. Тендрякова. Проблематика их произведений, пафос их критики отрицательных явлений нашей жизни, пафос их борьбы за утверждение новых, прогрессивных явлений действительности близки и дороги критику, который правильно стремится оценивать литературные произведения с точки зрения жизненной правдивости и актуальности.

Колхозная проблематика, о которой идет речь в основных статьях сборника, близка и интересна широким кругам читателей. Не менее интересны местным читателям и статьи, посвященные произведениям тульских писателей („Рассказ и очерк в альманахе „Литературная Тула“) или книгам, написанным на местном материале, как, например, книга Н. Гильярди о летчике Б. Сафонове.

Таким образом, П. Бученков, не замыкаясь в кругу чисто местных проблем, пытается сочетать общие литературные вопросы и анализ литературных явлений всесоюзного масштаба с конкретным участием в литературной жизни Тульской области.

Молодому критику еще не хватает опыта, он еще не решил главную задачу: не научился рассматривать произведение в единстве формы и содержания, видеть идеи в их образном воплощении. Поэтому художественный анализ произведений в статьях П. Бученкова не всегда доказателен и критик иногда ограничивается отдельными наблюдениями над языком и стилем, вместо того, чтобы раскрыть своеобразие языка и стиля, как средств, без которых не мог бы осуществиться замысел автора.

Однако решение этой задачи (еще далеко не решенной и наиболее опытными критиками и нашей критикой в целом) может быть достигнуто лишь в процессе повседневной критической работы. Данный сборник — только начало серьезной творческой деятельности на почетном и важном поприще литературной критики.

Т. К. Трифонова.

ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ КОММУНИЗМА

Перед Вторым Всесоюзным съездом советских писателей необходимо по-хозяйски внимательно оценить все то, что создано нашими писателями за двадцать лет, прошедших после Первого съезда. Особенно интересно заново рассмотреть произведения о колхозной деревне, созданные в послевоенные годы. Читателя, естественно, интересует, как звучат эти произведения теперь, в свете новых задач, поставленных в последних решениях партии и правительства, касающихся сельского хозяйства?

Этому вопросу была посвящена статья Ф. Абрамова „Люди колхозной деревни в послевоенной прозе“¹. Но, взявшись за важную и актуальную тему, критик меньше всего стремился говорить о подлинных достоинствах и недостатках произведений о жизни послевоенного колхозного села; он попытался целиком зачеркнуть книги, сыгравшие серьезную роль в духовной жизни советских людей, и позволил себе издеваться над писателями, изображающими новые положительные черты в характерах колхозников.

Автор статьи словно забыл, что принципы социалистического реализма требуют изображения жизни в ее исторической конкретности и революционном развитии.

Он смешал произведения, отражающие различные периоды нашей послевоенной жизни; он не только обошел молчанием различие задач и проблем, которые

¹ „Новый мир“, № 4, 1954 г.

решались в различные годы, но даже не счит нужным отметить, что разгромленные им книги написаны в разное время, на протяжении пяти—шести лет. Он игнорировал стремление советских писателей изображать ростки нового, развивающегося, видеть перспективы движения вперед, находить в нашем социалистическом *сегодня* черты коммунистического *завтра*.

Огульно обвинив всех „разбираемых“ авторов в лакировке действительности и в бесконфликтности, он зачеркнул и такое произведение, как „Жатва“ Галины Николаевой — роман не только высоко в свое время оцененный нашей общественностью, но и до сих пор пользующийся широкой популярностью.

Значительность этой книги в первую очередь заключается в том, что она утверждает незыблемую силу колхозного строя, изображает рост колхозной деревни и ее людей, показывает сложные процессы развития сельского хозяйства и формирования человеческих характеров. Г. Николаева рассказывает о том, как „самый плохой колхоз самого трудного сельсовета, в самом трудном районе области“ выходит в послевоенные годы в число передовых. Однако тема укрепления колхозного хозяйства в период, когда народ-победитель вернулся к мирному труду, не является основной в романе. Воспроизводя типичные стороны жизни послевоенной колхозной деревни, писательница изображает зримые черты коммунизма, входящие в повседневный быт советского человека. Именно в показе поступательного движения советских людей вперед, к коммунизму и заключается пафос романа.

Писательница создавала роман, опираясь на свои наблюдения за жизнью колхозов Горьковской области и Кубани. Идя от жизни, она показала те реальные трудности, с которыми приходилось сталкиваться колхозникам и работникам сельских районов.

Герою романа, демобилизованному воину Василию Бортникову, избранному председателем колхоза, пришлось решать нелегкую задачу: война подорвала хозяйство артели, а „никчемный“ предшественник Василия немало способствовал распаду трудовой дисциплины; отдельные колхозники уклонялись от колхозной работы, искали других заработков. Одни занялись продажей веревки, которую крутили из мочала; Павел Конопатов,

отработав минимум трудодней, „договор на кротов заключил“ и правлению колхоза перестал подчиняться („Я гляжу: у медведя о своей берлоге больше заботы, чем у тебя о своем колхозе...“ — говорит ему Бортников); Степанида и Таня-Барыня стали спекулировать... Трудно в этих условиях „поднять“ колхоз, но Бортников горячо берется за работу. Его пример показывает, „как росли слабые колхозы с приходом хороших руководителей“.

Но дело не только в одном Бортникове: его энергии и страстного желания было бы недостаточно для практического решения всех задач, поставленных жизнью. И автор в самом сюжете романа и в развитии характера Василия Бортникова раскрывает мысль о необходимости коллективных, сознательных усилий всего народа.

Василий начал руководить колхозом путем администрирования; он не пытался убеждать массы в целесообразности проводимых мероприятий; даже решения февральского Пленума ЦК он не разъяснил колхозникам. Авторитет нового председателя под угрозой: ясно чувствуется, что приказом и окриком ему не удастся повести людей за собой.

И в этом случае ему на помощь приходит партийная организация. Коммунисты, вместе с Василием входящие в первичную сельскую парторганизацию, и секретарь райкома партии Андрей Стрельцов — вот люди, помогающие Бортникову избавиться от своих недостатков, а колхозу — стать на ноги и добиться значительных успехов. Всеми событиями, изображенными в романе, автор приводит читателя к выводу, что развитие советской деревни направляет Коммунистическая партия.

Писательница правильно отмечает, что путь к подъему благосостояния сельхозартели и каждого колхозника лежит прежде всего через коллективный труд.

Забота о своем личном огороде и продажа „веревочки“ не может улучшить жизнь колхозника; главное средство подъема его благосостояния — это укрепление общественного хозяйства. Мысль эту выражает на колхозном собрании бригадир Матвейч: „И чтобы добиться того подъема, о котором говорил Андрей Петрович, одно нам надобно: надо, чтоб у каждого из нас сердце пуще, чем раньше, горело об своем колхозе!“

Василий Бортников и парторганизация колхоза

увлекли колхозников перспективой роста артельного хозяйства, заставили их почувствовать могучие возможности колхозного строя.

Успехи сельхозартели убеждали колхозников в том, что забота о своем колхозе — это забота и о себе, и о своем государстве.

Преодолевая многочисленные трудности и препятствия, колхоз имени 1 Мая приближается к „поре зрелости и плодородия“, когда земля готовится одарить людей за их заботу и труд. Г. Николаева рисует поэтические картины работы колхозников и убедительно говорит читателю, что общественный труд — источник радости и счастья человека. Человек живет в своем труде даже после смерти. Погиб замечательный комсомолец Алеша, но разве может он умереть, уйти из людской памяти, когда об его урожае говорили „так естественно, словно он был живехонек“...

Быстро растет Первомайский колхоз. И это не случайно, так как „силы и опыт колхоза не создаются заново, а как бы пробуждаются от сна“; не случайно и молодежь и старики считают себя *коренными колхозниками*.

Однако нельзя останавливаться на достигнутом, нельзя терять темпа! Вчера электрическая лампочка в избе казалась достижением — сегодня надо так запрячь гидростанцию, „чтоб она тоннами зерно ворочала на току, чтобы она воду к фермам гнала, чтобы она нам бревна пилила и огороды поливала!“

Сегодня колхоз стал хорошим, а завтра он должен стать передовым. Сегодня победа над засухой — завтра полное покорение природы. Какие заманчивые, грандиозные перспективы! И все они осуществимы, ибо на помощь колхозникам приходят техника, наука.

В колхозе появляются люди новых специальностей: агрономы, трактористы, комбайнеры, животноводы, электрики. Эти люди составляют растущую колхозную интеллигенцию. „Ты колхозный электрик, первый человек в колхозе, интеллигенция наша! — говорит Василий Буянову, упрекая его за оторванность от общественной жизни села. — От тебя в колхозе свет, от тебя в колхозе механизация, от тебя в колхозе радио, от тебя в колхозе культура. Ты по улице идешь — на тебя девки из окна смотрят: „Электрик идет!“ Ты в одном краю

села слово скажешь — его на другом конце села повторяют: „Электрик сказал!..“

В романе хорошо показана растущая роль современной сельскохозяйственной техники. Тракторы, комбайны, электричество в корне изменили характер земледельческого труда. Мощная техника, вышедшая на колхозные поля, заставляет героев романа выдвинуть такую жизненную проблему, как укрупнение колхозов. „Там, на равнине, посеы трех колхозов. Слить их вместе, поставить трактор — и прямиком! Нет, вы представляете себе? Какие дела тут можно сделать!“ — восторженно говорит Валентина, обращаясь к директору МТС.

Об этом слиянии мечтают и рядовые колхозники. Замечательны перспективы у больших колхозов! При могучей технике становятся излишними межи между звеньевыми участками. Фрося, работая на комбайне, совсем „нечаянно“ „звенья подмяла“, сокращая сроки уборки. И Василий, бывший тракторист, не может не согласиться с ней, так как понимает, что „машина должна быть использована с максимальным эффектом“.

Образцовая МТС, о которой идет речь в романе, — это прообраз создающихся после решения сентябрьского Пленума ЦК типовых машинно-тракторных станций, призванных сыграть решающую роль в повышении урожайности на колхозных полях, в облегчении труда колхозников.

Писательница справедливо отмечает, что в цепи мероприятий, направленных на подъем сельского хозяйства, решающим звеном является МТС, что в руках трактористов „колхозная земля, колхозный урожай, колхозное счастье..“

В романе правильно ставится вопрос о необходимости прикрепления тракторных бригад к полеводческим бригадам на все виды работы — от пахоты до уборки. При этом труд трактористов должен оплачиваться в зависимости от урожая. Такая система повышает ответственность трактористов за качество работы, действительно способствует росту урожайности.

Жизнь подтвердила правильность этой системы, и ныне она является основой организации труда работников машинно-тракторных станций. И странно, что Ф. Абрамов „не заметил“ этих важных вопросов, верно поставленных и решенных в романе.

Однако нужно отметить, что когда Г. Николаева писала роман, в работе машинно-тракторных станций было много недостатков, о которых совсем не сказано или сказано вскользь, слишком робко. Таким образом, подлинные жизненные противоречия оказались местами сглаженными. А ведь образцовая МТС, изображенная в романе, могла быть создана только в борьбе с трудностями, только путем преодоления многочисленных недостатков, на которые указал сентябрьский Пленум ЦК и которые писательница должна была заметить, наблюдая жизнь сельского района.

В статье „О специфике художественной литературы“, опубликованной в журнале „Вопросы философии“¹, Г. Николаева объясняет свое отступление от жизненной правды тем, что редакция журнала „Знамя“ „наотрез отказалась“ печатать „остроконфликтную“ главу, а она „под натиском редакции... в конце концов не выдержала характера и изъяла главу из романа“.

Анализируя этот факт, писательница делает интересные, поучительные выводы:

„Так, отступив от жизненной правды, я нарушила свой писательский долг и поплатилась за это тем, что сама сделала свой роман слабее, чем он был.“

Мне кажется, эта история поучительна, так как многие наши работники искусства не раскрывали подлинной сущности явлений, нередко изменяли принципам социалистического реализма и шли по легкому, гладкому и „безопасному“ пути лакировки действительности. Не случайно то, что в нашем искусстве почти не отображены те трудности, которые были в колхозном строительстве, но не случайно и то, что искажающие правду жизни произведения искусства умирают, едва успев родиться, тогда как произведения, подобные „Тихому Дону“, „Стране Муравии“, „Поднятой целине“, „Разгрому“ и другим, живут и еще долго будут жить“.

Соглашаясь с выводами писательницы, мы тем не менее должны отметить, что ее ссылка на редакцию дела не меняет: читатель судит о романе, отправляясь от его содержания; он не принимает в расчет того хорошего, что выброшено из произведения по чьей-то вине.

¹ „Вопросы философии“, № 6, 1953 г., стр. 83—102.

Несмотря на отмеченные недостатки, Г. Николаева в целом правильно поставила вопрос о роли техники, о механизации как основном, необходимом условии дальнейшего движения вперед.

Не менее важное значение на этом пути имеет повышение культурного уровня народа, установление тесной связи между людьми науки и людьми труда. Борьба за высокие урожаи на полях, за высокие удои на фермах немыслима без агрономических и зоотехнических знаний. Это отчетливо видно в романе. Побывала Авдотья Бортникова в городе на курсах, и появилась у нее вера в свои силы, в реальность своих широких замыслов. Прежняя работа показалась ей после курсов ничтожной и неумелой. Ей захотелось применить на практике все то, о чем рассказали ей и книги, и люди, учившие ее на курсах. Теперь она сама начала формирование нового стада. „Стадо по Дунину замыслу“!

Велика тяга советских людей к учебе: едет учиться Фрося, собирается на курсы Ксюша, мечтает об учебе Василий. „Глубокая потребность к духовной жизни“ влечет колхозников на политзанятия, где изучается бессмертное марксистско-ленинское учение.

Не могут практики сельского хозяйства жить без науки, но и наука не может успешно развиваться без связи с практикой. Это хорошо понимают ученые нашей страны, и академик Петров, один из персонажей романа, говорит: „...единственный верный путь нашей науки — это широчайшая связь с колхозниками“.

В нашем социалистическом *сегодня* между людьми в процессе коллективного труда складываются новые отношения, которые станут нормой поведения в коммунистическом *завтра*.

По новому складываются и личные отношения между людьми, объединенными в общем труде.

Василий Бортников и Степан Мохов — „враги“, но общая забота о колхозном урожае заставляет их забыть о личной неприязни: Степан, не спавший трое суток, по просьбе Василия выезжает на комбайне убирать хлеба первомайцев, а Василий, которого терзала ненависть к Степану и который „готовил для него слова жестокие и оскорбительные“, встречает в поле своего „соперника“ словами благодарности...

Так в процессе борьбы за интересы коллектива формируется коммунистическое сознание. Интересен в этом отношении эпизод награждения за хорошую работу бабушки Василисы, возглавлявшей овцеводческую ферму. Авдотья, желая обрадовать Василису, выбрала для нее лучшую ярку из колхозного стада. Но бабушка протестует: „ — Белянку я не отдам! — решительно заявила она, как будто ярка предназначалась не для нее, а для кого-то другого. — Белянку я от себя не отпущу! Лучшую ярку у меня уводить? Где же это виданы такие порядки?

Она почти враждебно посмотрела на Авдотью, посягнувшую на ее богатство...“

Эти слова старой бабушки Василисы, ставшей руководительницей фермы, характеризуют ее как *нового советского человека*, который общественные интересы не только не отделяет от личных, но даже ставит выше личных.

Этот эпизод может породить у читателя вопрос: а не забывает ли писательница про принцип материальной заинтересованности колхозников?

Думаем, что нет. Василиса отказалась от Белянки, которую считает украшением колхозной овцефермы, но ведь другую-то ярку она взяла! Отказываясь от Белянки, она убеждена в том, что ее личное благополучие целиком зависит от благополучия колхоза; интересы колхоза стали для нее неотъемлемой частью ее собственной жизни, ее успехов, ее труда. Эту мысль хорошо раскрывают слова Валентины, подводящие итог роману и подчеркивающие *новое качество* советских людей:

„ — Отчего так хорошо? — тихо, словно самой себе говорила Валентина. — Отчего такой мир и такое счастье вокруг?.. оттого, что все здесь создано нами? Нет... Не только оттого. Вот сейчас я представила себе, что все здесь не наше общее, а, например, мое, только мое. И так противно даже на миг допустить это! Сразу разрушится красота. Будет негодование и справедливый гнев одних, страх и жадность других. И не будет вокруг ни счастья, ни мира, ни согласия...“

Конечно, невозможно себе представить, чтобы подобным образом рассуждали люди, еще не освободившиеся от собственнических чувств, как, например, Степа-

нида, и Г. Николаева нарушила логику развития образа, когда заставила эту старую торговку к концу романа признать, что счастье человеческое не „в добре“. Зато старику Бортникову веришь, когда он сожалеет, что всю жизнь шел по „обочине“, а „не по дороге“, и осознает, что интересы общества не стали для него в жизни основными; веришь, что пример для себя он видит в Паше Ангелиной: „Девушка ведь, не мужик... А как жизнь провела!.. Придет ее старость — не будет у нее сердце сверлить, как у меня“.

В романе „Жатва“ много действующих лиц, и у каждого из них свой характер, своя судьба, свои склонности и интересы. И в то же время всех их объединяют общие интересы — интересы коллектива, народа, Советского государства. В процессе коллективного труда люди изменяются и растут, расширяется их кругозор, проявляются их таланты.

На молочной ферме открылся „талант“ у Ксюши, превратившейся из тихой и незаметной девушки в расторопную и распорядительную заведующую фермой.

„Татьяна тоже безошибочно чувствовала в себе „талант“, только этот талант еще „не открылся“, и Татьяна никак не могла определить, в чем он заключается“.

Но вот приходит время, и Татьяна становится специалистом по выращиванию ранних овощей.

Новая жизнь преображает озорную Фроську: настоящее удовлетворение в жизни она получила лишь тогда, когда стала „начальником комбайнового агрегата“ и когда упорным трудом завоевала уважение всего коллектива.

Герои Г. Николаевой ищут „свою линию“ в жизни и находят ее: одни — более или менее легко, другие — с большим трудом. Петр, например, не допускает, что у человека может быть какая-то линия, о которой говорил ему Алексей.

„— Какая еще там „линия“? Думать еще обо всяких линиях! Я просто так хочу жить.“

— Просто так не живут... Все равно в каждой жизни получается своя линия...

— Ну и пускай ее сама получается, мне не жалко! Чего же мне над ней трудиться — определять да выводить, когда она все одно получится?

— Если ее самому не определить и не вести, то она пойдет кривулять и получится не такая, как тебе самому надо. Если ты ее не будешь выводить, она сама тебя выведет, куда тебе не нужно.

— Я счастливый! Меня моя выведет, куда надо!"

И лишь после того, как Петр глубоко пережил смерть Алеши, бывшего „его совестью, его другом, его советчиком“, он понял, что от него самого зависит, как пойдет его жизнь, каким будет отношение к нему окружающих,— понял, какую „линию“ избрать в своей жизни.

„Линии“ Василия и Авдотьи Бортниковых, центральных героев романа, выписаны с особой тщательностью.

В тяжелых условиях пришлось Василию браться за руководство колхозом: дело осложнялось его личной драмой, тем, что Авдотья, тяжело пережив известие о его гибели, полюбила другого человека и вышла за него замуж. Василию не только трудно найти „партийную линию с народом“, ему трудно наладить и взаимоотношения с Авдотьей.

Мешают воспоминания о недавней близости Авдотьи к Степану; тяжелое настроение сказывается на руководстве колхозом: Василий работает нерадостно. Горячий и раздражительный, Василий пытается „силом повернуть“ колхозников в нужную сторону, он пробует сразу, с плеча решить и семейную проблему. Но ни одна из трудных задач, выпавших на его долю, не может быть решена так просто, внезапно, „единым духом“. Жизнь сложнее, люди — и в семье и в колхозе — сложнее, чем ему казалось.

В характере Василия, при всей его резкости и чрезмерной прямолинейности, при том, что ему часто не хватает чуткости, есть главные черты, которые решают его судьбу. Как бы ни были значительны срывы и ошибки Василия, он всегда стремится держать партийную линию: побеждает его честность, принципиальность, чувство ответственности, стремление быть на высоте положения.

Ему, недавнему воину, было необходимо ощущение „первой шеренги“, и он настойчиво трудится во имя того, чтобы свой колхоз вывести в число передовых. Колхозники правильно оценивают ум и организаторские способности Василия, и со словами Фроськи: „Харак-

терный и разумный у нас председатель...“— согласны, конечно, все.

Василий растет вместе с колхозом. И как растет! Этот рост заметен и в том, что личное раздражение у него отступает на второй план перед стремлением видеть все с партийной точки зрения (история с актом, составленным Ефросиньей), и в том, что вся его жизнь идет теперь „на другом уровне“: „По сравнению с той силой, с теми возможностями, которые Василий чувствовал, все сделанное казалось ему недопустимо маленьким, и он жил в непрерывном и нетерпеливом стремлении сделать больше“.

Стремление сделать больше, постоянно идти вперед — драгоценное качество передового советского человека, коммуниста, которое Г. Николаева раскрывает в образе Василия Бортникова. Общественные качества Василия оказывают непосредственное влияние и на его личную жизнь: по-новому осмыслив роль каждого человека в колхозе, он и на Авдотью смотрит по-новому, отрешаясь от своих старых представлений о семье и находя в Авдотье не только жену, но и друга, и помощника в работе.

Разве это не характерно, не типично для многих тружеников колхозной деревни?

Однако сама писательница типичность Бортникова видит в другом. В статье „О специфике художественной литературы“ она пишет: „Для деревни сегодняшнего дня я считаю наиболее типичными людей, глубоко преданных колхозу, но еще имеющих много пережитков капитализма в сознании. Третий века существования колхозного строя в нашей стране — еще недостаточный срок для того, чтобы без остатка вырвать из психики людей те корни, которые прорастали в течение многих веков. И советские люди нашего времени ведут нелегкую борьбу с пережитками старого.“

Вот почему в центре моего романа я поставила Бортникова, человека ценного, советского и все же разрываемого внутренними противоречиями. Вот почему именно вокруг него я и сгруппировала внешние конфликты (конфликт с женой, история с гречишниками, конфликты с колхозниками и т. п.)“.

Конечно, в деревне значительны пережитки старого, но разве это дает основание относить к типичным

представителям колхозного крестьянства лишь тех, для которых характерна „крестьянская раздвоенность сознания, оставшаяся от прошлых веков“?

Если стать на точку зрения автора, то нельзя отнести к типичным образам Авдотью, Алешу, Степана, Татьяну, которых сама Николаева считает людьми „подлинно социалистической формации“.

Ошибка Г. Николаевой — результат рассмотрения типического только как наиболее распространенного, часто встречающегося (именно поэтому ее в первую очередь интересовала „извечная“ двойственность „крестьянства“). Но дело не только в этом. В утверждении Николаевой нашли отражение споры, ведущиеся в писательской среде о том, каким должен быть положительный герой: без сучка и задоринки или с наличием у него определенных недостатков? Раньше, в период работы Г. Николаевой над статьей, эти споры велись в узком писательском кругу, в дни предсъездовской дискуссии — перед лицом широких читательских масс. А. Протопопова на страницах „Комсомольской правды“¹ выступила со статьей, содержащей призыв к созданию идеального героя; А. Белиашвили, возражая против этой точки зрения² и высказывая ряд правильных положений, ратует за право писателей изображать положительных героев, имеющих какие-либо отрицательные черты. Крайности, как известно, сходятся. Принять любую из этих точек зрения — это значит обеднить нашу литературу, сузить возможности писателей в изображении действительности, толкнуть их на создание образов по заданной схеме, а в целом — нарушить принцип социалистического реализма, требующий правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии.

Если Василию приходится преодолевать внутренние недостатки, являющиеся „остатками старого“, — и в этом мы видим отражение процесса революционного развития нашего крестьянства, — то этот процесс не менее заметен и в образах Авдотьи, Алеши, Степана, которые не „разрываются“ внутренними противоречиями.

¹ „Комсомольская правда“, № 164 от 13 июля 1954 г.

² „Литературная газета“, № 87 от 22 июля 1954 г.

Опыт советской литературы учит, что возводить определенные границы, в пределах которых только и может действовать положительный герой, нет никакой необходимости.

Д. Фурманов, например, показал Чапаева „со всей человеческой требухой“, по разве потускнел от этого образ легендарного героя гражданской войны? Наоборот, А. Фадеев в „Молодой гвардии“ не наделил своих героев-комсомольцев внутренними противоречиями, недостатками, но разве от этого образы молодогвардейцев стали менее убедительными?

Поэтому вряд ли правомерен спор о том, каким должен быть положительный герой: писатель будет прав во всех случаях, если он будет „стараться проникнуть в души советских людей, чтобы показать их во всем своеобразии и обаянии, показать достоверно, жизненно, убедительно“¹. И в этом случае Г. Николаева больше права, чем в своих рассуждениях о типичности Бортника.

Но вернемся непосредственно к роману.

Образ Авдотьи — замечательный вклад в галерею женских образов русской литературы. Писательница раскрыла сложный душевный мир своей героини, показала, как труд во имя интересов коллектива превращает ее в человека с большим кругозором, приводит к вступлению в ряды Коммунистической партии. Вначале это бойкая девчонка, „Ващурка“, способная поразить молодежь деревни живостью и непосредственностью.

Она росла, хорошела и входила в славу: шутка ли — „картофеля собрала четыреста центнеров с га. В районе выступала с докладом... выработала семьсот трудодней...“

Радость Авдотьи, рожденная в коллективном труде, „хирела понемногу“, лишь только она вышла замуж и оказалась в семье, где на ее плечи переложили домашнее хозяйство и лишили возможности работать в коллективе. Теперь она могла лишь вспомнить, сколько было радости, веселья в те дни, когда она была звеньевой и „сумела добиться небывалого урожая“.

С мужем у нее не получалось „обоюдного разговора“, да и не о чем им было говорить: Василий жил

¹ Г. Николаева. „Пути создания образа героя“, „Лит. газ.“, № 115 от 25 сентября 1954 г.

интересами колхоза, а Авдотья была занята заботами по дому, „у него колхоз, сельсовет, район, партия, а у меня — весь мир до порога“. Авдотья мучительно переживает отчужденность Василия, свое одиночество в большом доме, где в удел ей даны заботы о Буренке и гусях. „И для чего мне томиться, для чего мне в четырех стенах жить? Для детей? А для них что я смогу? Кашу сварить да рубашонку выстирать? Это любая нянька сможет. В этом ли материны заботы? Разве могу я наставить их на жизнь, когда сама я не умею жить? Подрастут — так же, как Василий, за советом, за помощью, за серьезным разговором пойдут к чужим людям, мимо меня. И поделом мне: не обертывайся мать нянькой, жена — кухаркой. Так я сама себя поставила. Или я не способна на другое?..“

И она решительно заявила дома о своем желании идти „на колхозную работу“. А за этим последовал ее переезд с Василием в новую избу. Началась новая жизнь, длившаяся недолго: она оборвалась с началом войны. Тяжелые испытания выпали на долю Авдотьи: она пережила огромное горе, получив известие о смерти мужа; через несколько лет, когда она обрела счастье, сблизившись со Степаном, и „узнала всю полноту семейной жизни“, вернулся Василий.

Писательница хорошо показала душевное состояние Авдотьи в момент встречи, когда чувство вины перед Василием, отцом ее детей, вступило в противоречие с ее горячей привязанностью к Степану.

И хотя Василий все „простил“, не было между ним и женой согласия, не могли они договориться „до доньшка“. Авдотье пришлось известное время жить в одиночестве, чтобы „оглядеться“; нужно было время, чтобы новые отношения сложились между ней и Василием. Но не только время, а прежде всего общее дело сближает Василия и Авдотью: Василий „со стороны“ по-настоящему понял и оценил свою жену, когда она в трудную минуту пришла к нему на помощь.

На наших глазах растет Авдотья как человек, обогащается ее душевный мир, увеличиваются умственные запросы.

Еще в период сближения со Степаном „прочно вошла в жизнь Авдотьи книга“, теперь она становится для нее учебником жизни, другом. Курсы, встречи с

учеными, новый характер работы на ферме, занятия в политкружке — все это наполняло жизнь Авдотьи новым содержанием.

Это она, Ващурка, делает для молодежи доклад о том, что узнала на курсах, и излагает „самую сущность мичуринского учения“; она замечает ошибку в кормовом плане колхоза, а затем побеждает в споре с Василием о клеверах; она становится инициатором новшеств, активным организатором роста колхозного хозяйства.

И вполне закономерным является вступление Авдотьи в ряды Коммунистической партии.

„ — Ну вот, мы и коммунисты оба, — сказал Василий. — Оба..“

Художественная сила и убедительность всех образов романа, и в первую очередь Василия и Авдотьи, определяется тем, что они изображены как в плане общественном, так и в личном. Писательница устанавливает связь между трудом и бытом своих героев, показывает, что решение всех личных вопросов в конечном счете определяется нормами социалистического общества. При этом Г. Николаева не прикрашивает своих героев, не закрывает глаза на противоречия и конфликты, имеющие место в нашей жизни.

В романе показано, как организаторская и воспитательная работа Коммунистической партии сказывается на духовном росте советских людей. Коммунисты преобразуют деревню, помогают людям преодолевать недостатки, поднимают их на новую ступень. Поворотным пунктом в жизни Первомайского колхоза было первое партийное собрание, хотя партийная организация насчитывала только трех коммунистов (Василий, Буянов, Валентина). „Их было только трое, трое коммунистов, и все они были обыкновенными людьми, со многими слабостями и недостатками, но оттого, что все они стремились к одной высокой цели и шли к ней неуклонно, путями, указанными партией, шли, жестоко критикуя, исправляя и дополняя друг друга, они сами становились силой, имя которой партия“.

Партактив района, посвященный обсуждению плана работы МТС, является таким событием, значение которого ощутил весь район. Коммунисты вскрыли недостатки плана Высоцкого и вообще МТС и райкома, наметили

перспективы движения вперед и „ушли с собрания не теми, что пришли на него“: они почувствовали в себе силы для более значительных дел.

Вожаком коммунистов района является секретарь райкома партии Андрей Стрельцов. Этому талантливому руководителю по плечу самые сложные и трудные задачи. Он упорно работает, чтобы отсталый Угринский район вывести в передовые. Он разработал перспективный план роста района и глубоко убежден, что через три—четыре года он сумеет „потягаться“ с Кубанью, где ему приходилось работать раньше. .

Он понимает, что благополучие района „не в черноземе, а в методах руководства“, и стремится укрепить кадры руководителей колхозов и колхозных партийных организаций („Я несколько раз видел, как росли слабые колхозы с приходом хороших руководителей“...).

„Многих коммунистов мы снимаем с районной учрежденческой работы и посылаем в поле“,—говорит Андрей Буянову, отправляя его в колхоз имени 1 Мая.

Таким образом, в романе был поднят вопрос об укреплении колхозных кадров, о правильном использовании и подборе людей—вопрос, который реализуется сейчас в процессе осуществления решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

Писательница сделала попытку создать живой образ такого партийного руководителя. Андрей, любовно прозванный „Петровичем“, тесно связан с массами, знает достоинства и слабости работников района, умело растит их прямыми и сильными, заставляя видеть и использовать свои возможности, умеет всем во-время помочь.

„...Доведись беда, каждому поможет, как и мне помогал“, — думает о нем Василий. Стрельцову в высшей степени присуще то „чувство партийности“, без которого не может быть хорошего руководителя.

Однако почему же в этом образе мы не чувствуем необходимой художественной „полноты“?

Неужели здесь „виновата“ исключительная „правильность“ Андрея? Нет, дело не в этом. Советская литература знает „правильных“ героев (вспомним, например, Павла Корчагина, Воропаева и др.), и читатель любит их.

Все дело в том, что Андрей дан в „готовом“ виде; положительный герой ведь тоже должен развиваться, а в образах Андрея и Валентины этого развития, движения характеров не видно. Больше того, писательница заставляет своего героя совершать поступки, психологически неоправданные, в которые не хочется верить. Если, например, человеческая обида Андрея на Валентину, когда он сам пошел ночью разводить на кухне примус, кажется естественной, то никак нельзя понять нарочитое, почти жертвенное самоограничение Андрея, когда он посылает Валентину в дальний колхоз после того, как они семь лет были в разлуке.

Подобное недоумение вызывает и решение Валентины остаться в МТС именно в тот момент, когда, казалось бы, она наконец могла вернуться к Андрею.

Страницы, посвященные описанию размышлений Валентины в МТС, ее „внутренней борьбы“, — наиболее слабые в романе.

Противоречивым получился эпизодический образ работника райкома Волгина. Обидно, что писательница, „показав“ его в двух эпизодах, не свела концы с концами. Вначале мы узнаем, что этот работник выезжает па места не для глубокого изучения дел и оказания реальной помощи, а чтобы „километры считать“.

Но вот перелистываем ряд страниц, и Андрей, недавно упрекавший Волгина за „приверженность к гастрольным поездкам“, думает о нем другое: „Вот старая партийная косточка! В нутро смотрит!“ Трудно понять, как это „гастролер“ может смотреть „в нутро“. Тут что-то не так...

Идейное содержание произведения определило отбор соответствующих языковых средств и средств художественной образности.

Вслушайтесь в то, что говорят Василий и Авдотья или другие колхозники, и вы сразу почувствуете, что перед вами грамотные, культурные люди, каковыми и являются в подавляющем большинстве своем сегодняшние колхозники. Но в то же время это люди из деревни: нет-нет, в их речи проскользнет чисто „деревенское“ словечко. Вот разговаривают Авдотья и Настя Огородникова:

• — Лошадей-то на конном нет. На чем поедем, Настюш? (Подчеркнуто везде мной — П. Б.)

— А *пеши* пойдём! На дороге *кто ни кто* посадит". Или вот Василий выражает свою досаду, когда слышит голос Ксенофоновны:

„Опять повела агитацию, чертова *балаболка!*“

А вот как возмущается „удивленная“ Фроська, когда Алексей возражает против оставления ее звеньевой в бригаде:

„ — А *чем я тебе не угадала работать?!*.. Как мы на селе работали, ты сам нас *нахваливал!*“

Несомненно, что подобные слова и выражения придают роману и его героям тот особенный колорит, без которого не может быть произведения о деревне.

Однако во всем нужна мера, и злоупотребление диалектизмами недопустимо. Можно, например, согласиться, когда в речи героев встречаются такие слова, как „заглубляться“, „своеобычлива“, „серьеза в ней нет“, „менючая“, „неприбериха“, „напрокудила“ и т. д. Но вряд ли целесообразно употреблять в авторской речи такие слова, как „задремывая“, „умашиваясь“, „девах“, „ошкуренные“, „мочажина“, „шохрина“, „пауты“ и др.

Средствами языка писательница умеет подчеркнуть и рост своих героев. Авдотья, например, на курсах узнала много нового, она усвоила необходимую научную терминологию, и вот в ее речи появляется новое слово, которое, как замечает автор, она выговаривает с удовольствием:

„ — Думку я отобрала для показа. Удой у нее средний, да уж очень хороша по экстерьеру!“

Новая жизнь, новые технические достижения — все это находит отражение в языке.

Вот, например, характерная для наших дней реплика Петра:

„ — Да ты что, брательник? — сорвался он. — Ты *телевизора* мне еще не покупал, чтобы я мог глядеть вперед за четыре километра!“

Когда мы слышим, что Василий звено Фроси сравнивает с пулеметным расчетом, мы сразу можем сказать: слова эти принадлежат вчерашнему фронтовику.

Часто в сравнениях, встречающихся в романе, тот образ, с которым что-либо сравнивается, берется не „вообще“, а из окружающей обстановки. Вот как описываются размышления Петра в лесу: „Мысли были

коротки, прозрачны, текучи. Они скользили по поверхности, как лесной ручей, легко и мгновенно отражая окружающее“. Следует, однако, отметить, что попытки строить сравнение на образе, подсказываемом обстановкой, не всегда приводят к нужному эффекту. Рисуя Ксюшу, автор хочет сказать читателю: какая приятная девушка! — и пишет: „Она ходила теперь в белоснежном халате и в такой же белоснежной косынке, повязанной тюрбаном. Смуглое и тонкое личико ее выделялось в этом обрамлении, как муха в молоке“. Наглядное сравнение, но... неприятное.

Некоторые образы в романе кажутся надуманными или, что еще хуже, идут от литературного штампа. („Он (Василий—П. Б.)... хотел на это особо важное для колхоза первое партийное собрание притти в полной форме, как в полной форме выходит генерал к армии перед сражением“(?) ; „А она шла королевой..“)

Представляя читателю героев романа, автор начинает с обрисовки их внешности и неумеренно пользуется эпитетами: Андрей у нее — „маленький лобастый секретарь“ (те же эпитеты в применении к нему повторяются дважды), „разноглазая Фрося... яркогубая, мелкокудрявая“ (эти эпитеты повторяются много раз, не внося ничего нового в портрет героини), Алеша „яркоглазый, кудрявый“; о глазах героев чаще всего говорится, что они или „широко поставленные“, или „близко поставленные“... Есть в романе и другие недостатки. Некоторые сцены в нем слишком слащавы, идиличны и сентиментальны (в них, говоря словами автора, „чрезмерные дозы чистой лирики“); отдельные страницы, особенно в третьей части, носят описательный характер.

Однако, отмечая недостатки романа, надо уметь за деревьями видеть лес, чтобы частности не заслонили главного, основного, как это произошло в упоминавшейся статье Ф. Абрамова.

Читатель „принял“ этот роман, лишь только он появился на страницах журнала, и, правильно оценив его достоинства, отнес „Жатву“ к числу лучших произведений послевоенной прозы.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ БОРЬБЫ ЗА КОММУНИЗМ

Когда читаешь рассказы и очерки В. Овечкина, невольно вспоминаешь слова А. М. Горького: „В основе своей искусство есть борьба *за* или *против*, равнодушного искусства — нет и не может быть, ибо человек не фотографический аппарат, он не „фиксирует“ действительность, а или утверждает, или изменяет ее, разрушает“¹.

Произведения В. Овечкина посвящены жизни людей колхозного села, важнейшим проблемам современности, которые стоят в центре внимания Коммунистической партии и народа. Читатель не найдет в них бесстрастных зарисовок, „картинок с натуры“. Идейная позиция автора предельно ясна. Она позволяет читателю во всех случаях отчетливо представить, против чего борется автор, что он отстаивает и утверждает. Глубоко раскрывая идейный смысл современных событий, отражая борьбу нового со старым, показывая перспективы нашего развития, писатель своими произведениями способствует делу коммунистического воспитания трудящихся.

В основе очерков и рассказов В. Овечкина лежит глубокое изучение жизни.

Писатель знает, что строительство коммунистического общества не обходится без борьбы со старым, со всем тем, что тормозит наше движение вперед. Показывая эту борьбу, он ясно видит перспективы наше-

¹ А. М. Горький. Собрание сочинений, т. 27, стр. 444.

го развития и потому критику недостатков в руководстве сельским хозяйством сочетает с утверждением силы и могущества советского общественного строя.

Об Овечкине как писателе критика заговорила „во весь голос“ после опубликования им очерков „Районные будни“, „На переднем крае“, „В одном колхозе“, хотя и в других, ранее написанных произведениях он тоже ставил и разрешал острые жизненные проблемы.

В прошлом году повести, рассказы и очерки В. Овечкина вышли тремя сборниками¹, и читатели получили возможность более основательно познакомиться с творчеством талантливого писателя.

Все очерки из цикла „Районные будни“ (включая и опубликованные в последнее время—„В том же районе“², „Своими руками“³) в первую очередь касаются вопросов руководства сельским хозяйством. Не случайно Государственное издательство сельскохозяйственной литературы выпустило сборник произведений В. Овечкина под названием „Очерки о колхозной жизни“.

Основу конфликта очерка „Районные будни“ составляет столкновение двух партийных работников, из которых один является настоящим коммунистом, а второй таковым лишь значит. Рисуя этих людей, автор сталкивает два различных, непримиримых стиля руководства.

Борзов, первый секретарь райкома партии, не сразу предстает отрицательным персонажем. Таких людей, как он, не так-то легко раскусить, а тем более „поколебать“: у них высокое положение, они пользуются доверием вышестоящих работников, на словах и, кажется, на деле в первую очередь отстаивают интересы государства.

Вот этот человек, „среднего роста, коренастый, с нездоровым, желтоватого цвета лицом, в мокром от дождя, длинном, почти до пят, кожаном пальто...“, уверенной, хозяйской походкой поднимается на крыльцо райкома. В горячее время уборки урожая он до-

¹ На переднем крае. „Советский писатель“, 1953 г.

² Повести и рассказы. „Молодая гвардия“, 1953 г.

Очерки о колхозной жизни. Сельхозгиз, 1953 г.

³ „Новый мир“, № 3, 1954 г.

³ „Правда“, №№ 239, 242, 244 за 1954 г.

срочно уехал из санатория и прямо с вокзала, предварительно заехав на элеватор, чтобы проверить ход хлебопоставок государству, направляется в свой рабочий кабинет. „Отдохнешь!..— говорит он. — Дураки в это время ездят лечиться! Только и слышишь по радио: уборка, хлебопоставки, сев озимых. Область нашу „Правда“ трижды помянула уже в передовицах как отстающую“. Таким образом, Борзов обеспокоен положением дел в области и в районе (в санатории он читал не только „Правду“, но и свою областную газету, которую высылала ему жена). Он знает: „стране нужен хлеб“—и сразу после приезда начинает „шуровать“, принимать энергичные меры, чтобы колхозы района во-время рассчитались с государством.

Можно было бы простить Борзову излишнюю самоуверенность, идущую от переоценки своей личности (не приеду—без меня не справятся!), если бы его энергия сочеталась с правильным подходом к решению государственных вопросов.

Что предлагает Борзов для ускорения хлебодачи? Он хочет колхозам, уже рассчитавшимся с государством, повысить группу урожайности и заставить их снова сдавать зерно, чтобы таким образом выполнить план за отстающие колхозы и обеспечить выполнение плана по району в целом.

Нет, такие действия не вяжутся с интересами государства. Недаром Мартынов, второй секретарь райкома партии, увидел в них нарушение принципа „советской справедливости“: мероприятия Борзова ведут к тому, что „и в тех колхозах, где люди честно трудились, и где работали через пень-колоду“, на трудодни достанется поровну. А это означает, что Борзов нарушает закон социализма „каждому по труду“ и один из коренных принципов социалистического хозяйствования— принцип материальной заинтересованности в развитии производства, в увеличении его доходности.

„Так и в передовых колхозах можно развалить дело“,— говорит Мартынов, а Руденко, председатель райисполкома, понимает, что действовать, как рекомендует Борзов,— это значит „...зарезать ту курочку, что несет золотые яички“.

Как известно, такая практика была впоследствии

осуждена в постановлении сентябрьского Пленума ЦК КПСС „О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР“. Чем же объяснить, что Борзов, забывая о выполнении государственного плана, действует все-таки вопреки интересам государства? Во имя чего он „шурует“, рассылая грозные телефонограммы? В своих действиях Борзов и люди его типа исходят из ложной, противоречащей сущности нашего строя предпосылки, будто интересы государства и народа не совпадают. „Стране нужен хлеб“, „нам нужен хлеб“, — утверждает Борзов, считая, что он-то как раз защищает интересы страны, и поучает Мартынова: „Мальчик? Не знаешь, как взять с них хлеб?“ Выходит, что „мы“, „страна“ — это одно понятие, а „они“, колхозники, — другое, противоположное. Именно поэтому Борзов на замечание Мартынова, что повышение группы урожайности поставит председателя колхоза Опенкина в затруднительное положение перед колхозниками, говорит: „Чего ты болеешь за него? Старый зубр! Вывернется!“

Таким образом, Борзов меньше всего заботится о людях: „вывернется“ Опенкин, „вывернутся“ и колхозники (как это произойдет — не его печаль). При таком подходе к делу незачем советоваться с людьми, воспитывать их: достаточно принять решительные административные меры. Ведь не все же в районе плохо работают, не все отстают с хлебопоставками. Однако Борзов через час после приезда, даже не пытаясь изучить вопрос, обвиняет весь актив района в „забвении интересов государства“ и всем грозит „в случае невыполнения“ привлечением к „суровой партийной и государственной ответственности“.

Своим умением „держать район в страхе божьем“ („В том же районе“) Борзов впоследствии гордится. Относя себя к непогрешимым работникам, он не считается с мнением тружеников села, никогда с ними не советуется. Когда Борзов приезжает в сельскохозяйственные артели, он не говорит с колхозниками „ни слова“, лишь беседует „по секрету“ с председателями („На переднем крае“).

Его окрики, угрозы („Я с вас три шкуры спущу!“) сковали инициативу людей.

Действия Борзова, вся его энергия направлены к тому, чтобы заполнить сводку, отчитаться перед обла-

етным начальством. „Ему, Илларионыч,—говорит Руденко Мартынову,—из кожи вылезти, а хочется добиться, чтоб в первую пятидневку по его приезде хлеба вывезли раза в два больше, чем при тебе возили. Чтоб в обкоме сравнили сводки: вот Мартынов давал хлеб, вот — Борзов!..“

Эту мысль продолжает сам Мартынов в разговоре с Марьей Сергеевной, женой Борзова: „А может, он только о себе думает? Не выполнили то-то и то-то — на дурном счету в обкоме будет район и он, секретарь. Приятно ляжет на его служебную репутацию“.

Так государственные интересы отесняются на второй план личными, узко эгоистическими интересами. Люди типа Борзова выполнение служебных обязанностей сводят к отчету о выполнении мероприятий, а соответствует ли это „выполнение“ интересам дела — для них не так уж и важно. „У Борзова на столе лежит разрядка: послать восемь агрономов в колхозы председателями. Есть — послать! А кого послать, как послать — это его не очень волнует. Лишь бы выполнить в срок задание по количеству и отчитаться перед обкомом“. И вот в колхоз посылаются „агрономы“ вроде Аксенова, просидевшего двадцать лет в учреждении за выписыванием бумаг. У него нет ни агрономических знаний, ни опыта организаторской работы. „Чего же хорошего дождемся от этого трухляка?! Но для отчета перед обкомом он годится — диплом о высшем агрономическом образовании имеет...“

Подобные действия — результат формального отношения к делу. Руденко прав, давая Борзову следующую оценку: „Не всегда, стало быть, та первая голова и есть, которая первая по чину“... А Мартынов говорит более определенно: „Партийная работа не для него“.

Образ Борзова остался бы незавершенным, если бы автор показал его только как руководителя. Писатель раскрыл Борзова всесторонне, повернул его перед читателем всеми сторонами характера. Думая лишь о себе, о своем благополучии, Борзов всех других людей меряет „на свой аршин“. Он не может понять принципиальной основы возражений Мартынова и считает, что тот „рвется к власти“, „хочет сам играть первую скрипку“. И он предлагает Мартынову пере-

браться в другой район: „От души советую тебе, Петр Илларионыч: поезжай ты в обком, нажалуйся на меня. чего хочешь наговори, но скажи, что мы вместе работать не можем. Пусть тебя переведут в другой район. Я со своей стороны буду рекомендовать, что тебя послали первым секретарем“. Характерно, что Борзов не только неверно оценивает действия Мартынова, но и стремится отделаться от беспокойного человека. При этом себя-то он считает непогрешимым: иди, жалуйся в обком, но вряд ли поверят тому, что ты скажешь обо мне; зато к моему совету там прислушаются („Я... буду рекомендовать...“).

Писатель рассказал и о семейной жизни Борзова. Из очерка видно, что Борзов женился на Марье Сергеевне не потому, что был влюблен. Все решили другие обстоятельства: она была знаменитой трактористкой, а тогда „мода пошла... такая — на знаменитых стахановках жениться“. Его не очень-то волнует, что жена стремится к любимой работе: для него важно, чтобы она создавала „уют, покой“. А если уж так хочется работать — можно дать „солидную“ должность директора районной конторы „Сортсемовощь“ (все ближе к дому!).

В очерке „В том же районе“ полностью раскрывается неприглядный моральный облик Борзова: после того, как его сняли с поста секретаря райкома, он трусливо ушел к другой женщине. „Давно его тянет к ней, но не решался бросить меня, — говорит Марья Сергеевна. — Пока занимал такой высокий пост. Как же! Люди осудят. До обкома дойдет. Другим — пример? Руководитель должен быть безупречным в быту. Сам читал тут лекции о семье, о морали. Крепкая семья — основа государства. А теперь ему нечего терять!..“

Характерно, что свой шаг Борзов постарался лицемерно оправдать ссылкой на мнимую измену жены. Так шаг за шагом В. Овечкин разоблачает Борзова и борзовщину — эгоизм, бездушие, формализм, стремление скрыть за громкой „партийной“ фразой свои сугубо корыстные интересы.

При решении вопроса о типичности литературного образа мы исходим из положения, что типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает

«ущность данной социальной силы. Многие критики оперируют только второй частью этого определения, забывая, что типично *и то*, что наиболее часто встречается (нужно, конечно, помнить при этом, что распространенное явление тоже выражает определенную социальную силу). Борзовы, к сожалению, еще нередко встречаются в наши дни, хотя они не „делают погоды“. О том, что Борзов не одинок, можно судить по образу работника обкома Голубкова („В том же районе“). Это тот же Борзов, только рангом выше. С Борзовым его роднят и неприязнь к Мартынову, и методы руководства: оба они „в четыре руки кулаками по столу тархтели“, заставляя свеклу сеять в грязь. „Им, видишь ли, к двадцать пятому надо во что бы то ни стало в сводку эту свеклу включать“, а уродится ли она или нет — это не имеет для них значения. Приезжая в район, Голубков занимается „бумажками“, а не работой с людьми, и именно для таких работников, как он, „наши товарищи такие всеобъемлющие резолюции пишут“.

Каковы же типические обстоятельства, порождающие Борзовых? Ведь он вырос в советское время, в молодости был секретарем райкома комсомола, в дни войны — заместителем командира полка по политчасти, „воевал в этих краях“ и все-таки оказался таким секретарем райкома, которого, как говорит тракторист Василий Шатохин („На переднем крае“), „нечем нам хорошим вспомнить“.

Естественно, что пережитки прошлого, проявившиеся в общественной деятельности и личной жизни Борзова, обусловлены определенными обстоятельствами.

К ним надо отнести недостаточный контроль сверху и отсутствие должной критики снизу. Что получается? Работает человек, выполняет планы, идет не в числе последних — значит, считают „вверху“, он на месте, его можно не беспокоить.

В этой связи небезинтересно отметить, что Борзова снимают не за то, что он „испохабил высокое звание председателя колхоза“, „глушил... живую мысль“, воспитание людей заменил администрированием, а за случай грубого зажима критики. И трактористы правы, говоря: „Значит, если бы не дошел он до такого безобразия, может, и до сих пор бы секретарствовал у

нас?.. Не за то сняли, что неправильно районом руководил?..“

Для Борзовых характерно враждебное отношение к критике и самокритике. Они не могли бы себя чувствовать прочно в кресле, если бы в парторганизации честно, принципиально вскрывались имеющиеся недостатки. Ведь Руденко правильно оценивает Борзова, но в нем нет решительности, чтобы возразить первому секретарю, и когда тот посылает „для очищения совести“ „разносную“ телефонограмму и ставит под ней подписи председателя райисполкома и свою, „Руденко махнул рукой: — Валяй!“

Этими обстоятельствами объясняется и недостаточная политическая грамотность Борзова, слабая вооруженность его марксистско-ленинской теорией. Если все решает сводка, то зачем заниматься еще какой-то „политикой“? Не случайно и слово „по-ли-ти-ки!“ направляется им в адрес Мартынова и сторонников его взглядов в качестве укора, упрека за рассуждения о „советской справедливости“, от которых-де в сводке ничего не прибавится.

О недостаточной политической зрелости Борзова говорит и определение им различных методов руководства, выявившихся во время споров с Мартыновым. „Руководи! — говорит он последнему. — Ты с этой самой крестьянской справедливостью, а я — по-пролетарски“.

Слова эти вызывают совершенно справедливые возражения со стороны Руденко: „По-пролетарски, по-крестьянски! Таких и выражений нет. По-большевистски надо руководить!“

А вот по-большевистски Борзов руководить не может, так как не видит единства интересов народа и государства, не руководствуется в своей деятельности основным экономическим законом социализма..

Ныне партия укрепляет местные кадры, выдвигая на партийную и советскую работу людей, способных обеспечить новый мощный подъем сельского хозяйства, и со всей решительностью освобождается от тех, кто живую работу с массами подменяет формально-бюрократическими методами руководства.

Образ Борзова, выписанный Овечкиным с большим мастерством, помогает разоблачить борзовщину во всех ее проявлениях.

Настоящим коммунистом, воспитателем масс в очерках В. Овечкина („Районные будни“, „На переднем крае“, „В том же районе“, „Своими руками“) выступает Мартынов, бывший при Борзове вторым, а затем ставший первым секретарем райкома партии. У него нет солидной, хозяйской осанки Борзова: это „загорелый синеглазый брюнет, с давно не стриженной, выщипанной колтунками на шее и висках, густой шевелюрой, с поджарой, немного сутулой, несолидной фигурой“.

Мартынов дан в столкновении с Борзовым, и именно в борьбе с борзовскими принципами руководства раскрывается его характер, его стиль работы. Борясь за выполнение плана, он знает, что у государства и народа одни и те же интересы, и не может согласиться с Борзовым, который хочет „потрясти еще Демьяна Богатого“, успевшего уже рассчитаться с хлебопоставками государству. В споре Мартынов проявляет настоящую принципиальность коммуниста и не боится упрека Борзова в том, будто он, Мартынов, „разлагает“ партийную организацию. Принципиальность, выработанную в борьбе за государственные интересы, он проявлял и во время работы в газете (от беспокойного человека не раз избавлялись, как пытался это сделать и Борзов), и позже, при столкновении с Голубковым.

Борзов верит в силу грозной бумажки, рассылает „предупреждающие“ телефонограммы. Мартынов советуется с людьми, ищет реальных мер выполнения плана.

Отвергая формалистический метод решения вопросов Борзовым („Любое живое дело можно загубить, если делать его равнодушными руками, с холодной душой“), Мартынов по-настоящему озабочен тем, чтобы поднять отстающие колхозы до уровня передовых.

Глубокий анализ создавшегося положения подсказал ему, что необходимо покончить с крайностями, когда „есть в районе очень богатые, крепкие колхозы и есть слабые“. Беда в том, что из этих крайностей выедаются средние показатели, которые мешают руководителям понять суть дела. На ошибочность руководства по средним показателям указывал на XIX съезде КПСС тов. Маленков:

„Среди партийных, советских, сельскохозяйственных работников есть еще немало и таких людей, которые

судят о сельском хозяйстве и пытаются руководить им, исходя из так называемых средних показателей. Эти работники об урожайности судят по средним данным, о продуктивности животноводства — также по средним показателям. Довольствуясь средними данными, нельзя заметить отстающие районы, колхозы, совхозы, у которых дела идут плохо, нельзя своевременно принять действенные меры по оказанию им необходимой помощи; с другой стороны, за средними данными нельзя увидеть районы, колхозы, совхозы, далеко продвинувшиеся вперед, для которых задания, основанные на средних показателях, не являются мобилизующими, тянут назад, тормозят их развитие“.

Мартынов, не в пример Борзову, видел имевшуюся в районе пестроту и понимал, как можно с нею „покончить“. Положительная программа Мартынова — это программа самого автора, глубоко осмыслившего положение дел в колхозах. Устранить недостатки в районе — это значит, по мнению Мартынова, начать жить не только сегодняшним днем, но и заглядывать в будущее, это значит подтягивать отстающие колхозы до уровня передовых. Для этого нужно ликвидировать иждивенчество, соблюдать социалистический принцип распределения доходов по труду („Плохо поработали? Ну, плохо и получайте по трудодням. А рядом, во „Власти Советов“, по пять килограммов надо выдать!..“), что вызовет материальную заинтересованность в развитии артельного хозяйства, и дать в колхозы настоящих руководителей.

Мартынов верно замечает: на роль уполномоченных, без которых „жизнь... в райцентре идет своим чередом, все конторы пишут“, людей довольно, а вот для постоянного руководства колхозами людей недостает.

Таких „лучших людей“, способных возглавить колхозы, надо „днем с огнем искать“. Нельзя посылать в колхозы людей, не справившихся с работой в районе, или, наоборот, не следует отличившихся председателей выдвигать в район. История с отстающим колхозом „Сеятель“, рассказанная Мартыновым, говорит об одном: только при хорошем руководстве колхоз может расти.

Мартынов правильно оценивал обстановку в районе, верно находил „выход из положения“. Это результат

умения по-партийному решать важные жизненные проблемы, следствие тесной связи Мартынова с массами. Он не отделяет себя от рядовых людей, готов всегда выслушать их мнения, советы и в то же время считает себя обязанным „доводить до сведения наших руководителей все, что слышим в народе, думы народа“.

Воспитывая людей, он развивает в них политическую активность, и в райком идут уже не по личным делам, а с предложениями, советами, имеющими общественное значение. В этом отношении интересна сцена в очерке „В том же районе“, показывающая прием Мартыновым посетителей.

Мартынов прав, утверждая, что и их, партийных работников, можно назвать инженерами человеческих душ. Как секретарь райкома, Мартынов действительно является таким „инженером“: он стремится чувствовать „душу народа“, воздействовать на него силой партийного слова, которое „может стать и металлом и зерном“.

С большой ответственностью относится он к встречам с народом. Беседуя с трактористами („На переднем крае“), он пытается осмыслить порочность организации труда, „при которой трактористу невыгодно выращивать высокие урожаи“, стремится убедить их в том, что они должны работать не как подрядчики, а как хозяева.

„Твои трактористы—люди государственного ума“,— говорит Мартынов директору МТС Глову. Умение мыслить по-государственному Мартынов воспитывает у каждого труженика в своем районе.

Мартынов не упускает из виду и „мелочей“, которым другие не придают значения. Все это усиливает доверие народа к Мартынову, колхозники готовы поддержать его во всех начинаниях. С ним делится своими соображениями коммунист Опенкин, подлинный хозяин колхоза, никогда не отделяющий себя от колхозников; с ним откровенно говорят о наболевших вопросах трактористы и Глов („На переднем крае“); к нему в райком идут люди с дельными предложениями. К Борзову не шли: он считал, что сам со всем справится; Мартынов говорит, что он может справиться только с помощью народа. Не случайно, что он, преж-

де чем решать вопрос на бюро о работе МТС, предлагает разехаться по МТС и провести там партийные собрания: „Поговорим с коммунистами, посоветуемся с ними, что нужно сейчас сделать...“ Он понимает, что умнее народа быть нельзя, и советует „походить, поговорить с людьми, подумать“.

Как это не похоже на Борзова, который, приехав из санатория, пишет разносную телеграмму, еще не изучив положения дел!

Секретарь райкома должен советоваться с людьми, однако он обязан быть человеком больших знаний, большого кругозора, чтобы в нужную минуту помочь им, и потому должен постоянно совершенствоваться.

Писателю удалось подчеркнуть красоту, благородство морального облика Мартынова. Его жизненные поступки ясны и определены, его отношения с женой чисты и искренни. Читатель чувствует, что люди, подобные Мартынову, в своей жизни руководствуются принципами коммунистической нравственности, в основе которых, как учил В. И. Ленин, лежит борьба за построение коммунизма.

И действительно: Мартынов каждый свой шаг сочетает с интересами народа и государства. Когда он оценивает свои разногласия с Борзовым, то думает не о том, что для него могут быть неприятности, а о том, что от этого страдает дело: „Сколько времени, сил затратим на споры, а нужно бы — на работу! Паны дерутся, у хлопцев чубы трещат...“

Нужно, однако, отметить, что характер Мартынова, если брать первые три очерка, в основном раскрывается в „Районных буднях“. Очерки „На переднем крае“ и „В том же районе“ к его облику прибавляют очень немного. Почему? Да потому, что в очерке „Районные будни“ он дан в столкновении с отрицательным персонажем и в этом столкновении активно проявляет себя, а в других очерках, когда Мартынов стал первым секретарем райкома, он мало показан в деле, в момент принятия решений по тем или иным вопросам, выдвигаемым жизнью (раньше критиковал — а теперь правильно действуй сам!).

В этой связи нельзя не вспомнить Сливака, героя повести В. Овечкина „С фронтовым приветом“. Он агитатор полка, следовательно, как и Мартынов, партий-

ный работник. Его облик вырисовывается не столько из бесед с комбатом Петренко (а они занимают большую часть повести), сколько из его конкретных дел. Он беседует с агитаторами словами, которые „доходят до сердца“, он поднимает людей в атаку под огнем врага, бросившись первым вперед. И видишь: Спивак умеет агитировать и словом, и примером. Такому всегда поверят. А вот Мартынов, к сожалению, действует мало. Он беседует с различными людьми, в дождь мобилизует колхозников „Красного пахаря“ на окончание уборки урожая, разыскивает способных людей, таких, как Дорохов. Но мы не знаем, какую роль сыграл Мартынов в окончательном разоблачении Борзова, что он сделал практически для улучшения работы МТС, как беседы с народом воплощаются в дело (он сам говорит: „Каждая наша встреча с народом—это слово, которое должно быть обязательно воплощено в дело“).

Конечно, нельзя требовать от автора, чтобы его герой решил сразу все вопросы, поставленные перед ним жизнью. Но логика развития образа партийного работника, сумевшего привлечь внимание масс к жизненно важным вопросам, требовала от автора, чтобы он показал своего героя в процессе практического решения проблем, связанных с борьбой за дальнейший подъем сельского хозяйства.

И В. Овечкин, как нам кажется, учел это обстоятельство. В последнем очерке из цикла „Районные будни“ — „Своими руками“ — писатель показал Мартынова в момент практического решения им задач, поставленных перед советским народом сентябрьским Пленумом ЦК партии. От этого образ значительно выиграл, он поднялся в глазах читателя на новую высоту. Мартынов дан в этом очерке как партийный работник, способный *творчески, по-деловому* относиться к выполнению решений партии.

Он понимает, что нельзя считать удовлетворительным выполнение решений сентябрьского Пленума в то время, когда не сделано еще главное — не укреплены кадры председателей колхозов.

В колхозы, считает Мартынов, надо посылать „лучших из лучших“. И он разрабатывает план укрепления колхозов и пополнения района новыми кадрами, выно-

ся его на обсуждение партийного актива района. Он добивается, чтобы лучшие коммунисты райкома поехали в колхозы и *своими руками* способствовали новому подъему сельского хозяйства.

План Мартынова, поддержанный большинством коммунистов района, встречает известное противодействие со стороны тех работников, которые *делу* предпочитают *слова*. В столкновении с ними побеждает Мартынов, потому что он, так же как и другие коммунисты, убежден, что мало изучать решения сентябрьского Пленума, разъяснять их колхозникам, — «эти решения Цэка партии надо выполнять!»

Мартынов дает правильную политическую оценку реплике Бывалых, пытавшегося действия секретаря райкома партии представить как «помесь анархизма с народничеством». Указав, что «народничество тут не при чем», Мартынов вспомнил при этом меньшевиков. И не случайно! «Большевики, — сказал он, — отличались от меньшевиков тем, что меньшевики лишь болтали о революции, а большевики ее делали!». Против болтунов Мартынов выступает со всей резкостью и принципиальностью настоящего коммуниста. Выдвижение кандидатов на посты руководителей колхозов он использует и для того, чтобы проверить людей и с некоторых «активистов» снять маски. Вот почему в список «добровольцев» попали люди, которым райком не мог доверить руководство колхозами. Речь о проверке зашла не случайно.

Для пользы дела очень важно знать, кто способен пойти в колхоз, на передний край, где умом и человеческими руками решается успех дела, и кто не годится для этого, хотя, может быть, и числится в партийном активе. Мартынову удалось вывести замаскированных «активистов» на «чистую воду», а это немало-важное дело.

Да, передний край не может привлечь таких людей, как Коробкин, с которым читатель познакомился при чтении очерка «В том же районе». На коробкиных нельзя положиться в любом большом, ответственном, требующем усилий деле. Люди такого рода очень уж близко стоят к тем, «кто, быть может, сознательно не желает, чтобы у нас по-настоящему улучшились дела в деревне...» Мартынов, говоря о том, кому нужна шу-

ный работник. Его облик вырисовывается не столько из бесед с комбатом Петренко (а они занимают большую часть повести), сколько из его конкретных дел. Он беседует с агитаторами словами, которые „доходят до сердца“, он поднимает людей в атаку под огнем врага, бросившись первым вперед. И видишь: Спивак умеет агитировать и словом, и примером. Такому всегда поверят. А вот Мартынов, к сожалению, действует мало. Он беседует с различными людьми, в дождь мобилизует колхозников „Красного пахаря“ на окончание уборки урожая, разыскивает способных людей, таких, как Дорохов. Но мы не знаем, какую роль сыграл Мартынов в окончательном разоблачении Борзова, что он сделал практически для улучшения работы МТС, как беседы с народом воплощаются в дело (он сам говорит: „Каждая наша встреча с народом—это слово, которое должно быть обязательно воплощено в дело“).

Конечно, нельзя требовать от автора, чтобы его герой решил сразу все вопросы, поставленные перед ним жизнью. Но логика развития образа партийного работника, сумевшего привлечь внимание масс к жизненно важным вопросам, требовала от автора, чтобы он показал своего героя в процессе практического решения проблем, связанных с борьбой за дальнейший подъем сельского хозяйства.

И В. Овечкин, как нам кажется, учел это обстоятельство. В последнем очерке из цикла „Районные будни“ — „Своими руками“ — писатель показал Мартынова в момент практического решения им задач, поставленных перед советским народом сентябрьским Пленумом ЦК партии. От этого образ значительно выиграл, он поднялся в глазах читателя на новую высоту. Мартынов дан в этом очерке как партийный работник, способный *творчески, по-деловому* относиться к выполнению решений партии.

Он понимает, что нельзя считать удовлетворительным выполнение решений сентябрьского Пленума в то время, когда не сделано еще главное — не укреплены кадры председателей колхозов.

В колхозы, считает Мартынов, надо посылать „лучших из лучших“. И он разрабатывает план укрепления колхозов и пополнения района новыми кадрами, выно-

ся его на обсуждение партийного актива района. Он добивается, чтобы лучшие коммунисты райкома поехали в колхозы и *своими руками* способствовали новому подъему сельского хозяйства.

План Мартынова, поддержанный большинством коммунистов района, встречает известное противодействие со стороны тех работников, которые *делу* предпочитают *слова*. В столкновении с ними побеждает Мартынов, потому что он, так же как и другие коммунисты, убежден, что мало изучать решения сентябрьского Пленума, разъяснять их колхозникам,— «эти решения Цека партии надо выполнять!»

Мартынов дает правильную политическую оценку реплике Бывалых, пытавшегося действия секретаря райкома партии представить как «помесь анархизма с народничеством». Указав, что «народничество тут не при чем», Мартынов вспомнил при этом меньшевиков. И не случайно! «Большевики,— сказал он,— отличались от меньшевиков тем, что меньшевики лишь болтали о революции, а большевики ее делали!..» Против болтунов Мартынов выступает со всей резкостью и принципиальностью настоящего коммуниста. Выдвижение кандидатов на посты руководителей колхозов он использует и для того, чтобы проверить людей и с некоторых «активистов» снять маски. Вот почему в список «добровольцев» попали люди, которым райком не мог доверить руководство колхозами. Речь о проверке зашла не случайно.

Для пользы дела очень важно знать, кто способен пойти в колхоз, на передний край, где умом и человеческими руками решается успех дела, и кто не годится для этого, хотя, может быть, и числится в партийном активе. Мартынову удалось вывести замаскированных «активистов» на «чистую воду», а это немало-важное дело.

Да, передний край не может привлечь таких людей, как Коробкин, с которым читатель познакомился при чтении очерка «В том же районе». На коробкиных нельзя положиться в любом большом, ответственном, требующем усилий деле. Люди такого рода очень уж близко стоят к тем, «кто, быть может, сознательно не желает, чтобы у нас по-настоящему улучшились дела в деревне..» Мартынов, говоря о том, кому нужна шу-

миха по поводу выполнения решений партии, поставил их рядом.

Таким образом, Мартынов, борясь за претворение в жизнь партийных решений, „убил двух зайцев“: он увлек на „масштабную работу“ в колхозы лучших коммунистов района и одновременно разоблачил шкурников.

В своих действиях он был поддержан и снизу—массами, и сверху—секретарем областного комитета партии.

Образ Мартынова в последних двух очерках („В том же районе“ и „Своими руками“) полемически заострен против тех горе-руководителей, которые, занимая ответственные посты, с апломбом говорят, но мало делают *своими руками*. Характерен в этом отношении даже такой факт, как *семнадцатиминутный* доклад Мартынова на партактиве о выполнении решений сентябрьского Пленума. Необычная форма проведения партактива—это проявление той же устремленности Мартынова сократить время на разговоры, чтобы затем посвятить его делу.

Направляя людей в деревню, Мартынов не обещает им „прекрасную жизнь среди полей и лесов“. Он говорит о возможных трудностях, понимая, что они со временем будут преодолены. Мартынов верит, что в будущем деревня поднимется до уровня города. Но поднимать ее нужно *своими руками*. Именно потому, что и ему тоже хочется что-то сделать в районе своими руками, он отвергает предложение о выдвижении его на руководящую работу в области. Он хочет так поработать в районе, чтобы люди потом вспомнили его „добрым словом“. Да, он будет работать много и хорошо! Автор заставил нас поверить в Мартынова, прекрасного организатора и воспитателя, вдумчивого, инициативного партийного работника.

И как хочется, чтобы мартыновское стремление делать дело „своими руками“ стало правилом поведения для тех руководителей, которые сегодня еще выполнение своих обязанностей сводят к пространным и мало-вразумительным речам...

Сила очерков В. Овечкина не только в разоблачении борзовщины и в показе настоящего партийного работника, каким является Мартынов, но и в постановке

проблем, имеющих огромное значение для дальнейшего укрепления колхозов и развития сельского хозяйства страны. В. Овечкин средствами публицистики поднимает важные народнохозяйственные вопросы. Не случайно его очерки были предметом обсуждения на совещаниях секретарей сельских райкомов КПСС Курской области, Украины, Урала и других районов страны.

В очерке „На переднем крае“ речь идет об улучшении работы МТС — решающей силы колхозного производства. МТС находятся на переднем крае борьбы за урожай, но до сентябрьского Пленума ЦК КПСС обстоятельства складывались так, что работники МТС больше беспокоились о выработке гектаров, а не об урожае. Как это ни странно, но трактористу выгоднее было работать на поле, где „колос от колоса — не слышать голоса“, чем там, где высокий урожай. А все дело в неправильной оплате труда: „Комбайнер от умолота получает, а я, тракторист, таскаю комбайн, мое дело гектары выработывать. На редком хлебе комбайн лучше работает, пошел и пошел без задержки! Перевыполняю норму, прогрессивку мне начисляют...“

Автор решительно выступает за пересмотр системы оплаты труда, чтобы сделать работников МТС, до директора включительно, материально заинтересованными в высоких урожаях. Через весь очерк проходит мысль о том, что судьбы колхозного урожая — в руках механизаторов.

В очерке подчеркивается ведущая роль МТС в развитии сельского хозяйства: „Нашим МТС принадлежит руководящая роль в колхозном строительстве!.. Это же и организаторы борьбы за урожай, и кузницы кадров, и очаги культуры!“

Автор говорит и о других мероприятиях, необходимых для улучшения работы МТС. Чтобы сберечь технику, нужны хорошо оборудованные мастерские, инвентарные сараи; для трактористов, работающих в отрыве от семей, необходимо построить общежития.

Эту тему В. Овечкин продолжает развивать в очерках „День тракториста“ и „В том же районе“. В них речь идет о важности укрепления МТС постоянными кадрами, о необходимости бывшим трактористам, по тем или иным обстоятельствам ушедшим из МТС, вер-

нуться к своей прежней работе. Готов, агитируя женщин за возвращение в МТС, произносит вдохновенную речь о механизации, подчеркнув в ней, что „тракторист—самая главная должность в селе“.

Возвеличивая фигуру сельского механизатора в глазах общественности, писатель тем самым помогает партии и государству в выполнении важной народнохозяйственной задачи: укрепить МТС постоянными, знающими и любящими свое дело кадрами. Обращаясь в своих очерках к вопросам руководства сельским хозяйством, писатель выступает против формализма, против излишней регламентации, которая сковывает разумную инициативу хлеборобов. „Сельское хозяйство требует гибкости ума, смелости, находчивости. Здесь как и в бою, приходится прямо на поле боя принимать решения. Год на год не бывает похож. Заранее, из кабинетов всего не предусмотреть“. Отсюда вывод: работу в районе надо ценить не по проведению какой-то кампании, а по урожаю осенью.

Готов (его „расшевелил“ Мартынов) правильно выступает против бюрократов, которые, приезжая проводить какую-нибудь кампанию, не хотят считаться с продуманными планами директора МТС, учитывающего не только сегодняшний, но и завтрашний день.

Людей, не знающих сельского хозяйства, нельзя допускать к руководству—таков вывод автора. Но недостатки руководства связаны не только с незнанием специфики сельскохозяйственного производства. Мешают работе безалаберщина и канцелярищина.

В. Овечкин резко выступает против излишней заседательской суетни, против любителей речей ради речей, против тех, кто свое безделье прикрывает громкими словами, а от живого дела отгораживается бумажками для вышестоящих органов. С сатирической остротой показал писатель Коробкина—одного из говорунов „с мозолями на языке“. Его речь—это „плетение“ пустых, никому не нужных словес: „Корма—это основа животноводства!.. Вол—это, товарищи, рабочее тягло!.. Свинья—очень полезное животное!..“ Если бы было к месту, он сказал бы, что Волга впадает в Каспийское море. И характерно, как заявил секретарь обкома в беседе с Мартыновым, что в области „есть свои Коробкины. Да какие! Ваши нашим в подметки не годятся.

Им еще учиться да учиться у наших! Прямо гроссмейстеры суесловия! Классики!..“

Русская народная поговорка гласит: „Большой говорун—плохой работник“. И это действительно так. Коробкин может с апломбом выступать на заседаниях, но он не хочет ничего делать своими руками и поэтому спешит выложить на стол партийный билет, лишь бы не оказаться в колхозе (очерк „Своими руками“).

В жизни встречаются примеры, когда коробкины таким образом раскрывают свое подлинное лицо.

Отрывок из очерка „В том же районе“, помещенный на страницах „Правды“, был воспринят советскими людьми как призыв улучшить методы руководства, покончить с бюрократизмом, ненужной заседательской суетней, формализмом. „...Поменьше бы надо агитировать друг друга, а побольше живой работы с народом“. Именно такая живая работа с людьми, конкретная помощь им будут способствовать успеху дела на любом участке коммунистического строительства.

Практическое „назначение“ имеет и очерк „Своими руками“. Он показывает, *как решался* вопрос укрепления колхозных кадров, *как надо его решать*.

Пафос очерков В. Овечкина не только в разоблачении недостатков, но и в утверждении положительных явлений в жизни колхозов.

Так, в очерке „В одном колхозе“ писатель на конкретном примере показывает, что означает хорошее руководство колхозом. Тематически очерк перекликается с „Жатвой“ Г. Николаевой. И там, и здесь рассказывается, как самый отстающий колхоз в районе становится передовым.

Земли в колхозе „Красное знамя“ „никудашные, глина, мел. Свистульки только лепить“. Но в колхозе есть умный хозяин, Герой Социалистического Труда Назаров. Колхозники всего района учатся у него тому, как надо бороться за высокие урожаи. Успех Назарова определяется не только тем, что уход за посевами в колхозе осуществляется строго по утвержденным агроправилам, но и тем, что председатель колхоза сумел внимательно подойти к людям, воодушевить их на труд. Добровольно придя в колхоз из райкома, Назаров знал, что людей нужно учить работать честно,

что надо поощрять передовиков и наказывать лодырей.

Он начал с проявления заботы о людях, обязав колхозников перекрыть хаты вдовам. Но это не все. Председатель колхоза правильно по всем участкам распределил людей, дав женщинам посильную работу. Колхозный летописец так оценил поступок Назарова: „Сельское хозяйство — это такая штука: поднять дух человека — он тебе втрое больше сработает. А больше поработаем — во-время посеем, уберем, хороший урожай получим...“ Вот и завертится, как у Опенкина, колесо в нужном направлении.

Назаров неустанно трудится и личным примером вдохновляет бригадиров и колхозников. Хорошая организация труда — а это понятие включает в себя и высокую трудовую дисциплину — сделала колхоз „Красное знамя“ богатым.

Кажется, все благополучно. Но вот тут-то и начинается конфликт. Довольствуясь высокой доходностью трудодня, Назаров начал топтаться на месте. Остановиться на месте — это значит в конце концов отстать. А Назарову многое еще надо делать в колхозе: заняться благоустройством села, сажать сады, добиваться нового повышения урожайности.

„Да неужто мы высшей точки достигли?“ — спрашивают колхозники.

„Летописец“, а вместе с ним и автор упрекают секретаря райкома партии Стародубова за то, что он не беспокоит Назарова, ошибочно считает, что этому „выросшему сыну“ не нужен отец. Колхозники помогают Стародубову „подтолкнуть“ Назарова вперед. Секретарь райкома заставляет его понять, что „нет конца краю колхозному урожаю“, что с застоем надо кончать.

В очерке „В одном колхозе“, как и в других произведениях В. Овечкина, на конкретном примере показано, как много значит умелое руководство сельским хозяйством. И мы не побоимся сказать, что очерк прочтут с большой пользой для себя и рядовые колхозники и их руководители.

У нас нередко можно слышать возражения против сугубо утилитарного подхода к литературе. Литература — не пособие по какой-то отрасли народного хозяйства. Что ж? Это правильно. Но литература в нашем представлении оставалась и остается, по замечательному

определению Чернышевского, „учебником жизни“ В. Овечкин и другим способом мог высказать свое мнение о замеченных им недостатках и путях их преодоления: он мог написать статью в газету, письмо в руководящие органы и т. п. Но он обратился к художественным жанрам — очерку и рассказу, учитывая их эмоциональное и воспитательное воздействие на широкие читательские массы.

Сила этого воздействия определяется глубоко правдивым изображением жизни в произведениях писателя. В постановке тех или иных проблем он во всех случаях идет от жизни, которую хорошо знает и постоянно изучает. Не случайно очерк „Районные будни“ заканчивается словами: „Очерку нет пока продолжения, так как пишется он почти с натуры... Я встречаю таких людей, слышу такие споры, как у Мартынова с Борзовым, в одном районе“. Нужно добавить к этому, что, „наблюдая“ споры Борзова с Мартыновым, автор не ждет их развязки. Он „торопит время“, определяя исход споров: авторская позиция способствует разоблачению Борзовых и победе Мартыновых.

Очерк „Лавулирующие“ начинается так: „Слышал я в народе новый глагол — лавулировать. Новое слово, его нет ни в каких словарях“. Естественно, что новым глаголом названо определенное действие, и вот автор, „схватив“ его, начал борьбу с „лавулирующими“. Стремление постичь, понять новое, отразить его в произведении и сделать свои выводы характерно для В. Овечкина как писателя. При этом сам он никогда не „лавулирует“. И именно поэтому он едко высмеивает тех писателей, которые лакируют действительность, допускают сделку со своей совестью, закрывают глаза на недостатки, на реальные конфликты, встречающиеся в жизни.

Сам писатель не срезает острых углов и обо всем говорит честно, страстно, смело, невзирая на лица и инстанции. Когда председатель колхоза Назаров заявляет об отсутствии в МТС хороших мастерских для ремонта машин, навесов для укрытия техники и общежитий для трактористов, он со словами критики обращается непосредственно к министерству: „И дорогие машины калечим прежде времени, и кадры теряем, старые трактористы уходят из энтээс... Министр сельского

хозяйства что ли у нас такой несмелый? Не решается обратиться к правительству, доложить, рассказать все, как оно есть?..“

Это критическое замечание обнаруживает хозяйскую заинтересованность автора и его героев в том, чтобы имеющиеся недостатки были устранены. Описывая „районные будни“, автор в заключение говорит, что ему неизвестно, „какие решения примет обком об этом районе“, но ясно, что обком не останется в стороне: своим очерком В. Овечкин „наталкивает“ на принятие определенных мер. Таким образом, литература оказывается силой, стоящей на переднем крае борьбы за коммунизм.

Очерк, как принято считать, „имеет точный адрес“: он воспроизводит действительные факты, в нем фигурируют конкретные лица. В. Овечкин расширяет рамки очерка, не „привязывая“ его к конкретному месту или лицу. Споры между Мартыновым и Борзовым проходят „в одном районе“. Однако автор в ряде случаев все-таки определяет „координаты“ места действия: иногда мы узнаем область, в которой разворачиваются события (на берегу Сейма — это скорее всего в Курской области, где живет автор), иногда, как в очерке „Без роду без племени“, — город (или станцию), где автору пришлось встретиться с „героями“ своего произведения.

Герои В. Овечкина — это наши современники. Среди них есть и положительные персонажи, и отрицательные. Но автор не ограничивается показом лишь двух „полярных“ противоположностей. Его люди растут, под воздействием общественности они постепенно освобождаются от недостатков. Вот Руденко, председатель райисполкома. Он не „перечил“ в свое время Борзову, хотя и понимал неправильность его действий: сказалась его мягкотелость, отсутствие должной партийной принципиальности.

Но у Руденко живет сознание своей вины за отставание колхозов, и он после сентябрьского Пленума добровольно едет в колхоз. Конечно, тут имеет значение и неудовлетворенность работой в райисполкоме („может... не по плечу должность“), но главное — это все-таки осознание необходимости исправить прежние упущения. Недаром он во сне произносит: „Если мы

не возьмем это дело в свои руки, кто ж его возьмет?...
„Мы виноваты — нам исправлять...“

Руденко не боится ехать в колхоз: он и бригадиром был, и полеводом, и председателем сельсовета. Любопытно, что его „принадлежность“ к деревне автор подчеркивает выразительной деталью: в его доме пьют чай „из старинного семейного, ведра на два, самовара“. Горожане таких самоваров, как правило, не имеют.

Рисую образы партийных и советских работников, В. Овечкин никогда не упускает из виду массу, народ, ради которого и трудятся Мартынов, Руденко, Назаров.

Народ — это та сила, которая помогает Мартынову понять недостатки в работе МТС („На переднем крае“), узнать много нового о положении в районе („В том же районе“), добиться правильного и своевременного выполнения одного из важных положений решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС — об укреплении кадров председателей колхозов.

В. Овечкин мало интересуется бытовыми деталями, обстановкой, в которой действуют его герои. Скуп он и на пейзажные зарисовки. Зато в тех случаях, когда он обращается к пейзажу, мы отчетливо представляем нарисованную им картину: и дождь, льющий третьи сутки подряд и заполнивший низины водой, и последний осенний день, когда все уже замерло в полях и рощах, и безветренную морозную погоду, в которую приятно побродить по городу, освежиться. При этом пейзаж у Овечкина очень тесно связан с сюжетом, он как бы „объясняет“ дальнейшее действие: „В районных буднях“ дождь ставит под угрозу срыва хлебопоставки и ведет к обострению разногласий между Мартыновым и Борзовым; в очерке „На переднем крае“ работа в последний осенний день порождает у тракториста мысль, что неглубокая вспашка останется незамеченной: поле вот-вот покроется снегом. Зарисовок просто для „украшения“ повествования у В. Овечкина нет.

Композиционно очерк у В. Овечкина строится как диалог, в отдельных случаях сопровождаемый выводами самого автора („Без роду, без племени“, „О людях без стельки“ и др.). Через диалог раскрывается суть конфликта между героями, их облик, волнующие автора проблемы. Вот, например, очерк „Районные будни“. Он состоит как бы из трех „разговоров“: сначала

беседуют Мартынов и Опенкин, потом Мартынов и Борзов и, наконец, Мартынов и Борзова. Точно так же построен и очерк „На переднем крае“: повествование о разворачивании событий во времени сведено до минимума; автор дает ряд эпизодов, в которых Мартынов разговаривает то с трактористами, то с Готовым об улучшении работы МТС.

Иногда диалог сменяется „внутренним монологом“, как, например, в этом же очерке при описании размышлений Мартынова после разговора с трактористом-бракоделом Костей Ершовым. Монолог этот характеризует Мартынова как думающего и разбирающегося в сельском хозяйстве человека, однако, надо заметить, автор не стремится раскрыть во всей полноте „диалектику души“ своего героя, и многие образы от этого проигрывают, оставаясь лишь выразителями определенных авторских идей (Готов, Назаров, Стародубов и др.).

Если бы автор глубже раскрыл богатство внутреннего мира Мартынова, показал широту его духовных запросов, многообразие интересов, образ стал бы значительно полнее и интереснее.

Но вернемся к диалогу. В отдельных случаях он прерывается рассказом-отступлением одного из участников беседы. Рассказ отличается композиционной целостностью и служит для подтверждения высказанной в диалоге мысли. Таков рассказ-новелла о Степане Горшкове, показывающий, каких успехов может достичь колхоз при хорошем руководителе („Районные будни“). Однако нельзя сводить очерк только к диалогу, ибо диалог не является, конечно, единственной формой, соответствующей содержанию проблемного очерка. Здесь стоит вопрос о необходимости расширения „рамок“ очеркового жанра.

Язык, отмечал А. М. Горький, является первоэлементом литературы. И от умения писателя пользоваться словом в значительной степени зависит сила произведения.

В. Овечкин, как показывают его очерки и рассказы, тщательно работает над языком. Он умело передает индивидуальные особенности речи героев.

Речь колхозников у В. Овечкина богато оснащена пословицами, поговорками, сравнениями, взятыми из

крестьянского обихода. Вот некоторые из них: „Толкач муку покажет“, „Значит, тракторист—издавна? А чего же тебя занесло не в свою борозду?“, „Мамаша! Мне уже и самому все это надоело, как сухой ячмень беззубой кобыле“, „Поехал Серега за дугой, а нашел тут и хомут“, „Колос от колоса—не слышать голоса“.

Все они говорят о мудрости народа, творца не только культурных и материальных ценностей, но и языковых.

В авторском языке В. Овечкина необходимо отметить лаконизм и умение точным и выразительным штрихом нарисовать картину, охарактеризовать образ. Достаточно, например, обратить внимание на эпитеты в фразе: „на крыльцо взошел по ступенькам уверенной, хозяйской походкой Борзов“,—чтобы почувствовать умение автора отбирать нужные слова.

Писатель часто прибегает к сравнениям. Так, сравнение лежит в основе очерка „На переднем крае“. Само понятие „на переднем крае“—военное. На переднем крае решается успех боевой операции. В очерке речь идет об обеспечении успеха в борьбе за урожай. Передний край на „сельскохозяйственном фронте“—это МТС, колхоз. Подчеркнув этим сравнением значение МТС, колхоза, автор и дальше прибегает к „военным“ сравнениям: руководство сельским хозяйством сравнивается с управлением войсками на поле боя, руководители района—с командирами. „Если смелый (речь идет о секретаре РК или председателе райисполкома—Л. Б.), опять же неплохо. Когда командир не робеет, солдаты за ним—в огонь и в воду!“

Бичуя недостатки, Овечкин прибегает к легкой иронии, когда говорит, например, о районном начальстве, испугавшемся своей затее и ставшем „День тракториста“ именовать районным слетом механизаторов, или к едкой насмешке, когда он пишет о „десяти заповедях“ карьеристов, чинуш, маскирующих свое подлое нутро.

Острота поставленных проблем, пафос обличения старого, отжившего и утверждение всего нового, что помогает народу в успешном движении к коммунизму, умение создать типические характеры, яркость, образность изложения—все это делает произведения В. Овечкина значительным событием в нашей советской литературе, вызывает к ним огромный интерес у читателя.

ОРУЖИЕМ САТИРЫ

Взяв в руки свежий номер журнала, читатель прежде всего обращается к „большим“ литературным именам, потом к наиболее интересным заголовкам.

Встретив в оглавлении журнала „Новый мир“ (№№ 3 и 8 за 1953 год и № 1 за 1954 год) имя совершенно неизвестного автора—Г. Троепольского и увидев заглавие „Из записок агронома“, некоторые читатели, пожалуй, могли предположить, что перед ними специальные агрономические статьи, интересные только для работников сельского хозяйства. Г. Троепольский, действительно агроном по специальности, выступил с циклом сатирических рассказов, с серией сатирических портретов-зарисовок, выхваченных прямо из жизни.

Отлично зная жизнь-колхозной деревни, Г. Троепольский обратился к сатире, чтобы использовать ее силу в борьбе с недостатками, встречающимися в колхозах, в борьбе с теми людьми, которые мешают коллективной работе и тормозят движение вперед.

„Герои“ сатирических рассказов Г. Троепольского—это не враги колхозного строя: это люди, несущие в себе навыки и пережитки прошлого, косные и отсталые, мешающие колхозникам и тормозящие развитие общего колхозного дела. Вот, например, Никишка Болтушок, прозванный так еще в самом начале коллективизации потому, что он „речи сильно любит и непонятные слова“. Когда агроном просит его сообщить некоторые сведения о заготовленном сене (он участвовал в обмере стога); Никифор сразу стремится блеснуть своей „эрудицией“: „Все эти вопросы мы с вами обследовать имеем полный цикл воз-

возможности, тем более, я как член комиссии имел присутствие при обмере и освещении вопроса могу произвести“.

Но болтливость Никифора, его любовь к непонятным словам—это еще полбеда. Беда в том, что работает он плохо. Распространяясь в правлении колхоза об итогах „прошедшего прошлогодного года“, „отстаивая“ свои права на критику и самокритику и числя себя в активе колхоза, Болтушок не вырабатывает даже положенный минимум трудодней; стремясь показать свою „политичность“, он, подписавшись на заем, не вносит деньги по подписке. В общем, он оказывается той „болячкой“, которую, по словам одного из колхозников, „прижигать надо“.

Рисуя тупую, „дубиноголовую“ Коробочку и рассказывая о том, как возмущался ею Чичиков, Н. В. Гоголь добавлял: „Впрочем, Чичиков напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка“. Говоря о Болтушке, Г. Троепольский не делает подобного обобщения, но читатель понимает, что такие фразеры, болтуны, штатные ораторы могут встретиться не только на колхозном собрании. Немало любителей утопить полезное дело, живую мысль в пустых разговорах можно встретить не только в колхозах, и именно против них направлен огонь сатиры автора.

Не кем иным, как Болтушком является Коробкин („В том же районе“ Овечкина¹), разглагольствующий с трибуны партийного актива о том, что „свинья дает сало“, а „корова—молоко“; подобными говорунами, но в другом, значительно большем масштабе выступают в том же очерке и некоторые областные работники, которых секретарь обкома называет „гроссмейстерами суесловия“. Откуда они берутся? Зачем они лезут на трибуну?

На эти вопросы ответить не так-то уж трудно. Все дело в том, что о людях нередко судят не по делам, а по словам, и первое впечатление от правильных и „красивых“ слов бывает очень живучим. А постольку, поскольку говорить легче, чем работать,

¹ В. Овечкин, В том же районс. „Новый мир“, № 3, 1954 г., стр. 8—49.

то плохие работники предпочитают говорить: так можно даже попасть в „политически развитой актив населенного пункта“, к которому и относит себя Никифор Болтушок. К слову сказать, Коробкин тоже числится в районном активе.

Не все верят словам болтушковых и коробкиных, но они-то знают, что найдутся п такие люди, которые поверят им и пустые разглагольствования примут за благородное рвение, желание помочь общему делу...

К числу людей, „достойных“ обличения, Г. Гроепольский относит и Гришку Хвата, живущего по принципу частного собственника: „урвать, а там хоть трын-трава“. Гришка создает себе благополучие за счет колхоза, ухитряясь воровать колхозное зерно и приносить его домой то в бутылке, то в валенках. Гришка Хват, в отличие от Болтушка, вырабатывает минимум (хотя по известным соображениям работает только весной, во время сева, и осенью, в момент уборки). Но это формальное выполнение обязанности, и о благе колхоза и об увеличении количества трудодней он нимало не заботится. Он может тайком выкосить колхозную люцерну, срубить в лесополосе дерево для своих нужд. Ему присуща плюшкинская страсть к накопительству: он тащит к себе в дом все, что плохо лежит, тщательно следя за тем, чтобы его никто не мог привлечь к ответственности. Рисую этого самоуверенного и наглого человека, бравирующего знанием законов (такого голыми руками не возьмешь!), автор показывает его „без скорлупы, с голой, обнаженной душой“. В этом и заключается сатирическая сила рассказа: показав низменную душу своего „героя“, писатель полностью разоблачает его в глазах читателя.

Игнат с балалайкой, о котором идет речь в третьем рассказе,—это современная разновидность Обломова. Он перебрал в колхозе все работы и ни на одной больше недели не задерживался: то у него „рука развилась“, то „дых сперло от пыли“, „то нервы не держут“. Он стал таким потому, что родители проявляли чрезмерную заботу о собственном сынке: „... всегда только и слышал, что „умница“ да „молодец“, да „не тронь топор“, „не хватай молоток“, „поставь ведро! Сами воды принесем“, и ничего ему не приходилось делать...“

Однако в обрисовке этого персонажа автор не остался до конца верным своему принципу беспощадного сатирического разоблачения. Он заставляет Игната слишком быстро „перестроиться“ и даже совершить подвиг. В жизни, конечно, подобные Игнаты перестраиваются гораздо медленней, и с ними приходится порядочно повозиться. Конфликт оказался сглаженным, а это привело к ослаблению ярко намеченного сатирического образа, и авторский „гром негодования“ уступил место легкому, разбавленному лирикой юмору.

Стремление к благополучному концу во что бы то ни стало заметно и в других рассказах Г. Троепольского. Автор слишком спешит показать читателю, как под влиянием коллектива, критики, административных мер и т. д. могут перестраиваться люди, имеющие те или иные недостатки.

Мы хорошо знаем, что наше общество обладает могучими средствами и большим опытом в деле перевоспитания людей, но трудно поверить, что отсталые люди становятся в разряд „положительных“ с такой легкостью, с какой „перевоспитываются“ некоторые персонажи Г. Троепольского. Поэтому нам представляются правильными критические замечания, сделанные С. Бабенышевой в статье, напечатанной в „Комсомольской правде“ (19 ноября 1953 г.). Однако нельзя согласиться с автором статьи, когда она пишет, что „Троепольский неожиданно благополучным концом своих новелл глушит правильно намеченный удар“.

С. Бабенышева полагает, что „правильный удар“ Троепольским только „намечен“ и его рассказы являются лишь „талантливыми зарисовками“. Наряду с этим С. Бабенышева признает, что Г. Троепольский знает своего „противника“ и нарисовал „превосходные сатирические портреты бюрократа, болтуна, невежды...“

Нам думается, что, нарисовав такие портреты, автор тем самым не только *намечил*, но и *нанес правильный удар* „противнику“. Высмеяв его, писатель создал не безобидную „зарисовку“, способную вызвать улыбку, но острое сатирическое оружие, направленное против всех тех пережитков прошлого, которые еще живут в сознании и делах некоторых людей. Отмечая недостатки очерков Г. Троепольского, не следует недооценивать их в целом.

С исключительной силой нарисован облик „Прохора семнадцатого, короля жестянщиков“. С каким сарказмом раскрывается его характер — „с одной стороны, прямой и твердый, а с другой — мягкий и податливый, как воск. Внутри же ничего не видно; тонкое дело — заглянуть внутрь человека!“ Но писателю удалось „заглянуть внутрь“ и раскрыть сущность этого характера. Оказывается, что Прохор Палыч прям и тверд только с людьми, которые ниже его по должности, мягок же и податлив только перед начальством. Небольших начальников, от которых ему „ни жарко, ни холодно“, он „критикует громко, смело, со всей прямоотой своего нового характера“, старшим начальникам он умеет во время покаяться и пообещать, что ошибки учтет. Будучи невежественным и далеко не честным человеком, он за 15 лет сменил шестнадцать должностей, но ни на одной из них хорошо не работал. В семнадцатый раз Прохора Палыча посылают на „укрепление“ колхоза „Новая жизнь“. Не зная, как вести хозяйство колхоза, он не прислушивается ни к мнению бригадиров, ни к мнению агронома, которому отвечает с присущей ему самоуверенностью: „Столько, сколько ты знаешь, я давно забыл больше“. Усвоив канцелярско-бюрократический стиль работы, он четыре раза в неделю проводит *расширенные* заседания и каждый раз принимает *развернутые* решения. Не зная дела и не желая его постичь, он пытается командовать людьми; при этом всегда помнит, что главное — это угодить начальству „повыше“. Рассказывая о Прохоре Палыче, Г. Троепольский оговаривается, что тот возглавлял колхоз в „давно прошедшие времена“; однако правды ради стоит сказать, что подобные люди встречаются и сегодня.

Прохор Палыч не всегда был плохим работником: „Когда-то давно Прохор Палыч работал в мотороремонтной мастерской. Работал хорошо, старательно, заработки были хорошие. За старательность и силу его уважали“. И вот как хорошего работника его посылают заведовать складом Утильсырья. Выдвижение на руководящую работу — явление в нашей стране довольно распространенное.

В годы первых пятилеток, когда ощущался острый недостаток квалифицированных кадров, тысячи пере-

довых рабочих были таким образом посланы на руководящую работу. Им часто недоставало не только специальных, но и общих знаний, у них не было и нужного опыта. Все это приходилось приобретать „без отрыва от производства“, в процессе работы. И в большинстве случаев выдвиженцы становились умелыми хозяйственниками, организаторами, специалистами своего дела.

Однако среди них находились и такие, которые не заботились о пополнении своего идейно-политического багажа, не стремились изучить порученное дело. И они проваливали его то на одном, то на другом участке, нередко ухитряясь сухими выйти из воды. Таков и Прохор Самоваров. Завалив работу на складе Утильсырья, где прием пагло хозяйничали жулики, он был послан на склад Заготзерно: „Дело новое, надо подучиться, расспросить, вникнуть в теорию: все-таки хлеб, а не утиль“. Но Прохор Самоваров не стал учиться: он считал, что для успешного выполнения обязанностей достаточно лишь одной строгости к подчиненным... Характерна и еще одна черта: пользуясь безнаказанностью, Прохор Палыч свое служебное положение все больше и больше использует в корыстных целях, залезая в государственный карман.

Кажется, с такими людьми надо поступать просто: возлагать на них полную меру ответственности, но они выворачиваются, снова всплывают на той или иной должности, ибо „в минуту жизни трудную“ их выручают покровители...

И здесь мы убеждаемся в „емкости“ сатиры Г. Троепольского. Он ведет речь о Прохоре Палыче, а в поле зрения попадают его покровители — председатель райисполкома Педошлепкин и другие районные деятели, основным методом руководства которых являются ночные „бдения“. В другом очерке мы встречаем агронома Чихаева, прожившего за письменным столом двадцать с лишним лет и научившегося только разверстывать областной план. Не таких ли работников сейчас настойчиво поправляет партия, заставляя их стать ближе к жизни, к людям!

Г. Троепольский создал яркий типический образ невежды, самодура, грубияна, оказавшегося районным руководителем. Писатель правдиво раскрыл причины

его „возвышения“ и „падения“, он лишь поторопился показать, как Самоваров перестраивается: Прохор Палыч у него оказался способным не только осознать свои грехи, но еще обвинить и своего покровителя — Недошлепкина. Думается, что Самоваров, сменивший семнадцать должностей, меньше всего намерен раскаиваться: он все-таки будет верить, что ему дадут восемнадцатую...

Г. Троепольский затрагивает в своих „Записках“ многие отрицательные явления сегодняшнего дня. Так, он заставляет нас по-настоящему увидеть начальника, для которого подчиненный — „не совсем полноценный человек“; он выступает против тех, кто вульгаризаторски понимает коммунистический принцип критики и самокритики; не забывает иронически упомянуть даже о романах, в которых „секретари райкомов не страдают, не любят, не хохочут, а только, знай, руководят“; особенно резко выступает он против бюрократического стиля руководства, когда в потоке бумаг, сводок тонут живые люди и их дела (иная сводка, требуемая от агронома, „в двести вопросов, на двенадцати листах“, и лишь последний вопрос касается существа дела: сколько же колхоз накопил сена?).

Критик, привыкший к механическому подсчету фактов и отталкивающийся от правильной формулы: „В нашей жизни положительное преобладает над отрицательным“, может сделать вывод: „Нетипично, писатель создал одни отрицательные образы!“ Такому критику стоит прислушаться к словам писателя, обращенным к его друзьям-бригадирам: „Мои верные соратники, с какой охотой написал бы я сейчас и о вас, но — что поделаешь! — пока приходится писать о Прохоре Палыче. Это очень-очень нужно!“ И действительно: нам очень нужно, необходимо бороться со всеми отрицательными явлениями в нашей жизни, в нашем быту. Говоря словами старого Евсеича, одного из положительных персонажей произведения, „много... драть надо“, чтобы стал человек „чистый и... приветливый“. В этом — пафос сатирических портретов Г. Троепольского, в этом — их сила.

В. Г. Белинский отмечал, что сатира призвана вызывать у читателя „созерцание высокого и прекрасного и тоску по идеалу изображением низкого и пошлого

в жизни". Изображать непосредственно высокое и прекрасное в соседстве с низким и пошлым писатель-сатирик того времени в силу существовавших типических обстоятельств, как правило, и не стремился. Вот почему, например, в „Ревизоре“, по словам самого Н. В. Гоголя, единственным „честным, благородным“ лицом являлся смех. Известно также, что, нарисовав яркие образы небокоптителей, „мертвых душ“, писатель потерпел неудачу при попытке изобразить „лучшие... характеры“, поскольку он искал их в той общественной среде, которую подвергал сатирическому осмеянию.

В наше время писатель-сатирик чаще всего рядом с отрицательными образами дает и положительные, ибо они помогают воссоздать типическую обстановку сегодняшнего дня. Вот почему в своих сатирических „Записках“ Г. Троепольский стремится, чтобы читатель почувствовал силу человека чистого, положительного, того, кто упорно борется с пережитками прошлого и своим трудом приближает коммунизм.

К их числу относятся агроном-рассказчик, старый сторож Евсенч, его внук Петя, стремящийся стать специалистом сельского хозяйства, и те колхозники, о которых говорит секретарь райкома Иван Иванович на совещании передовиков сельского хозяйства. Автор знакомит нас с ними как бы попутно, мимоходом, но, тем не менее, читателю ясно, что именно такие люди определяют лицо современной деревни, именно они ведут борьбу с пережитками прошлого. Так автор создает образ здорового, жизнедеятельного коллектива тружеников колхозных полей.

Следует сказать, что есть у Г. Троепольского рассказ, в котором положительный герой — прицепщик Терентий Петрович — дан не „мимоходом“, а крупным планом. Это человек исключительной добросовестности. Благополучие колхоза для него превыше всего. Но автор в меньшей степени стремится к показу своего героя как замечательного работника. Его внимание привлекает стремление Терентия Петровича к обличению недостатков и пороков, свойственных его односельчанам. Способ критики Терентия Петровича весьма оригинален: в один из праздничных дней, в момент, когда „ноги у него еще вполне подчиняются голове, но уже начинают отчасти

с нею спорить“, он идет по деревне в „обход“ и, останавливаясь то у одного, то у другого дома; в присутствии толпы любопытных едко высмеивает провинившихся односельчан. В этот момент Терентий Петрович из тихого и скромного человека превращался в страстного обличителя. „Критиковал он... невзирая на лица и только там, где проступки заслуживали общественного порицания“. Эти речи, по мнению автора, являются выражением „суда народа“, а действия Терентия Петровича объясняются его хитринкой. Нам кажется, автор, приписав положительному герою подобную тактику в борьбе с недостатками, принизил его. Дело не в том, что Терентий Петрович иногда шел домой от столба к столбу, по кривой, короткими перебежками, а в том, что люди подобного типа не ждут праздников для выявления недостатков, а находят случай заявить о них раньше. Ведь почувствовал же он в себе силу и без водки на районном совещании едко высмеять руководителей, способных „для сводки нарушать агротехнику и понижать урожай“! Явное стремление к занимательности, ненужное любование автора своим подвыпившим героем, ораторствующим на колхозной улице, пошли в данном случае во вред интересно задуманному образу.

Цикл „Из записок агронома“ заканчивается рассказом „Один день“¹, в котором автор подводит итог сказанному в других произведениях. Он как бы говорит читателю: в жизни есть болтушки, хваты, самоваровы, они еще мешают нашему общему делу, но они не могут изменить течение нашей жизни; настоящими хозяевами положения являются те люди, которые умеют жить государственными интересами, честно трудятся на колхозных полях и умножают богатства своей страны.

В центре рассказа „Один день“ — бригадир Митрофан Андреевич Катков, человек беспокойный, трудолюбивый, глубоко заинтересованный в том, чтобы любой вопрос был решен правильно, т. е. в интересах народа. Он бодрствует в то время, когда в деревне еще стоит тишина: „...на рассвете уже и в тракторный отряд на мотоцикле съездил, и на ферме побывал, и наряд проверил“... Он весь день с людьми, и всегда колхозники

¹ „Новый мир“, № 1, 1954 г.

ощущают его помощь, чувствуют его направляющую руку. Полет мысли Каткова не ограничивается полями колхозной бригады. Он по-хозяйски подходит к любому вопросу, который его, может быть, непосредственно и не касается. Его беспокоит, например, то обстоятельство, что колхозные ребята, окончив семилетку, уходят из деревни. А все потому, что в школе „с детства отбивают интерес от поля: выходит парень из семилетки и ни бельмеса не соображает ни в полеводстве, ни в животноводстве, ни в технике сельского хозяйства“.

Он собирается об этом написать в ЦК и, нужно думать, напишет. Это стремление решить важный вопрос делает честь не только Митрофану Андреевичу, но в первую очередь самому автору: он коснулся важной, серьезной проблемы, которая в настоящее время практически разрешается Министерством просвещения РСФСР. С 1954—55 учебного года школа будет знакомить учащихся с основами современной индустрии и сельского хозяйства, будет давать учащимся практические навыки, обеспечивать связь обучения с производственным трудом.

Государственный ум рядового советского человека обнаруживается и в рассуждениях Каткова о том, что „дело с лесозащитными полосами в колхозах — не ахти как ловко“: нет нужных машин. Каткова волнуют и другие вопросы, связанные с механизацией сельского хозяйства, и он хочет сказать о них в письме к министру машиностроения. А рядом с Катковым работают не менее интересные люди: и агроном Луков Владимир Акимыч, умеющий весьма оперативно руководить ходом полевых работ, и ездовой — баянист Вася, которому „все простишь“ за его чудесную игру, и человек большого сердца, трудолюбивый до бесконечности, но медлительный до невозможности Прокофий Иванович, и Настя, восхищающая всех своей силой, ловкостью и женственностью. И все же нужно сказать, что рассказ „Один день“ оказался слабее других.

Случилось это потому, что при обрисовке отрицательных персонажей автор больше останавливался на внутренних мотивах, побуждениях их действий, чем тогда, когда он стал говорить о положительных.

Кроме того, описывая „день колхоза“, автор не на-

шел таких событий, которые бы с определенной полнотой очерчивали облик главного персонажа — бригадира Каткова. Автор добивается его характеристики весьма просто: он сталкивает его то с одним, то с другим колхозником и таким образом „проявляет“ одну за другой черты его характера. Здесь мы имеем дело не с логикой жизни, определяющей поступки героя, а всего лишь с желанием автора „полнее“ обрисовать своего героя. Нельзя не вспомнить при этом, что классики русской литературы поступали по-другому: их герои действовали так, как они могли действовать в жизни.

Не случайно А. С. Пушкин сказал одному из своих приятелей: „Представь, какую штуку сыграла со мной Татьяна. Она замуж вышла. Этого я никак не ожидал от нее“. Лев Николаевич Толстой, сославшись на эти слова, стал „оправдывать“ в одной беседе трагическую судьбу Анны Карениной. „То же самое,—говорил он,—и я могу сказать про Анну Каренину. Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни, а не то, что мне хочется“.

Таким образом, великие русские писатели, изображая действия своих героев, в первую очередь стремились следовать жизненной правде, и этому должны учиться у них наши писатели.

В рассказе „Один день“ Катков действует не „от себя“, а по „авторскому усмотрению“, и потому его образ получился малоубедительным. Он не стал положительным героем, не получил такой яркой характеристики, какую писатель умело находил, работая над сатирическими портретами.

Впрочем, главным „положительным героем“ „Записок“ Г. Троепольского является русская природа, описанная с подлинной поэтичностью. Автор видит в природе все изумительное богатство ее красок, остро чувствует запахи земли, слышит ласковый шум ветерка в лесной полосе: „За селом, по обе стороны, урчали два трактора. Они не нарушали привычной тишины ночи, они всегда урчат, и звук мотора никто не замечает, но если заглохнет — все услышат. Так стенные часы, остановившись, напоминают о себе... Вот она какая тишина в деревне“.

Это один из примеров того, как Г. Троепольский, создавая картину современной природы, в которую все глубже и органичнее входит созданная человеком и служащая человеку техника, оттеняет сатирические образы, подчеркивает их несоответствие всему строю нашей жизни. И те, кто работает на тракторах, и эта новая „тишина“, наполненная звучанием труда,— это среда, в которой болтушки, хваты и короли жестянщиков выглядят чужеродными, нелепыми, обреченными.

* * *

Средства сатирической типизации у Троепольского разнообразны. Выделяя в своем „герое“ ведущую отрицательную черту, писатель через нее раскрывает и другие стороны его характера. Иногда он использует „значащие“ фамилии, позволяющие сразу уловить основную оценку персонажа,— Никишка Болтушок, Гришка Хват, Недошлепкин...

Интересны многие описания внешности персонажей, как, например, портрет Матильды Сидоровны, жены Гришки Хвата: „Одета она „по-городскому“. Ни широкой, просторной, с каймой, юбки, ни яркой кофточки с пухленькими и такими симпатичными „фонариками“ на рукавах, ни плотно уложенных на макушке волос,— ничего этого не было. Короткая, до колен, юбка обтягивала зад, как огромный футбольный мяч; толстые, как гигантские кегли, икры — в тонких чулках; тесная кофточка, в которой с трудом умещалась грудь; громадная брошь в виде плюшки с начинкой посредине: вот какая, дескать, культурная! А лицо! Какое лицо! Жирный подбородок, пухлые щеки с двумя круглыми пятнами румян, маленький нос с полуоткрытыми ноздрями приподнят кверху, белобрысая, а брови намалеваны черные, как осенняя ночь“.

В этом описании внешности Матрены, именующей себя Матильдой, мы сразу чувствуем позицию автора. Такое подчеркивание плохого даже в портрете (так же, как и преувеличение хорошего) характерно не только для сатиры, но и для искусства вообще. Нельзя не вспомнить при этом рассказа А. М. Горького о его встрече с кустарем-вятичем — мастером деревянных резных игрушек:

„...Я спросил: почему он, мастер, делает людей как будто насмешливо? Искося взглянув на меня, он ответил не без задора:

— Я натурально режу. Которых знаю, тех и режу.. Некоторые штучки делаю хуже супротив того, каковы они есть, а иные надоть резать получше всамделишных. Приятные делаю приятней, а которы не приятны мне, так я не боюсь охаять их пуще того, каковы они уроды“.

В сатирических жанрах заострение образа часто осуществляется в форме гротеска. Гротеск чувствуется и в образе и портрете Матильды Сидоровны и, в особенности, в рассказе о Прохоре Палыче. Так, у него такой носовой платок, „в который свободно можно завернуть хорошего петуха и в который он сморкается трубным звуком так, что телята шарахаются во все стороны...“ О стремлении выглядеть важным, значительным лицом свидетельствует вид „блестящего“ кабинета Прохора Палыча, „короля жестянщиков“: „Блестящий потому, что стены и потолок обшили белой жостью, на письменный стол, сверху, положили белую жость; над креслом Прохора Палыча, чуть выше головы, соорудили полку во всю длину стены, обшили ее латунию...“

Метко и остро очерчивает Г. Троепольский интеллектуальный облик своих персонажей, раскрывает их отношение к труду, к природе, к людям.

Прохор Палыч, например, читает только листки отрывного календаря, причем его взор останавливается лишь на цифрах, указывающих время восхода и захода солнца, долготу дня и время восхода луны; такому незачем расширять свои знания: „Он чином от ума избавлен“. Подчиненным своим Прохор Палыч не доверяет и всех считает жуликами, ворами, в лучшем случае— „химиками“ и „астрономами“, что в его понимании звучит далеко не лестно. Где бы он ни работал, он всюду не знает и не стремится узнать свои обязанности; зато он умеет „руководить“, прибегая к „разносу“ подчиненных и к „расширенным“ заседаниям... Природу такие люди не замечают и ценить не умеют. Показательно, например, что у дома жадного накопителя Гришки Хвата „ни одного дерева, ни одного цветка, не говоря уже о клумбе...“

Речь сатирического персонажа является одним из важнейших средств раскрытия его характера. Прохор Палыч весь виден в его тираде о плане: „План — это, товарищи, план. План до тех пор план, пока он план, но как только он перестает быть планом, он уже не план. Да. А наши планы были планы, есть планы и будут планы. Точнее, не может быть плана, если он не план...“

Эта тирада о плане наглядно свидетельствует об умственных и ораторских способностях Прохора Палыча. Неспособность Прохора Палыча руководить колхозом ярко выступает из его предложения „мазать“ конюшню, учитывать скот по „головодням“ и „свино-рылам“, из его размышлений о том, „как это — куры: курятся или как? Оптичиваются? Нет. Петушатся? Не слышал“.

Любопытен разговор Недошлепкина с Прохором Палычем по поводу его очередного назначения на работу: „...тот указывал пальцем на райком и говорил шепотом:

- Не велит.
- Так, значит, как же?— спрашивал Прохор Палыч.
- Да так..
- А все-таки как?
- Так себе.
- Значит, ничего?
- Да как сказать!
- А что — как сказать?
- Обыкновенно!— вздыхал начальник“.

Аналогичный разговор между председателем райисполкома и его подчиненным состоялся раньше; разница лишь в том, что тогда спрашивал Недошлепкин, а отвечал Самоваров. Этот повторяющийся диалог подчеркивает ту мысль, что Недошлепкин и Самоваров — одного поля ягоды..

Характерно, что такие люди не забывают выставить на передний план свое „я“: „Так. Я, Самоваров, установку тебе дал. Выполняй!“

А Недошлепкин командует: „Вперед! Я полагаю — вперед!“

Очень важным средством разоблачения отрицательных персонажей является у Г. Троепольского показ бессмысленности их действий. Так, Самоваров, четыре

раза в неделю собирает заседания, которые длятся до утра; никто из бригадиров и рядовых колхозников не видит толку в этих заседаниях, и потому они, приходя в правление, усаживаются вдоль стен, чтобы во время разговоров выспаться, и, „докладывая“, говорят обо всем, но только не о работе бригад, ибо знают, что председатель все равно не решит практических вопросов, выдвигаемых жизнью.

Бессмысленно и рвение Недошлепкина, когда он приказывает трактористу двигаться вперед, чтобы форсировать темпы выполнения плана, не отстать от соседнего района, не считаясь с тем, что сев, проведенный вопреки правилам агротехники, не даст нужного результата.

Г. Троепольский, несомненно, многому внимательно учился у классиков русской сатиры, в частности у Н. В. Гоголя. Он творчески использует гоголевские приемы характеристики героя через обстановку и вещи, когда пишет о Гришке Хвате и его супруге Матильде, учится отбору выразительных деталей, помогающих убедительнее, ярче обрисовать героя.

Но вот мы встречаем в рассказах прямые совпадения с известными нам образами. Так, замечание Евсеича о прозвище Болтушка: „Народ как дал прозвище, так и умри — не скинешь“ — напоминает известное суждение Н. В. Гоголя в V главе „Мертвых душ“ о том, как сильно выражается российский народ; при описании внешности Петра Кузьмича автор отмечает отсутствие у него „синих галифе, в которые иной председатель при желании поместил бы ползакрома пшеницы...“, и мы вспоминаем шаровары Ивана Никифоровича, в которых, если бы раздуть их, „...можно поместить весь двор с амбарами и строением“; рассказ Мишки и Вальки о том, как они нашли в траве корзину, по форме перекликается с рассказом Добчинского и Бобчинского об их встрече с приехавшим „инкогнито“ ревизором. Естественно возникает вопрос: является ли такое совпадение закономерным следствием освоения творческого наследия классиков? Ведь учиться у классиков — это совсем не значит перенимать, копировать внешние приемы изображения действительности. Учеба у классиков может быть плодотворной в том случае, если

писатель, осваивая принципы художественной „обработки“ жизненного материала, обогащает литературу своими „приемами“, своей манерой письма, своим углом зрения на освещаемые события.

Все уже давно согласились с тем, что учеба у Маяковского, например, совсем не означает необходимости писать стихи „лесенкой“. Наследуя традиции лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи, современные поэты должны жить думами и делами своего народа, горячо и своевременно откликаться на важнейшие события, происходящие в стране и во всем мире, своими глубокоидейными и высокохудожественными произведениями помогать приближению „коммунистического далека“.

Г. Троепольский, учась у классиков, стремится говорить своим „голосом“, и это в основном ему удается: проза его пронизана теплым лирическим чувством, страницы мягкого юмора у него переплетаются с острым сатирическим изображением отрицательных явлений. Писатель решительно обличает пережитки прошлого в сознании отдельных людей, смело вскрывает недостатки, встречающиеся в жизни наших колхозов, и тем самым способствует их устранению. И уже первые рассказы Г. Троепольского показывают, что это своеобразный и талантливый писатель.

Однако Г. Троепольского нужно предостеречь от копирования отдельных приемов классиков: как бы это хорошо ни получалось, но писатель останется лишь только подражателем, если он не будет стремиться проявлять свою творческую индивидуальность.

О том, что Г. Троепольский именно копирует некоторые гоголевские приемы, свидетельствует рассказ „Два соседа“¹.

Конфликт, положенный в основу рассказа, важный и злободневный. Два соседа „Макар-Горчица и Пашка-Помидор“ жили очень дружно до тех пор, пока не обнаружили их расхождения во взглядах на колхозное хозяйство.

Макар Петрович Лучков, проработавший 15 лет коном колхоза, считает, что его собственное матери-

¹ „Новый мир“, № 4, 1954 г., стр. 80—98.

альное благосостояние зависит от укрепления хозяйства колхоза; что если в колхозе все будут старательно работать, то „и трудовень будет прочный“. Соседу своему он говорит: „Без настоящего колхоза нам — труба. Корень-то у нас с тобой в колхозе“. Однако сосед, Павел Ефимыч Птахин, соглашаясь с этим на словах, на деле поступает по-другому; даже решение сентябрьского Пленума ЦК не изменяет его позиции: прочитав газету, он собирается разводить скот „не в колхозе, а у себя во дворе“.

Между соседями возникает ссора, положившая конец прежней дружбе.

В рассказе есть страницы, написанные с тем сочным, хорошим юмором, который привлек читателя в цикле „Из записок агронома“; в нем есть места, волнующие читателя глубоким изображением внутренних переживаний человека (продажа Макаром Петровичем коровы, заседание правления колхоза и др.).

Однако, желая усилить конфликт, автор перессорил не только Павла с Макаром, но и их жен. Если Иван Иванович и Иван Никифорович поссорились из-за „гусака“, то здесь причиной, усугубившей раздор между соседками, явился петух.

„...Степаниха — жена Птахина — еще долго кричала:

— Если у нас беда случилась — петух подох, то вам и горя мало. А еще соседи! Жалко им петуха на время дать — попользовать для чужих кур. Не отвалится ничего у вашего петуха! Он и петух-то, ни к чему не способный, — разве такие бывают петухи!“

Все это добавлено ради занимательности и является внешним подражанием Гоголю; недостает только, чтобы Степаниха подпилила курятник Сергеевны. Горчицу и Помидора после собрания, показавшего, как далеко зашла ссора, никто еще не мирит и не собирается мирить, но вот сама судьба их сталкивает: хотя из зала они шли вдоль разных стен, „но опять же — вот ведь штука! — в дверях они столкнулись вместе. Тут уж назад не пойдешь — надо вперед. Пошуршали они кожухами друг о друга и вышли на улицу. Волей-неволей некоторое время шли рядом“. По поводу этой сцены, действительно, можно сказать лишь словами автора: вот ведь штука!

Можно найти у Троепольского и интонации дру-

гих авторов. Достаточно лишь прочитать слова Макара Петровича, продающего корову: „Это же не корова, а мысль!“, чтобы вспомнить историю из „Поднятой целины“, когда цыгане продавали лошадь Щукарю.

К сожалению, в последнее время наметился „отход“ Г. Тропольского от сатиры. Подтверждение этому — рассказы „Один день“ и „У крутого яра“. Слов нет, и первый рассказ, и особенно последний имеют немалые поэтические достоинства, но все-таки наше представление о творческой индивидуальности автора связывается не с ними, а с первыми сатирическими рассказами.

В них, нам кажется, с наибольшей силой выразился и жизненный опыт писателя и присущее ему чувство юмора, и если он завоевал симпатии читателя, то именно яркими сатирическими образами „Из записок агронома“.

Подвергая резкому осмеянию людей, которым свойственны пережитки прошлого, писатель всегда видит и утверждает красоту нашего сегодняшнего дня, нашей советской действительности. Он ведет борьбу со злом в различных его проявлениях во имя победы здоровых, положительных начал, составляющих основу нашей жизни.

ДВА ОЧЕРКА В. ТЕНДРЯКОВА

Перед широкой читательской аудиторией В. Тендряков впервые выступил в 1953 году с очерком „Падение Ивана Чупрова“¹. Молодой автор сразу был „замечен“, а последующие его произведения — очерк „Ненасстье“² и повесть „Не ко двору“³ были прочитаны с еще большим интересом.

Все названные произведения привлекли читателя остротой поставленных в них проблем, партийным подходом к их разрешению, яркостью нарисованных образов и картин, свежестью красок.

„Падение Ивана Чупрова“ писатель назвал очерком, и для такого определения жанра произведения есть все основания: автор с такой достоверностью, „документальностью“ излагает всю историю „падения“ своего героя, что в его „конкретном существовании“ не сомневаешься; носит ли герой свою собственную фамилию или он выведен под псевдонимом — это не имеет значения. Важно одно: писатель опирается на конкретный жизненный материал.

Однако это произведение, как и многие очерки В. Овечкина, Г. Троепольского („Из записок агронома“), в жанровом отношении можно определить и как рассказ: внимание автора в нем сосредоточено на одном моменте из жизни героя, а именно: на истории его „падения“; налицо присущая рассказу композиционная стройность, четкость повествования; основная цель

¹ „Новый мир“, № 11, 1953 г., стр. 104.

² Там же, № 2, 1954 г., стр. 166.

³ Там же, № 6, 1954 г., стр. 42.

автора — раскрыть внутренний мир героя и те психологические побуждения, которые привели вначале честного Ивана Чупрова к грубым ошибкам. Перед нами факт близкого „родства“ двух жанров, и напрасно некоторые товарищи недооценивают очерк: опыт В. Овечкина, Г. Троепольского, А. Калинина, В. Тендрякова и др. со всей очевидностью показывает, что хороший очерк является достоянием нашей „большой“ литературы.

В основу очерка „Падение Ивана Чупрова“ положена важная, большая идея: человек, оторвавшийся от народа, даже если он и талантлив, богато одарен от природы, становится объективно вредным нашему обществу.

История падения Ивана Чупрова, председателя колхоза „Красная заря“, — это история отрыва способного человека от народа, потери им партийного, государственного подхода к разрешению жизненных вопросов. Результат этого процесса крайне печален: Чупров оказался в одном лагере с „поганками“, обворовывающими колхоз и государство.

Образ Чупрова выписан ярко, психологически убедительно, и именно в этом в первую очередь проявилось художественное мастерство В. Тендрякова.

Став председателем колхоза, Иван Маркелович Чупров много сил положил, чтобы сделать свой колхоз богатым. Вначале он столкнулся с недоверием колхозников, которые не соглашались с новыми методами, избранными председателем для достижения хорошей жизни.

Как же! Свалил бесполезный соснячок, а посеял не рожь, а лен: „выгоднее!“; выручили на льне сорок тысяч, их надо бы раздать колхозникам, а председатель стал строить свинарник на сто голов и т. д. ...

В эти годы Чупров не испытывал моральных мучений из-за того, что не всем нравились его мероприятия: его поддерживал секретарь парторганизации Никита Кузьмич Бессонов, да и сам он был уверен в правильности своих действий. И „год от году стал подниматься колхоз „Красная заря“: в колхозе было много птицы, племенного скота, выращивался лучший в районе лен, имелось 5 автомашин, электричество. „Счастливей

колхоз", — так характеризует его сам Чупров, встретившись с Бессоновым.

За пятнадцать лет работы Чупров завоевал авторитет как умный, хороший руководитель; казалось бы, нужно дорожить этим авторитетом, ценить доверие колхозников, честно и открыто решать вместе с ними все вопросы хозяйственного строительства.

Но перевели Бессонова в другой колхоз — и стал Иван Чупров спотыкаться. И все потому, что переоценил свои заслуги перед колхозом, не мог понять, что без колхозников и он ничего бы не сделал. „Прибавилось в нем этакое „я решу“ да „я сделаю“. Колхоз — это „я“! Прошло немного времени и Чупров перестал отделять „свое от колхозного“. Это и привело его к падению. Началось, кажется, с небольшого: „Приехал гость, нужна на стол гусятина, мигнул — на тебе, гусь!“ Колхозный гусь из огромного стада — это немного, „мелочь“, как говорит Алексей Быков, сменивший Бессонова на посту секретаря, „капля в море“, как определяет сам Чупров. Но дело в том, что в народном государственном деле „мелочей“ не бывает, и вот одна неисправленная ошибка повлекла за собой другие. Чупров, получив со склада сельхознаба кровельное железо для колхоза, берет полтора ста листов на крышу своего дома; он готовит изобильное угощение (тут и гусь, и молочный поросенок, и глазастая яичница, и напитки) для „князя“, через которого надеется получить стройматериалы, минуя систему государственного снабжения; в дальнейшем он пропивает в ресторане семь с половиной тысяч колхозных рублей, рассчитывая получить от жуликов, обворовывающих государство, стекло и трубы для строящейся в колхозе теплицы. Чупров стал решать колхозные дела, таким образом, за бутылкой, оправдывая свои действия тем, что он не для себя старается, а в интересах колхоза („... если запускал куда руку, то на их пользу“; „... не для себя живу, для колхоза!“).

Вот почему и ревизия его не беспокоит: члены ревизионной комиссии — „свои люди, не враги же они колхозу“ (подч. мною — П. Б.).

Ивану Чупрову не один раз давали понять, что в колхозе „нечистые дела заводятся“. Алексей Быков сравнил его с царьком, распоряжающимся в колхозе

самовластно („Слова не скажи против, вроде царька ты в колхозе, Маркелыч“); колхозники поговаривают: „председатель — пан в колхозе, что душеньке надо, берет, не спрашивает“, и эти суждения колхозников доводит до Чупрова Глафира; об этом говорит ему и колхозный счетовод Никодим Аксеныч Ляпин, надеясь получить „благодарность“: „На тебя обижаются... ты власть большую забрал (уж прости, с чужих слов говорю), куда только хочешь, свою руку запускаешь...“ (Характерно, что жена Чупрова привыкла к „хозяйскому“ положению мужа, и стоило появиться гостю — „бегала то на склад за свининкой, то на птицеферму за свежими яичками“).

Но не внял этим словам Чупров, не сделал из них выводов: слишком уж уверовал он в свое исключительное положение в колхозе („Не я б — сидели б, поди, до сих пор, как в „Свободе“, „при керосинчике“), переоценил свое значение („Строить, так строить — навечно, чтобы потомки вспоминали Ивана Чупрова“).

Не хватило Чупрову партийного подхода к делу, не смог он понять, что государство и колхоз нельзя обманывать, и потому оказался в конце концов в руках жулика — колхозного счетовода Никодима Аксеныча. Неспроста последний напомнил Чупрову о том, будто председатель „сам себя не забывает, пьет вволю с друзьями, ест всласть: „Ну-ка, мол, скатерть-самобранка“ — и готово. Не жизнь, а масленица“. Он припугнул Чупрова разоблачением, и заплясал председатель колхоза под дудку мерзавца, „волей-неволей“ стал помогать ему воровать.

Правда, это произошло не сразу. Сначала Чупрова возмутили претензии бухгалтера („Уж не хочешь ли погреться на колхозных покупках!“), но тем не менее он решил его „приметить“; второй раз он в гневе готов был расправиться с жуликом („Та-а-к! Уходи-ка отсюда, божий человек! Уходи с глаз, пока не раздавил и душу твою поганую не вытряхнул!“), но закончилось все обещанием — „не обижу!“

Запутался Чупров, и при явном его попустительстве положил жулик в карман колхозные денежки. Если вначале он, боясь разоблачения, только помогал Ляпину красть колхозные деньги, то потом их роли фактически поменялись: уже жулик-бухгалтер, пригла-

шая председателя в свою компанию, обещает: „Не обделим“. „Хотел или не хотел того Иван Чупров, но он входил в „базарный“ пай к бухгалтеру и Павлу Штукину. Только с той разницей, что брал свою долю не деньгами, а натурой — водкой“.

В нем еще пробуждается совесть, он не может мириться с тем, что его, Ивана Чупрова, подкупают, и решается ехать в райком, чтобы рассказать о своих ошибках.

Писатель великолепно показал душевное состояние Чупрова в момент, когда он поехал в райком: „Чупров сидел в санях и горбился от тяжелых мыслей.

Каким он был раньше! Ругали его, сплетни пускали, на собраниях кричали против — и ничто не пугало, знал твердо: все эти сплетни, вся эта брань, что дорожная грязь на сапогах, пока свежа — держится, подсохнет — сама отпадет, лучшие колхозники всегда поддержат. А последнее время стал бояться брошенного случайно косога взгляда. Совесть нечиста“. (Сразу вспоминаются знаменитые пушкинские слова: „Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!“).

Чупров, кажется, искренне стремится „разорвать веревочку“, но в последний момент его оставляет мужество, и вместо признания ошибок он начинает разговаривать с секретарем райкома по другому вопросу.

И опять-таки удачно подмеченная психологическая деталь, объясняющая, почему Чупров не осмелился признаться в своих грехах. „Если сказать, голос секретаря станет жестким, лицо сухим. Чупров почувствовал: он не в силах нарушить этот приятный, дружеский тон. Сами собой *подыскались* слова“. Чупров не готовил себе отступления заранее; нет, другие слова „подыскались“ в самый последний момент, когда он уже был в кабинете секретаря. Не хватило мужества у Чупрова, и осталось ему в удел везти на себе вора, „коль потерял людское обличье!“

В этом положении Чупрову, обросшему поганками, было трудно смотреть в глаза честным людям, и он стал пить. Если в первый приезд Бессонова, до „падения“, он предлагает выпить „за счастливый колхоз“, то в последний раз провозглашается тост совершенно другой: „Вот, выпей, Никита. Выпей за помин души

своего друга, председателя колхоза Ивана Чупрова. Выпей”.

Образ Чупрова — самое яркое и убедительное опровержение всего того, что сказано В. Померанцевым в его притче о бой-бабе¹.

Эта „практичная, зубастая, умная“, как ее характеризует автор, председательница колхоза идет к социализму, обходя советские порядки и законы, и строя благополучие колхоза на... самогоне!

Статья Уголовного кодекса, защищает свою героиню автор, „...говорит о самогоне, изготовляемом для потребления... А бой-баба изготовляет его для поощрения. Второй пункт статьи карает сбыт самогона с целью личного обогащения, а у бой-бабы общественное служение...“ (Подч. В. Померанцевым.)

Да, ведь, и Чупров думал об „общественном служении“, когда совершал незаконные сделки.

Бой-баба в этом отношении от него ничем не отличается.

Лишь авторы этих произведений стоят на различных позициях: В. Тендряков осуждает своего героя, В. Померанцев — оправдывает.

Ему кажется естественным, что колхоз приобрел четыре лодки, расплачиваясь самогоном (бой-баба приобрела их для колхоза, ну а те, кто продал их,— обогатили свой колхоз самогоном?); что в делах колхоза нет документов на ряд машин и материалов; что за паклей и войлоком „отправились в многодневный таинственный рейс два колхозника“, запасшись „вспахтанным на сепараторах маслом“; что в колхозе имеются бочки и кадки подозрительного происхождения.

В. Померанцев настойчиво пытается уверить читателя, будто, идя „по боковым канавкам возле прямой и широкой дороги“, эта женщина все же движется к нужной цели. „Некоторые ее поступки дурны,— соглашается автор, однако тут же добавляет:— но, идя за нею, люди идут за хорошим“.

Странная логика: дурные поступки ведут к хорошим делам!

¹ Статья „Об искренности в литературе“. „Новый мир“, № 12, 1953 г.

Уже эта попытка примирить противоположные принципы свидетельствует о порочности всей статьи.

В. Тендряков в своем очерке наглядно показал, что „боковые канавки“ привели Ивана Чупрова к падению, к полному краху... И, конечно, невозможно представить „взлет“ Чупрова, подобный тому, какой совершила померанцевская бой-баба, ставшая, по уверению автора статьи, отличным руководителем районного масштаба.

Важную роль в очерке В. Тендрякова играет Никита Бессонов, настоящий коммунист, человек, который никогда не смешивает личные интересы с общественными. Он представляется полной противоположностью Ивану Чупрову.

Если Чупров достает железо обманом, а стекло и трубы приобретает у жуликов и проходимцев, то Бессонов все необходимое получает плановым порядком, на складах сельхознаба; если из „Красной зари“ машины едут на базар в областной центр, где можно дороже продать продукты, то из колхоза „Вторая пятилетка“, где председателем Бессонов, продукты идут на колхозный рынок в райцентр.

Вокруг Бессонова — честные, трудолюбивые люди, к нему „молоденькие... липнут“, а Чупров, „как старый пень, не дружками, поганками оброс“. Председатель „Красной зари“ потерял веру в свои силы и в правоту своих действий, а Бессонов „не только сам верит, но и этих (председателей лучших колхозов района — П. Б.) заставил поверить, что его колхоз скоро поднимется до них“. Естественно, что, действуя различными методами, они по-разному и оценивают друг друга.

Чупров, уважая Бессонова, считает его „праведником“, что в его устах звучит не совсем лестно, а Бессонов, наблюдая за проявлениями „хозяйской хитрости“ Чупрова, называет его „ловкачом“, а действия его в обход установленного порядка („Все достаешь?“) приравнивает к жульничеству (не без основания Чупров при встрече с Бессоновым на рынке боится того, что „Никита сейчас все разгадает“).

Естественно, что будь Бессонов рядом, он не дал бы Чупрову упасть. Находясь „вдалеке“, он лишь изредка попадает к старому другу и замечает, что Чупров изменяется. При этом Бессонов не остается пассивным наблюдателем.

После „истории“ с гусем он предупреждает своего преемника, секретаря парторганизации Алексея Быкова, чтобы тот „смотрел“: „Споткнется — ты ответишь. Ты партийный секретарь... Спросят, и на молодость не посмотрят“. Самого Чупрова он тоже предупреждает: „Все достаеть? Смотри!.. Уж больно быстро все достаеться“. Этих предупреждений оказалось недостаточно; к тому же у Алексея Быкова слишком слабой была партийная закалка, чтобы во-время остановить Чупрова, поставить его на правильный путь. Алексей не был до конца уверен в своей правоте („Он старый председатель, а я — молодо-зелено“), ему не хватило настоящей партийной принципиальности (не пошел в райком: „...для них Иван Маркелович свят и чист, а я жалобщик, клеветник“).

И „подмял“ его Чупров, „в землю втоптал“, „...перед народом унизил“ (писатель не побоялся обострения конфликта, избежал шаблона в его разрешении).

Личные переживания Алексея явились причиной его растерянности. И лишь потом, у секретаря райкома, он понял, что „за позор Чупрова отвечать придется ему, секретарю парторганизации“.

Но только ли Алексей Быков виноват в падении Чупрова?

Нет, не только он... Вдумаемся в смысл событий, происшедших на складе сельхознаба, где, конечно, не поверили, будто „в колхозе у Чупрова половина общественных построек требует перекрытия“, но тем не менее выписали дефицитный материал — кровельное железо. Чупров просил железо, зная, что „запас карман не рвет“; он получил его потому, что стучал кулаком по столу, кое-кого припугнул облизполкомом, побегал из кабинета в кабинет с бумагами.

Бессонов же, которому действительно нужно было железо, не получил его: „Не достал, разобрали“.

Не виноваты ли некоторые работники районных и областных организаций в том, что плохо знают нужды колхозов, своевременно не обеспечивают их материалами и вынуждают отдельных руководителей „изворачиваться“ так, как это делал Чупров?

О том, насколько трудно иногда председателю достать стройматериалы, говорит герой очерка В. Овечкина „В одном колхозе“ Назаров:

„А нас мелочи заедают!.. Ведь о чем только не

приходится хлопотать председателю колхоза: и где гвоздей добыть на строительство, и чем крыши покрыть, чем коней подковать, во что запрячь. На иного председателя посмотришь — так это же не председатель и даже не завхоз-экспедитор! Дни и ночи мотается по разным конторам, „снабам“, ищет, достает, выпрашивает, выменивает. Уголовное дело на председателя колхоза можно завести — как он это все добывает¹. И действительно, некоторые председатели хитрят, достают, комбинируют...

Избавить председателей колхозов от излишних забот, да еще и таких, когда приходится идти на сделку со своей совестью, — это значит лучше организовать плановое снабжение колхозов. И Пленум ЦК партии в своем решении „О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР“ указал на это.

Однако „виновато“ не только снабжение. Чупрову помогает „доставать“ председатель райпотребсоюза Ефим Арсентьевич Трезвый и „птица не маленькая“ — Николай Степанович Рябчик. И тот и другой находятся на государственной службе, распоряжаются государственным имуществом. Они имеют возможность жульничать только потому, что их плохо контролируют. А был бы хороший контроль — не удалось бы рябчикам воровать стекло и трубы, чтобы продавать Чупрову.

Думается, что в падении Чупрова повинны и работники райкома партии. Почему они мало вникали в жизнь колхоза? Почему никто из них, наблюдая, как „больно быстро все достается“ Чупрову, не задумался над этим фактом? Как мы видим, автор отметил ряд обстоятельств, в известной мере обусловивших незаконные действия Чупрова, и выступил против них со всею страстностью художника-публициста, но он не оправдал Чупрова, а решительно и справедливо осудил его.

Сила и достоинство анализируемого очерка — в первую очередь в образе Ивана Чупрова. В. Тендряков показал своего героя в процессе „падения“, раскрыл перед читателем его внутренний мир, с исключительной убедительностью мотивировал все его мысли и поступки.

Тендряков „от себя“ в очерке ничего не говорит. Он стремится нарисовать яркие, убедительные картины

¹ В. Овечкин. Очерки о колхозной жизни. Сельхозгиз, 1953, стр. 123—124.

жизни и, „не навязывая“ читателю своих идей, своих выводов, достигает нужной цели: выводы естественно следуют из логики развития образов и событий.

Когда речь идет о недостатках какого-то произведения, в критических статьях нередко указывается, что, кроме главного персонажа, в нем нет других ярких, хорошо выписанных образов. Молодого автора такие замечания могут привести в недоумение: нельзя же всех герсев обрисовать с одинаковой силой! Ведь типический характер должен действовать в типических обстоятельствах, а одним из таких обстоятельств являются люди, с которыми сталкивается главный герой, и иногда их достаточно только упомянуть!

Рассуждения эти, конечно, правильны, но они нуждаются в некотором „прояснении“. Естественно, что о второстепенных персонажах автор не может говорить с такою же обстоятельностью, что и о главном герое. „Территориально“ каждый из них занимает в произведении весьма небольшое место, но тем не менее требование, чтобы второстепенные образы были даны выпукло, четко, по своей сути правильно. Ведь достигается выпуклость и четкость не большим количеством страниц, отводимых на каждого героя, а умением автора найти яркие, точные детали, через которые образ и раскрывается с *нужной* полнотой.

Вот Никодим Аксеныч — бухгалтер колхоза „Красная заря“. Уже при первом знакомстве с ним, когда при виде „покорно опущенной к столу головы бухгалтера“ и его руки, готовой „бесстрастно поставить любую цифру“, Чупров решается присвоить железо, мы получаем ясное представление об этом человеке.

„ — Учти, себе на крышу хочу взять листов пелтораста...

Бухгалтер *понимающе* кивнул“. В этом „понимающе“ весь Никодим Аксеныч: нам уже ясно, что этому человеку нельзя доверять учет колхозного имущества. И именно под этим углом зрения воспринимаются следующие дальше авторские слова, являющиеся как бы выражением мыслей Ивана Чупрова: „Удобный человек Никодим Аксеныч... Тишайший, воды не замутит“.

А дальше автор показывает *цену* покорности Никодима Аксеныча, его существо. Помогая председателю оформлять незаконные поступки, он, оказывается, хочет

поставить его перед фактом („могут притянуть за нарушение финансовой дисциплины“), чтобы „погреться“ на колхозном добре.

Чем больше запускает руку в колхозный карман Иван Чупров, тем откровеннее и наглее становится „тишайший“, тем сильнее он проявляет свою „корыстную душу“. Когда же Ляпин сумел как-то обойтись с этими пущенными на ветер семью с половиной тысячами, он уже предлагает Чупрову „жить вместе по совести“.

Окончательно он „победил“ Чупрова списочком, в котором было отмечено, „когда что брал для себя и для гостей“ председатель колхоза. Даже самые мелкие грешки председателя занес этот жулик в тетрадь, чтобы сорвать куш для себя. Так Иван Чупров попадает в лапы поганки: „И рад бы избавиться, и нельзя отпустить от себя этого подлого человека“.

Обнаглев, бухгалтер стал не только грабить, но и командовать Чупровым. Ясно, что своеобразные основания для „союза“ Чупрова и Никодима Аксеныча порождают и соответствующие отношения: „Оба *нуждались* друг в друге, но *ненавидели* один другого. Смертельно ненавидели!“ (подч. мною — П. Б.). Определено совершенно точно: „нуждались“ и „ненавидели“.

В свое время, когда Чупров зашел к бухгалтеру для оформления пришедшей партии труб и пущенных на ветер семи с половиной тысяч, „очки... придавали мелкому лицу (Никодима Аксеныча — П. Б.) значительное и таинственное выражение“. К концу очерка эта таинственность снята: читателю все ясно.

Еще меньше красок, чем на бухгалтера, автор израсходовал на Николая Степановича Рябчика. Чупров, встретив его первый раз, подумал: „Да, птица не маленькая. Стоит обхаживать“. Он покорило его в ресторане первой „демократической“, „сочно“ сказанной фразой: „А ну, перейдемте ближе к народу!“ За этой фразой последовала другая, не менее „внушительная“: „ — Ты мне нравишься! — трепля по плечу Чупрова, говорил Николай Степанович. — Всем выручу! Ты мужик. Черноземная силища! Я сам из мужиков. Вельского уезда! Стал виженером. Строятся мужики, разворачиваются! Выпьем за мужиков, которым не хватает строительных материалов“.

Рябчик — большой демагог; красивыми фразами он покори́л не одного Ивана Чупрова; вероятно, и те, кто поставил его на большую хозяйственную работу, были обмануты его красноречием: как видно, крепко держался он на своем месте, и не без основания Виталий Витальевич аттестовал своего шефа: „Он выручит... Он бог у нас“. Рябчик гуляет на чужие деньги, не задумываясь над тем, сколько их будет израсходовано. Именно с ним Иван Чупров спустил за одну ночь семь с половиной тысяч рублей, получил затем трубы, а с ними письмо: „Уважаю за широту души. Надеюсь, что ни в чем не обижу. Договаривайся с В. В. — Н. С.“.

Человеком „широкой души“ является и сам Рябчик, и мысль Чупрова: „Да, птица не маленькая“ — после знакомства с ним воспринимается уже по-другому, но более конкретно: „Да, большой жулик“. А ведь ему посвящена одна страница! Значит, и на малой „площади“ можно дать герою убедительную характеристику. Показательно, что жулики, стремясь замаскировать свои действия, прибегают к жаргону. „Надежный друг“ Чупрова Ефим Трезвый по телефону сообщил председателю: „Завтра принимай князя“. А это значило, что едет „полезный человек“. Рябчик не подписывает записку своей фамилией — он лишь ставит инициалы.

В. Тендряков стремится показать своих героев в действии, и через их жесты, движения умеет передать внутренние переживания человека. Вот, например, мы читаем: „Иван Маркелович поднялся, пошел от стола, по пути отбросил подвернувшуюся под ноги кошку, не снимая валенок, завалился на кровать“ — и сразу понимаем, что Чупров крайне раздражен.

Психологически убедительно показывает автор перемену настроения у Чупрова и в момент, когда он вспоминает день пуска электростанции, и тогда, когда в „славный“ день, наполненный запахами приближающейся весны, он идет по деревне, думая о том, как бы стать хоть на неделю прежним „суровым и справедливым хозяином колхоза“.

Нельзя не сказать о конце очерка. Автор оставил своего героя в момент, когда тот предлагает Никите Бессонову выпить „за помин души своего друга“. Писатель не говорит, что произошло большее, да и все

те, кто пришел в этот момент к Чупрову, молчат: „Что говорить— все было ясно!“ И это, действительно, так. „Разжевывание“ здесь ни к чему, к истории падения Ивана Чупрова прибавить нечего. Хорошо сделанная монцовка — одно из значительных достоинств очерка.

* * *

В очерке „Ненастье“¹ нет образов, которые по своей художественной законченности могли бы стать рядом с Иваном Чупровым; он интересен значительностью поставленной в нем жизненной проблемы; в нем идет речь о вредоносной силе формализма в руководстве сельским хозяйством. С этой темой мы сталкиваемся у В. Овечкина („Районные будни“), у Макаёнка („Извините, пожалуйста!“) и у других авторов, но В. Тендряков решает ее на новом материале.

В самый разгар весеннего сева в районе льют непрерывные дожди; цифры в сводках, которые ложатся на стол секретаря райкома, „замерли“. Продолжать сев бессмысленно: „Под такие ливни бросить семена — посмывает“. А позже сеять тоже не удастся: „Такие уж здесь места, что легко заливаются, да медленно сохнут“. „Хочешь не хочешь, — рассуждает председатель колхоза имени Малютина Андрей Малютин, — придется оставить незасеянной землю до осени, вместо яровых по этой земле посеять озимые“. Эту мысль он высказывает и на кустовом совещании председателей и активистов из колхозов.

Иначе думает Николай Степанович Глухарев, секретарь райкома. Когда-то его обвинили в зажиме критики, и спасло его то, „что он был старый работник, что у обкома не нашлось под рукой человека, который мог бы заменить его в районе“. А теперь, если район не выполнит план („Секретаря райкома меряют по району“), такой человек может найтись... Отсюда вывод: „Надо сеять! Надо сдвинуть замерзшие цифры!..“

И он настаивает на выполнении плана, предлагая выйти в поле „с лукошком через плечо“. Довод Андрея Малютина, что колхозам не нужен „план ради плана“, встречает резкий отпор: „Товарищ Малютин!.. Ты выступаешь против государственных планов. Госу-

¹ „Новый мир“, № 2, 1954 г., стр. 66.

дарство указывает: сейте яровые, — ты, как в присказке про стрижено-брито, твердишь: озимые лучше. Кто нам позволит путать государственные планы? Ты — председатель колхоза. Твое дело — выполнять по готовому. Что получится, если каждый председатель начнет по-своему переворачивать план?..

По лицу Андрея Малютина было видно, что он хочет возразить, но Глухарев не давал ему опомниться, он бил и бил увесистыми фразами. „Негосударственный подход... против государственных планов. Против государства...“

Можно было бы обратиться в область, добиться изменений в планах, но Глухарев убежден в одном: „Не стоит стараться пробить лбом стенку, достаточно выполнять то, что указывают, — сверху виднее“. Для него, как и для Борзова из очерков Овечкина, очень важно только одно: как бы сохранить незапятнанной свою репутацию перед областными органами, а будет хлеб или нет — это не имеет значения. Любопытно, что такие люди действуют, не сообразуясь с реальной действительностью: Борзов в дождь дает распоряжение пустить на поля жатки, комбайны, чтобы скорее закончить уборку урожая и таким образом выполнить план; Глухарев приказывает во имя выполнения плана бросать в воду зерно. Превращение плана в „мертвую цифру“ губительно не только для урожая.

И дело не просто в „зряшном труде“ и „погибших семенах“. Бессмысленный сев пагубно сказывается на „цене“ трудодня и дисциплине в колхозах...

Ошибка Глухарева объясняется не только желанием выслужиться или простой трусостью, она является закономерным следствием отрыва руководителя от настоящих „хозяев земли“, с которыми он не захотел советоваться...

Лишь при известии, что снимают руководство обкома, Глухарев, дрожащий за свое место, приходит к мысли: „Не всегда, видать, сверху, видней, где-то и своим умом жить приходится. Не хватало ума... Ум ли?.. Может, смелости?“ Безусловно, Глухареву не хватало того и другого, на ответственном посту он работал без огонька, который был характерен для него в комсомольские годы.

У Глухарева, как у рухнувшей березы, серединка

оказалась с гнилью. Как и Борзов, он не служил партии и государству, а „исполнял обязанности“, думая лишь о своей карьере.

В нашей стране такие люди не могут долго обманывать доверие партии и народа: Борзова, как мы знаем, сняли, Глухарева ждет та же участь — об этом говорит судьба символической березы.

В. Тендряков своим очерком в известной степени „дополняет“ В. Овечкина, когда определяет коренную причину неправильного руководства районом. Секретарь райкома плохо владеет марксистско-ленинской теорией, хотя о значении марксизма-ленинизма любит говорить в своих выступлениях. Он считает, „что великое учение вполне доступно лишь тем, кто стоит высоко вверху, у руля государства“; себе он отводит роль ломовой лошади, которая должна лишь везти и не спотыкаться; и еще менее активную роль он предоставляет рядовым людям, народным массам.

Руководствуясь этой пaskвозь ложной „теорией“, Глухарев живет только указаниями и планами, спущенными сверху, не проявляя собственной инициативы и не опираясь на инициативу масс.

„Ломовая“ лошадь может только тянуть, а секретарь райкома обязан воспитывать людей, самостоятельно принимать решения, направлять жизнь целого района. Марксистско-ленинское учение должно быть для него не догмой, а руководством к действию, к творческому выполнению больших задач. Не понимая этой творческой сути ленинизма, Глухарев не может и применить это учение в своей практике, не может руководить людьми. И в этом главная причина его ошибок.

Очерк „Ненастье“ бьет по формализму в самом широком смысле слова: не только по формальному отношению к планам и инструкциям, к отчетам и сводкам, но прежде всего по формальному отношению к самой основе нашей жизни — к великому учению коммунизма.

II

РАССКАЗ И ОЧЕРК В АЛЬМАНАХЕ „ЛИТЕРАТУРНАЯ ТУЛА“

В каждом номере альманаха „Литературная Тула“ читатель найдет раздел „Рассказы и очерки“ (или просто „Рассказы“), и все же у нас мало хороших рассказов и очерков, и к работе над этими жанрами еще не привлечено внимание наших молодых писателей.

Многие начинающие авторы с пренебрежением относятся к произведениям малой эпической формы и пробу пера начинают с повести или романа, забывая, что рассказ и очерк являются великолепной школой писательского мастерства.

„Начинать работу большими романами, — писал А. М. Горький в статье „Беседа с молодыми“, — это очень дурная манера, именно ей мы обязаны тем, что у нас издается множество словесного хлама. Учиться писать нужно на маленьких рассказах, как это делали почти все крупнейшие писатели на Западе и у нас. Рассказ приучает к экономии слов, к логическому размещению материала, к ясности сюжета и наглядности темы“¹.

Рекомендуя начинать творческую работу с рассказа, А. М. Горький ссылается на опыт писателей-классиков.

¹ А. М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 27, стр. 220.

Аналогичные мысли высказаны К. А. Фединым в его статье „Мастерство писателя“. Сб. „О писательском труде“. „Сов. писатель“, 1953, стр. 311.

Действительно, нет ни одного крупнейшего русского писателя, который бы не писал рассказов, а иногда и не начинал бы с них своего творческого пути. А. С. Пушкин до создания крупных по объему прозаических произведений, знаменитых повестей „Дубровский“ и „Капитанская дочка“, написал рассказы, объединенные общим названием „Повести Белкина“. Н. В. Гоголь начал свою литературную деятельность рассказами, составившими два тома „Вечеров на хуторе близ Диканьки“. Рассказы и очерки („Записки охотника“) принесли подлинную литературную славу И. С. Тургеневу, ранее выступавшему с поэмами.

Непревзойденными в мировой литературе мастерами рассказа были Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. М. Горький.

Выдающиеся советские писатели, известные всему народу как авторы больших эпических полотен, неизменно обращались и обращаются к рассказу.

Знаменитый писатель нашего времени М. А. Шолохов начал свой творческий путь „Донскими рассказами“; после опубликования всемирно известных романов „Тихий Дон“ и „Поднятая целина“ писатель не раз выступал на страницах нашей печати с рассказами и очерками.

В статье „О русской повести и повестях Гоголя“ великий критик В. Г. Белинский писал:

„Когда-то и где-то было прекрасно сказано, что *„повесть есть эпизод из беспредельной поэмы судеб человеческих“*. Это очень верно; да, повесть — распавшийся на части, на тысячи частей, роман; глава, вырванная из романа... Жизнь наша, современная, слишком разнообразна, многосложна, дробна: мы хотим, чтобы она отражалась в поэзии, как в граненом, угловатом хрустале, миллионы раз повторенная во всех возможных образах, и требуем повести. Есть события, есть случаи, которых, так сказать, не хватало бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредоточивают столько жизни, сколько не изжить ее и в века: повесть ловит их и заключает в свои тесные рамки“¹.

Все сказанное Белинским о повести относится и к

¹ В. Г. Белинский, О русской повести и повестях Гоголя. Собр. соч. в трех томах, ГИХЛ, М. 1948, т. 1, стр. 112.

рассказу, ибо в 30-е гг. XIX в. рассказ и повесть как отдельные жанры еще не различались: А. С. Пушкин свои рассказы „Метель“, „Гробовщик“ и др. объединил в цикл, названный им „Повестями Белкина“; В. Г. Белинский в этой же статье упоминает многие рассказы своих современников, именуя их повестями.

В процитированных словах великого критика содержится не только указание на отличие рассказа (повести) от романа; в них намечены и особенности произведений малой эпической формы.

Рассказ — это небольшое по объему эпическое произведение, включающее в „свои тесные рамки“, как правило, одно событие из человеческой жизни.

Этим определяются и другие особенности рассказа как литературного жанра.

В рассказе немного действующих лиц, характер главного персонажа раскрывается в одном центральном событии, положенном в основу рассказа; судьба героя до события, описанного в рассказе, и после него, не показывается, объем рассказа невелик.

Как и в других эпических произведениях, в рассказе имеется сюжет, содержащий в себе завязку, развитие действия, кульминационный момент, развязку. Именно через сюжет раскрываются характеры персонажей, тема и идея произведения.

В качестве примера можно взять рассказ А. П. Чехова „Толстый и тонкий“. Характер тонкого раскрывается при встрече с толстым на железнодорожном вокзале, когда тонкий неожиданно узнает, что друг его детства стал тайным советником, заслужил две звезды. И в том, как вдруг изменилось поведение тонкого, читатель сразу видит бедного забитого чиновника, приученного в тусклой атмосфере департамента к чиновничеству, к заискиванию перед старшими, от которых зависело его благополучие.

В рассказе можно найти все элементы сюжета: завязку (радостная встреча друзей детства на вокзале), развитие действия (воспоминание тонкого о годах учебы в гимназии, рассказ его о своей жизни), кульминацию (появление печати почтительности и благоговения на лице и в речи тонкого, когда он узнает, каким важным вельможей стал его друг) и развязку (прощание тайного советника с ошеломленным другом).

Вся история рассказана на двух страницах, но как ярко обрисован человеческий характер, как выразительно сказано о породивших его условиях жизни!

Образцы великолепного рассказа дали наши советские писатели. Нельзя говорить о советской литературе, не вспоминая таких произведений, как „Рассказы о героях“ А. М. Горького, „Поезд на юг“ А. Малышкина, „Рассказ о кандалах“ Н. Ляшко, „Рисунок с Ленина“ К. Федина, „Флаг“ В. Катаева, „Морская душа“ Л. Соболева, „Русский характер“ А. Толстого и многие другие.

В них запечатлены дела и люди советской страны на различных этапах движения к коммунизму.

В сотнях разнообразных сюжетов писатели показали величие и нравственную красоту советского человека, его страстную любовь к Родине, во имя которой он совершал военные и трудовые подвиги, во имя которой он сегодня преобразует лицо страны, делая новый шаг к коммунизму.

Нельзя не отметить, что особенно большое распространение получил рассказ в годы Великой Отечественной войны. И это не случайно. В те дни боевой страды писателям необходимо было своевременно откликаться на происходившие события, чтобы художественно воссоздавая одних героев, способствовать росту и воспитанию других. И вот в этих условиях особенно уместным оказалось обращение к рассказу и очерку, которые через газеты быстро становились достоянием миллионов читателей.

Именно из газетных рассказов и очерков советские люди впервые узнали о подвиге Гастелло, Зои Космодемьянской, 28 героев-панфиловцев, молодогвардейцев и многих других. В последние годы рассказы и очерки стали появляться все чаще и чаще как на страницах газет, так и в „толстых“ журналах. Широкую известность получили молодые писатели С. Антонов, Б. Бедный, В. Фоменко и др., выступившие со сборниками рассказов. О рассказах и очерках заговорили критики, особенно в связи с выходом трехтомного сборника рассказов советских писателей в 1952 году¹.

¹ Рассказы советских писателей. Гос. изд. худож. литературы, кн. 1—3, 1952 год.

К числу тульских писателей, опубликовавших интересные, заслуживающие внимания рассказы, следует отнести А. Терехина, М. Казакову, С. Юдкевича, Ек. Ветрову, Н. Виноградова и некоторых других товарищей.

Перу А. Терехина принадлежат три коротких рассказа („Случай в дороге“¹, „Вклад“² и „В летний день“³), посвященные характерным явлениям современности: пуску колхозной гидроэлектростанции, росту коммунистической сознательности народа („Случай в дороге“), творческим, новаторским исканиям людей труда („Вклад“), товарищеской помощи во имя интересов общего дела („В летний день“).

„Заблудившиеся“ колхозники, герои рассказа „Случай в дороге“, увидев свет электрических огней в одном из сел района, решают построить свою электростанцию; слесарь, ремонтирующий отбойные молотки, мечтает „по-настоящему, по-геройски“ подкрепить свою подпись за Пакт Мира стахановским трудом („Вклад“); председатель колхоза оказывает помощь своим соседям, с которыми соревнуется, сознавая, что интересы государства выше интересов одного колхоза („В летний день“).

Героями всех рассказов А. Терехина выступают люди труда. Воплощая в себе характерные черты наших рабочих и колхозников, они учат читателя коммунистическому отношению к труду.

„Труд у нас радостью стал“, — говорит старый колхозник своему молодому собеседнику Петру („Случай в дороге“).

Творческие трудовые успехи приносят подлинную радость старому слесарю Михаилу Тимофеевичу и электросварщику Васятке („Вклад“), чувствующим, насколько полезны их усилия для родной страны. Автор заканчивает этот рассказ указанием на состояние своих героев: „Все трое радовались, потому что на душе у них было хорошо“.

¹ „Литературная Тула“, кн. 2-я, 1950, стр. 147—150.

² Там же, кн. 4-я, 1951, стр. 142—146.

³ Там же, стр. 146—150.

У председателя колхоза Ивана Семеновича на душе стало также хорошо не тогда, когда он увидел простаивающий комбайн на поле соседнего, соревнующегося с ним колхоза, а в то время, когда он помог этот комбайн пустить в ход.

А. Терехин хорошо знает жизнь и умеет отразить отдельные существенные ее стороны, он может композиционно четко строить рассказ, владеет искусством диалога (для примера можно назвать разговор о коммунизме героев рассказа „Случай в дороге“). Действие в его рассказах развивается динамично, и именно в действии проявляются характеры героев. Свою мысль он выражает образно, ярко, в его речи немало интересных, оригинальных сравнений: „Он взял ствол и долго смотрел на стертую резьбу, так же, как школьник смотрит на задачу, которую еще не понял, но хочет во что бы то ни стало решить...“; „Слесарь говорил об изношенном молотке, как врач о больном человеке: с сочувствием и желанием помочь“. Во многих случаях удается ему достичь и индивидуализации речи своих персонажей, найти для обрисовки образа выразительные художественные детали. Вот один пример. Шофер Федя, назначенный бригадиром молодежной бригады по вывозке зерна государству, „на минуту представил себя уже возчиком зерна“. И сразу же стал думать о том, чтобы ему дали в бригаду баяниста и „хороших голосистых девчат“. Такая мысль может придти в голову только *молодому* человеку, который любит труд, но не прочь и „показать“ себя.

Однако рассказам А. Терехина присущи и многие существенные недостатки. Хотя писатель изображает актуальные явления нашей жизни, в построении рассказа он идет иногда от схемы. Это *особенно характерно* для рассказа „Случай в дороге“. Читается это произведение с интересом, и все-таки его сюжетная основа вызывает большие сомнения: как могло случиться, что колхозники „Октября“ не знали о предстоящем пуске электростанции в селе, мимо которого „утренней зорькой проезжали“? Да о таком событии сообщало бы местное радио, районная газета, изустная молва...

Автор же весь рассказ строит на факте неожиданного появления огней: не будь этой неожиданности — не было бы и рассказа. В рассказах А. Терехина чув-

ствуется влияние теории бесконфликтности. Лишь в рассказе „В летний день“ автор попытался показать внутреннюю, душевную борьбу, сомнения героя, в котором рассуждения „единоличника“ приходили в противоречие с мыслями и решениями человека, умеющего ставить выше всего государственные интересы.

В других же рассказах автор избегает острых конфликтных положений, заменяя их описанием „обстоятельств“, в которые поставила героя жизнь.

Очень редко А. Терехин прибегает в своих рассказах к портретным характеристикам персонажей, а в тех случаях, когда пытается сказать о внешности своего героя, он сообщает одну — две детали, не увязывая их с его душевным состоянием, или новторяет одну и ту же деталь без особой на то надобности. Так, о Васятке, герое рассказа „Вклад“, мы узнаем, что это „белокурый парень“ с „большими голубыми глазами“, причем эпитет „белокурый“ повторяется дважды, а в третий раз вместо „белокурый“ употребляется „белобрысый“. Последний эпитет вообще неуместен. Не желая повторяться, автор стремился подобрать синоним к употребленному ранее слову, однако не учел двух вещей: во-первых, этим эпитетом он ничего не прибавил к портрету, а, во-вторых, снизил образ своего героя, так как синоним внес новый оттенок, не требующийся в данном случае („белокурый“ — светлорусый, а „белобрысый“ — с белыми бровями, ресницами, волосами: это слово употребляется, когда хотят выразить пренебрежение).

Синонимами надо умело пользоваться, ибо употребление их делает речь более точной, разнообразной. Пример классиков показывает, чего можно достигать при умелом использовании синонимов. Вот как, например, Н. В. Гоголь избегает повторений, пользуясь ими при обозначении процесса речи: „О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: *шла ли речь* о лошадином заводе, он *говорил* и о лошадином заводе; *говорили ли* о хороших собаках — и здесь он *сообщал* очень дельные замечания; *трактовали ли* касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он *показал*, что ему неизвестны и судейские проделки; *было ли рассуждение* о билиартной игре — и в билиартной игре *не давал он промаха*; *говорили ли* о добродетели, и о добродетели *рассуждал* он очень

хорошо, даже со слезами на глазах; об выделке горячего вина, и в горячем вине *знал он прок*; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках, и о них он *судил* так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком¹. (Курсив мой—П. Б.)

У классиков надо учиться и точности употребления слова в контексте.

В рассказах А. Терехина встречаются слова, которые явно употреблены не к месту, противоречат идейному авторскому замыслу.

Слесарь Михаил Тимофеевич и электросварщик Васятка ждут результатов испытания отремонтированного ими отбойного молотка. Понятно, конечно, их волнение.

„— Дядя Миша, что-то долго сообщения нет. Не добежать ли мне до конторы?“

— Скоро кончит работу смена, и тогда узнаем все,— успокаивал Васятку слесарь,— сядь, передохни“.

Употребление слова „успокаивал“ в данном случае совсем не оправдано: ведь сам старый слесарь был обеспокоен больше, чем его помощник.

И дальше: „Васятка присел на корточки и с любовью смотрел на хмурое, подернутое морщинками лицо слесаря“. Вряд ли уместен здесь эпитет „хмурое“ к слову „лицо“. Хмурое лицо бывает у человека, мрачно настроенного, угрюмого, тут же можно говорить об „озабоченном лице“ и т. д.

Много неудачных выражений в рассказе „В летний день“: „...машина... устремила меж полей“, „...Иван Сергеевич... видел бесконечное поле ржи...“, „машина... въехала в рожь колхоза „Победа“ (можно подумать, что она свернула с дороги и въехала в рожь).

Рассказам А. Терехина не хватает лирической теплоты, автор часто забывает о сложности человеческой жизни, психики. Ведь кажется странным, что слесарь Михаил Тимофеевич, человек пожилой, имеющий „черные с проседью волосы“, стремится „на мысль напасть“, ни с кем не советуясь, не делаясь своими замыслами. А ведь он, вероятно, человек семейный, и на его беспокойство как-то должна реагировать жена, близкие

¹ Н. В. Гоголь, Собрание сочинений в шести томах, ГИХЛ, Москва, 1949, т. V, стр. 18.

ему люди. Описывая производственный процесс, автор забывает о других сторонах жизни человека и тем самым обедняет образы своего рассказа.

Все эти недочеты обязывают А. Терехина упорно совершенствовать свое литературное мастерство, чтобы создать более ценные в идейном и художественном отношении произведения.

Интересный рассказ „Учителева роща“¹ написала М. Казакова. Он подкупает читателя своей простотой, мягким лиризмом и своеобразием построения: написанный в форме письма учительницы к подруге студенческих лет и представляющий своеобразную лирическую исповедь девушки, он показывает, как человек любит природу, как своими руками украшает землю и стремится „сделать жизнь еще прекраснее“.

Обаятелен образ главной героини рассказа — молодой сельской учительницы. Сначала это „Татьяна, бедная Татьяна“, грустящая об оставленной столице. А потом она оказывается серьезным, волевым педагогом, умеющим преодолевать трудности.

„А сколько я работала в эти первые два — три месяца! — рассказывает она о себе. — Прочитывала множество дополнительной литературы, сама изготовляла диаграммы и схемы, заучивала уроки наизусть, как артист свою роль“. Как все это характерно для молодого, начинающего педагога! Сразу чувствуется, что автор хорошо знает людей, которых изображает в художественном произведении, а это — необходимое условие успеха в творческой работе.

Не сразу удалось героине рассказа увидеть „выражение внимания“ на лицах всех учеников. Не сразу удалось завоевать авторитет у детского коллектива. „Трудный“ встретился в классе ученик Владимир Баев. Можно было, конечно, „принять решительные меры“ с помощью директора, но поступить так — это значит расписаться в своей слабости. „...Я наотрез отказалась от посторонней помощи: первую трудность, встретившуюся на моем самостоятельном пути, я должна была преодолеть сама!“ Немного слов — и сразу перед читателем предстает характер. Писательница показывает, как любовь к природе порождает дружбу между учительницей и учени-

¹ „Литературная Тула“, кн. 3-я, 1951, стр. 141—154.

ками; эта любовь связывает героиню „неуловимым чувством“ с прибывшим из армии в отпуск дядей Владимира Баева, человеком очень интересным. Это он посадил когда-то со школьниками рощу, которую назвали потом „учителевой“. Ему принадлежат замечательные слова: „Человек рождается на свет, чтобы созидать. Разве это не благородно: создание садов и лесов?“ Такие люди, как он, умеют трудовой день превратить „в веселый, пронизанный песнями праздник“.

Рассказ заканчивается, но читатель знает, что в жизни понравившихся ему героев произойдут новые события; он мысленно воссоздает в своем воображении их дальнейшую жизненную судьбу. А если произведение вызвало поток мыслей и чувств у читателя, если оно заставило думать о дальнейшей судьбе героев, можно сказать, что это — хорошее произведение.

К достоинствам рассказа следует отнести удачные пейзажные зарисовки.

„Постарайся представить себе эти пятнадцатилетние березки, на которых начинают лопаться тугие почки. Первый их ряд выстроился на берегу мелководной и узкой речушки и горделиво засматривается на свое отражение в воде. Да и как им не засматриваться! Каждая веточка, каждая почечка напоена такой могучей жизненной силой, что начинает казаться: вот-вот через нежную кожицу проступит густой сок...“

Следующие ряды березок в менее выгодном положении: чем дальше от речушки, тем более косогор повышается. Кажется, что деревца, взявшись за руки, наперегонки взбираются в гору. Кто скорее?.. Крутой подъем их не утомляет: они так же бодры и веселы, как и их более удачливые подружки, поселившиеся ближе к воде“.

Читаешь эти строки и действительно представляешь себе „учителеву рощу“. Не менее картинно изображена эта роща в морозный зимний день, когда всюду вспыхивали мириады алмазных искр. Нельзя не поверить, что в этот день роща показалась героине „заколдованным хрустальным садом“, „страничкой из пушкинских сказок“.

К сожалению, и в этом хорошем рассказе встречаются погрешности, „неточности“, тем более непро-

стительные для М. Казаковой, что она уже зарекомендовала себя как способный литератор.

Когда читаешь фразу из письма: „С сорок первого года в армии, несу вахту за священным рубежом Родины!“ — начинаешь думать, с какого же времени героиня находится за рубежом. С 1941 года? Это будет неверно, а из предложения напрашивается эта дата.

Нехорошо звучат и такие фразы: „...деревня... бедна деревьями“, „об этом постарался Владимир Баев...“

Есть в рассказе и более значительные недостатки. Дело в том, что, показывая личную жизнь героини, писательница не увязывает ее с общественной. В самом деле. Учительница живет в селе. Она не только учит в школе ребят — ей приходится проводить и большую общественную работу среди колхозников. А как связана молодая учительница с жизнью колхоза? И связана ли? Обратимся к рассказу.

„В самом разгаре весенний сев. Вместо шумной, нарядной улицы Горького — из окна видна пустынная улочка, кое-где еще не просохшая после весенней распутицы. За мостом, через овраг — школа. Она тоже выглядит одиноко: сегодня — выходной день...“ Немного видит героиня, а еще меньше думает о делах и жизни того колхозного села, в котором живет и работает. По воле автора богатая и многообразная жизнь колхоза выпала из поля зрения героини рассказа. А, вероятно, эта жизнь как-то „задевала“ учительницу и вызывала у нее соответствующие размышления. „Забыть“ про них — это значит обеднить образ.

Следует отметить, что в произведении „Учителева роща“ заметно неумение автора подойти к обобщению, а отдельные попытки в этом направлении вряд ли можно призвать удачными.

„Любить лес, — читаем мы в рассказе, — это значит не поломать в лесу ни одной ветки и не позволить этого сделать другим...“ После слов „любить лес“ читатель ждет чего-то многозначительного, и вдруг мало говорящие слова: „не поломать в лесу ни одной ветки“ и т. д. Да такое отношение к лесу возможно не из-за любви к нему, а вследствие наличия у человека определенного чувства долга. Правда, дальше идут слова интересные: „...это значит постараться, чтобы вместо одного дерева было два“. Вот их-то и нужно было по-

ставить на первый план. Рассказ, поднимающийся до большой силы обобщения, оказывает большее эмоциональное и воспитательное воздействие на читателя; несомненно, что он имеет и большее познавательное значение.

Рассказ М. Казаковой „Дела житейские“¹ — очень интересное по замыслу произведение. Писательница поднимает в нем важные проблемы, однако решает их во многом упрощенно.

Герой рассказа, сотрудник областной газеты Стульников — молодой способный журналист. Но, женившись, он, как говорят о нем товарищи, „по уши погряз в своих семейных делах“. И из-за семейных дразг стал работать в „полсилы, небрежно“. Действительно, Степан оказался в затруднительном положении. Теща его, в доме которой он жил, занималась спекуляцией, жила корыстными интересами, людей ценила по их заработку и паутиной мещанства исподволь оплетала дочь и зятя. Если ей и не удалось подчинить своему влиянию Степана, то на дочь свою она определенно влияла, и та, оторвавшись от здорового коллектива и замкнувшись „в ограниченные рамки домашнего хозяйства“, стала усваивать жизненные принципы мамы и держать ее руку в спорах со Степаном. Выходя замуж, она думала, что муж даст ей „интересную жизнь“. Однако этого не получилось: семейная жизнь оказалась для нее будничной, тем более, что муж не стал знаменитым поэтом, как ей хотелось бы. Взаимное „недопонимание“ мешало Степану плодотворно работать, и он, после того, как товарищи по работе напомнили о долге коммуниста, покинул дом тещи. Но там осталась любимая им жена Ирина.

Тяжело Степану, и М. Казакова хорошо передала душевную боль этого молодого человека за неудачу в личной жизни.

„С детства у Степана слова „мужество“, „сила“ связывались лишь с представлениями о единоборстве с врагами.

Ему никогда не приходило в голову, что мужество необходимо и в обыденных, житейских делах. И теперь он понял это“.

¹ „Литературная Тула“, книга 6-я, стр. 55.

Степан, действительно, в трудную для себя минуту проявил и мужество и силу, он оказался способным оправдать высокое доверие своих товарищей по работе, которые приняты в его судьбе такое большое участие.

Однако конфликт, положенный в основу рассказа, решается, можно сказать, „бесконфликтно“. Степан ушел из дому. Ему сочувствует, помогает советом пожилая женщина, сотрудник редакции Анна Васильевна. Желая примирить Степана и Ирину, она приглашает их к себе отпраздновать день рождения своей дочери.

И вот стоило Ирине всего лишь несколько часов побыть в „дружной семье“, и она сразу изменяет свои взгляды: „Этот вечер озарил ее душу. Все, чем она жила до этого, показалось простым, никчемным. Отныне начиналась иная жизнь—в тесной дружбе со Степаном, с этими замечательными людьми“. Правда, М. Казакова сообщает еще и о том, что Ирину просили раньше зайти в редакцию и „помогли многое понять“, но об этом посещении сказано вскользь и весьма невнятно. Если писательница убедительно рассказала о своеобразии жизненного пути Ирины и о рождении у нее чисто мещанского убеждения, будто в жизни нет ничего красивого, „если из нее изгоняется поэзия и остается лишь одно—работа“, то переход Ирины на новые жизненные позиции в рассказе мотивирован слабо.

Да и трудности, возникшие перед Степаном, решаются слишком просто: едва лишь он задумался, где ночевать после ухода от тещи, как Анна Васильевна пригласила его к себе; он еще не решил, какой путь соединит его с Ириной, а за него уже сделал все редактор, предложив „освободившуюся комнату в нашем доме“.

Наметив пути примирения Степана и Ирины, писательница совсем забыла о злом духе—теще Олимпиаде Никаноровне. Что же она? Попрежнему будет спекулировать пуховыми платками или уход дочери и воздействие общественности скажутся на ее поведении? (Кстати, есть ли это воздействие или будет, из рассказа мы не знаем.)

Удар, направлявшийся писательницей против мещанства в нашем советском быту, остался незавершенным.

Умение в частном увидеть общее мы найдем в рассказе С. Юдкевича „Это было под Тулой“¹. Рассказ посвящен разведчикам Тульского рабочего полка, зверски убитым гитлеровцами на окраине деревни Пирово в декабре 1941 г. Автор изображает своих героев в самый трагический для них момент — в последние минуты перед казнью. При этом он возвращает читателя к отдельным эпизодам из боевой жизни разведчиков и создает образы мужественных воинов, советских патриотов. Вера в победу советского народа у них сочетается с ненавистью к врагу, который, как они твердо убеждены, обречен на неминуемую скорую гибель. И это придает им силы в последние минуты жизни.

Да, именно так, как Мальцев и Задорожный, сражались за Родину воины Советской Армии.

С таким же упорством, как и под Тулой, на всех фронтах советские воины уничтожали врага и его технику. И это подчеркивает автор, рассказав о том, как зенитчики сорвали танковую атаку врага. „...Есть сила, могущая рвать на куски их черную сталь... И в Бресте, и в Минске, и в Смоленске, и в Киеве стреляли советские пушки, превращая в железный лом танковые соединения врага...“

Небольшое замечание обобщающего характера — и рамки повествования значительно расширяются. Враг беспощадно уничтожается на всей нашей земле, и это радует советского воина: Мальцев, трогая рукой „неподвижный металл гусениц“ подбитого немецкого танка, ощущает при выполнении задания „новый прилив бодрости“. А перед смертью, видя „кинжальные языки огня“ бьющей по врагу советской артиллерии, Мальцев представляет своих товарищей из „рабочего полка, идущих в атаку под прикрытием мощного артиллерийского вала; видит древние стены Тульского кремля, а за ним еще более высокие зубчатые стены с башнями, увенчанными звездами из самоцветов“.

И этот огонь советской артиллерии становится в конце рассказа символом могущества советской страны, подчинившей все свои усилия делу разгрома фашистских захватчиков.

„Канонада становилась все мощнее и мощнее. Где-

¹ „Литературная Тула“, кн. 4-я, стр. 125—134.

то раздавалось протяжное русское „ур-р-а“. Дрожала земля под гусеницами танковых дивизий, под колесами тяжелых пушек и тягачей. Нескончаемым потоком стальных шлемов и лесом штыков двигалась пехота — рязанские, тамбовские, уральские, сибирские полки. В сплошной гул сливается резкий цокот подков кавалерийских бригад. И совсем далеко — за Волгой, за Обью и Енисеем, на чутком Амуре шумно дышали воздуходувками доменные печи, работали станки, шлифуя металл...“

Показывая гибель бойцов рабочего полка, автор говорит: тяжелая борьба не обходится без жертв, но дело, за которое погибли Мальцев и Задорожный, победит. Поэтому рассказ, несмотря на трагическую концовку, звучит оптимистически.

Композиция рассказа целиком определяется идейным замыслом автора. Повествование о поведении и мыслях героев, находящихся в руках врага, прерывается воспоминаниями о боевой жизни Мальцева, и это позволяет автору воссоздать мужественные образы советских воинов.

Вряд ли можно согласиться с утверждением А. Сафронова, будто С. Юдкевич „показывает героев безвольными, трусливыми“¹. Зато совершенно справедливо замечание о наличии в рассказе „ложных красотостей“. Особенно они заметны при попытке автора найти нужную для обрисовки персонажа деталь, выразить свою мысль образно.

Так, например, Задорожный говорит о немецком офицере, возглавлявшем конвой:

„— Будет болтаться, как грязная балясина“. Перед нами сравнение. К такому средству поэтической образности писатель обычно прибегает для того, чтобы ярче, более точно обрисовать предмет, который с чем-то сравнивается. Однако, когда автор говорит, что немец будет болтаться, как грязная балясина, читатель, имея в виду, что балясина — точеный столбик перил, не представит, как он будет „болтаться“.

В рассказе не мотивировано появление Мальцева в рабочем полку в „романтической“ форме — „в буденновке и нескладной длиннополой шинели старого образца“.

¹ „По страницам альманахов“, „Знамя“, № 5, 1953, стр. 161.

А поясни автор эту деталь — и как заиграла бы она: в этой форме, которую носило поколение Павки Корчагина, начинал воевать юноша, узнавший о корчагиных из книг. На защиту завоеваний Октября выступило новое поколение.

Вряд ли можно согласиться с употреблением определения „флагманский“ к слову „танк“: хотя этим словом создается представление о головном танке, тем не менее это определение будет на месте, относясь к слову „корабль“...

Более значительны, на наш взгляд, недостатки рассказа С. Юдкевича „Красный бор“¹. Особенно бросается в глаза отсутствие в нем четкой композиции. Автор попытался увязать партизанское прошлое своих героев с их настоящим, но на этом пути его, к сожалению, постигла неудача. С. Юдкевичу удалась лишь картинка из партизанской жизни. Девятиклассник Жорка и старый Иван Пантелеевич, дежуря у партизанских землянок, рассуждают о том, какие у каждого из них счёты с немцем.

„— Мне немцу долг отдать надо.

— Давно задолжал?

— С четырнадцатого года.

— Велик ли долг?

— Был невелик — железка, — и старик потер рукой правую ногу. — Вот здесь в мякоти прижилась, погоду предсказывает. Нынче вырос долг. Избу немец пожег, скотину угнал. А главное — советскую власть отнял!“

Этот разговор показывает, что нет для советского человека ничего дороже советской власти. Именно за советскую власть встал он, старый человек, в ряды народных мстителей.

Жорка мстит „за яблоньку“, за цветущий сад нашей жизни. Беседа партизан очень интересна и значительна. Но вот автор, связывая прошлое героя с настоящим, показал читателю уже не Жорку, а Георгия Ивановича, председателя колхоза „Победа“.

И вот этого-то Жорки в „новом качестве“ совсем не видно. А хотелось бы знать, каков молодой председатель: ради этого и написан рассказ.

Вступление перегружено именами: и Георгий Ива-

¹ „Литературная Тула“, кн. 5-я, 1952, стр. 91.

нович, и рассказчик, от лица которого ведется повествование, и Иван Пантелеевич, и командир партизанского отряда Николай Кузьмич упоминаются на одной странице, но ни один из них не обрисован с достаточной глубиной.

Обрамление не имеет своего сюжета, и автор, не продумав всех деталей, ставит иногда читателя в тупик.

„— На Москве у вас народу полно,— говорит Георгий Иванович рассказчику.— Забыли, небось, нашего Ивана Пантелеевича и как я ему прадедову яблоню расписывал“.

Георгий Иванович хочет сказать, что его партизанский товарищ забыл „нашего Ивана Пантелеевича“ вследствие того, что в Москве „народу полно“. А по воле автора получается, что „забыли“ Ивана Пантелеевича москвичи, не знавшие этого действительно интересного старика.

Самая неопределенная личность в произведении — это рассказчик. Он оказывается в местах, где партизанил, причем прибывает в колхоз перед закладкой электростанции. Кто он в этот момент? Турист? Гость Георгия Ивановича? Инженер, приехавший строить колхозную гидростанцию? Читатель не найдет ответа на эти вопросы.

Задуманная автором тема показа строительства светлой и радостной жизни после победного окончания войны не получила в рассказе должного разрешения.

Рассказ „К вершинам“¹ — последнее произведение Ек. Ветровой. Она умерла в расцвете своих творческих сил, и ее рассказ напоминает нам о мужестве и оптимизме писательницы, работавшей над своим произведением в тяжелые дни болезни.

В рассказе „К вершинам“ сказалось умение Ек. Ветровой рисовать человеческие характеры, ставить и решать большие, важные проблемы нашей жизни. Писательница разворачивает в нем не только „тему воспитания характера молодого человека в студенческом коллективе“, как указывает В. Рыжков в своей рецензии на пятый номер альманаха „Литературная Тула“².

¹ „Литературная Тула“, кн. 5-я.

² „Коммунар“, № 179 от 9 сентября 1952 г.

В рассказе ставится вопрос о новом моральном облике молодежи, призванной своими руками возводить здание коммунизма, воспитывать строителей коммунистического общества. И эта молодежь требовательна к себе: „на нас смотрят народы мира. Мы должны обладать качествами человека коммунистического общества“.

Вот почему студенты-комсомольцы не дают рекомендации в партию Зое Беликовой, которая и учится отлично и общественница хорошая, но не лишена, по мнению товарищей, эгоистических наклонностей.

Требовательные товарищи Зои умеют смотреть на вещи принципиально, и не случайно от „частной, зоиной“ темы они переходят к разговору, касающемуся „общечеловеческих проблем“.

Рассказ заключает в себе очень важную идею, выраженную словами отца Зои, старого коммуниста: „...Зоя Космодемьянская и Ульяна Громова не рождаются, а воспитываются“. А наше общество стремится воспитать именно таких героев и потому не может не вести борьбу с теми „черточками“ в характере человека, которые могут мешать росту настоящих коммунистов.

Эта борьба за кристально-чистого советского человека должна вестись не только в комсомольских организациях школ и вузов, фабрик и заводов, совхозов и колхозов, но и в семье.

В том, что у Зои „такой характер“, повинен и ее отец, за делами не заметивший, как выросла дочь. И он сам признает это.

Писательница показывает, как Зоя Беликова, обиженная на „проваливших“ ее товарищей, в конце концов признает их правоту.

Дальнейшая судьба Зои Беликовой не вошла, да и не должна была войти в рамки рассказа, однако читателю ясно, что в среде нашей требовательной молодежи Зоя станет со временем подлинным коммунистом.

Ек. Ветровой удалось с большой глубиной раскрыть внутренний мир, переживания своей героини, и это делает рассказ подлинно волнующим, захватывающим.

В альманахе опубликовано несколько рассказов, в которых показана жизнь людей колхозного села. Среди

них „Огни победы“¹ и „Откровенный разговор“² Н. Виноградова, „Пастух“³ М. Кольчугина.

Рассказ Н. В. Виноградова „Огни победы“ посвящен трудовому энтузиазму наших колхозников.

В дни страды, когда нужно было без потерь убрать урожай и быстрее выполнить первую заповедь — сдать хлеб государству, колхозники из „Победы“ становятся на стахановскую вахту: они организуют круглосуточную молотьбу.

Однако сказать о важности содержания рассказа и актуальности его темы — это не значит уже признать и его художественные достоинства.

Материал, положенный в основу произведения „Огни победы“, — хорошая основа для очерка, ему недостает лишь конкретных имен и портретов тех колхозников Шкирятовского района, которые действительно организовали четырехсменную круглосуточную молотьбу. Но Н. В. Виноградов обратился не к очерку, а к рассказу. Увлечшись описанием факта, он не нарисовал ярких образов, не подчеркнул в каждом из них типичные и индивидуальные черты. Попытки индивидуализировать речь героев отдают в ряде случаев нарочитостью („Сердце стучит, беспокойство поднимает“). И тем не менее этот рассказ интересен, и в первую очередь для наших авторов: он учит молодых писателей смелее обращаться к жизни, решительнее использовать темы, которые подсказываются нашей действительностью.

Стремление Н. Виноградова запечатлеть важнейшие события современности сказалось в рассказе „Откровенный разговор“. В нем тоже есть недостатки: отдельные поступки героев с достаточной убедительностью не мотивированы, секретарь райкома партии Петрухин обрисован весьма бледно. Но автор создал интересный образ карьериста, работника районного аппарата Тузикова и всем ходом описанных в рассказе событий выразил важную мысль: человек, уклоняющийся от выполнения указаний партии, не может рассчитывать на доверие народа.

¹ „Литературная Тула“, кн. 5-я, 1952, стр. 80.

² Там же, кн. 9-я, 1954, стр. 19.

³ Там же, кн. 7 — 8-я, 1953, стр. 92.

Тузиков — коммунист. Но когда партийные органы в соответствии с решениями сентябрьского Пленума ЦК стали укреплять руководящие колхозные кадры, он воспринял предложение пойти председателем колхоза как наказание за провинность и решил в конце концов принять новое назначение только вследствие боязни „партийного суда“. При этом он мечтает со временем снова вернуться в райцентр: „Полгода проработать, а там выгонят.. И снова можно будет в районе устроиться“.

Колхозники, узнавшие о мнении Тузикова, будто ему „не к лицу“ работа в деревне, „откровенно“ разговаривают с кандидатом в председатели и советуют ему отправиться в район для „повышения“ сознательности. Этот совет свидетельствует о правильном понимании колхозниками решений партии и правительства, о том, что они не могут уже „довольствоваться“ руководителями, не заинтересованными в укреплении колхозного хозяйства.

Н. Виноградов правильно наметил удар: у нас еще встречаются руководители, которые готовы много и красиво говорить о необходимости выполнения решений партии, но которые имеют приверженность к городской квартире и в деревню ехать ни за что не хотят.

В остром публицистическом решении этого вопроса — сила рассказа „Откровенный разговор“.

Рассказ М. Кольчугина „Пастух“, как и последний рассказ Н. Виноградова, написан после опубликования постановления Пленума ЦК КПСС „О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР“, в котором, в частности, подчеркивается, что быстрейший подъем животноводства, и в первую очередь общественного, имеет жизненно важное значение для страны; в нем указано, какими путями советские люди должны разрешать эту важную для народного хозяйства проблему. Постановление вдохновило работников сельского хозяйства на самоотверженный труд, на борьбу за дальнейшее укрепление колхозов.

Одного из тружеников колхозной деревни и показал М. Кольчугин в рассказе. Его герой, старый пастух Кирилл Тарасыч, на районном слете „давал обязательство хорошо кормить коров“, и он выполняет его с большим старанием. Нужно прямо сказать, что

М. Кольчугину удался образ беспокойного старика, всей душой болеющего за порученное дело. Он не может мириться с тем, что доярки не во-время выгоняют коров на пастбище, и потому требует от председателя колхоза „пропесочить“ их на собрании. Старика этого видишь, понимаешь, и это, конечно, хорошо. Но вряд ли можно так же отозваться об отдельных частностях, деталях рассказа и его языке.

Непонятно, например, почему важный для колхоза вопрос о переходе стада на круглосуточную пастьбу решается без пастуха. Можно со всей определенностью сказать, что так в действительности не бывает, и странно, что М. Кольчугин этого не знает. Не может не вызвать удивления следующая фраза: „Одной (корове—П. Б.) он не давал вырваться вперед, другую осаживал назад, третьей не позволял схватывать верхушки травы“. „Не давал вырваться“, „осаживал назад“—это понятно. Но каким образом пастух „не позволял схватывать только одни верхушки травы“, представить трудно даже человеку с богатым воображением.

О жизни колхозного села нашими авторами создано очень мало рассказов, а созданные еще далеки от совершенства. О наших колхозниках и их борьбе за реализацию решений партии и правительства, несомненно, должны быть и будут написаны хорошие рассказы.

Помимо названных, в альманахе опубликованы рассказы Г. Балдина, Т. Скороходовой, В. Дубенской, Р. Островского, И. Минутко, В. Беляковой, Т. Ивановой.

В них можно найти достоинства и недостатки, аналогичные тем, которые встречаются в разобранных произведениях.

В то же время эти рассказы, затрагивающие различные проблемы современной действительности, говорят о многообразии тематики произведений, увидевших свет на страницах альманаха. Г. Балдин в рассказе „В метель“¹ показывает молодого новатора-машиниста, который и зимой стремится проводить работу по летнему графику. Как и другие советские люди, машинист

¹ „Литературная Тула“, кн. 3-я, 1951, стр. 133 — 143.

Владимир Космачев, герой рассказа, связывает свое начинание с борьбой за мир, за укрепление могущества своей Родины.

В. Дубенская в рассказах „Мария“¹ и „Возвращение“² рисует людей, пострадавших на войне и тем не менее снова становящихся в „строй“, подчеркивая тем самым нравственную силу и красоту советского человека.

Т. Скороходова дает краткие, но выразительные картинки жизни современной Германии. В рассказе „Они борются“³ изображена страница борьбы за мир докеров Гамбурга, отказывающихся разгружать пароходы с вооружением; в нем показано, как стремление к миру способствует росту рабочей солидарности.

Если в Западной Германии рабочие страдают от голода и безработицы, то в Восточной (рассказ „Агитатор“⁴) с помощью советского народа строится новая жизнь.

Крестьяне, наблюдая за работой прибывших из Советского Союза тракторов, узнают, что тракторы эти сделаны в Сталинграде. И название этого города воспринимается крестьянами как символ мира. Капиталистическая система несет народам несчастье, новую войну; система социалистическая — мир, счастливую, радостную жизнь. Эти выводы естественно следуют из рассказов Т. Скороходовой.

В рассказе Р. Островского „Последний рейс Джона“⁵ подлым спекулянтам и расистам из среды офицерского состава американской армии противопоставлен рядовой негр — водитель Джон.

Автору удалось показать моральное превосходство негра над своим начальником Хэллом, но тем не менее рассказ не вызывает у читателя удовлетворения: в нем не чувствуется, что автор хорошо знает описываемую действительность. Особенно это касается концовки рассказа: она выглядит неясной, надуманной...

Особо следует остановиться на детских рассказах

¹ „Литературная Тула“, кн. 3-я, 1951, стр. 162—166.

² Там же, кн. 4-я, 1951, стр. 135—141.

³ Там же, кн. 3-я, 1951, стр. 155—158.

⁴ Там же, стр. 158—161.

⁵ „Литературная Тула“, книга 7—8-я, стр. 151—176.

И. Минутко, В. Беляковой и Т. Ивановой¹. Это тем более необходимо, что некоторые из них получили совершенно неверную оценку в статье З. Левинсона „За высокое художественное мастерство“².

Говоря, например, о рассказе В. Беляковой „Про Зойкину ошибку“, З. Левинсон заявляет: „Трудно сказать, чему учит этот рассказ“. Так ли это? Остановимся на содержании рассказа. Девочки-школьницы решили преподнести своей любимой учительнице подарок. Они вышили на черном шелку „розочки“, „хризантемы“ и, довольные своей работой, вручили подарок учительнице в день ее рождения. Однако вместо радости им пришлось испытать горькое чувство стыда: Зоя вышила под цветами посвящение с грамматической ошибкой („Дорогой Людмиле Петровной“), которую заметили все учителя. Естественно, что учительница русского языка поспешила успокоить расстроенных девочек, и в первую очередь Зою:

„— Здесь, говорит, не столько Зойна ошибка, сколько моя“. И это так, если учительница „не уделила внимания“ склонению собственных имен.

Неужели этот рассказ учит „тому, чтобы учителя приходили с повинной головой к своим ученикам и перед ними каялись“, как утверждает З. Левинсон?

Нет. Рецензент явно не дочитал рассказ до конца и окончание не сравнил с началом. Что за девочка Зоя? Из рассказа видно, что она „задается на каждом шагу“, кичится тем, что учится лучше брата. Это зазнайство и обусловило ее ошибку. Сделала ли Зоя из этого вывод? Да! „Но только после этого случая Зойка не так уж задается. И даже стала помогать мне. Мы теперь с ней по вечерам проверяем друг друга: диктанты пишем. Она возьмет книжку — диктует мне, а я ей. И потом подводим итоги...“

Может быть, вывод несколько прямолинеен и назидателен, но он во всяком случае правилен.

Рассказ написан от лица младшего брата Зои, однако нужно сказать, что стилизация имеет свои границы, а В. Белякова этого не учла: маленький брат Зои рассуждает иногда или как слишком взрос-

¹ „Литературная Тула“, книга 7—8-я, стр. 151—176.

² „Молодой Коммунар“, № 41 от 4. IV. 54 г.

лый (замечание о сидящих мумиях), или как слишком маленький (непонимание выражения „одевается со вкусом“).

„Вовка из семнадцатой“ — это рассказ о детской дружбе, о товарищеском доверии, смелости и честности. „Классный“ игрок в футбол Вовка совершил бесчестный поступок и лишился поэтому доверия товарищей. Больше того, он уже не выглядел в глазах друзей, как это было раньше, смелым, ибо у него не хватило духу признаться в своих ошибках.

Рассказ учит читателя честности и принципиальности в дружбе, воспитывает уважение к товарищескому коллективу.

С интересными детскими рассказами выступил И. Минутко. Достоинство первого из них — „Мой верный друг Дозор“ — и в значительности темы, и в том теплом, светлом юморе, который пронизывает все произведение.

Сюжет его прост: шестиклассники Колька и Вовка по дороге в школу нашли раненого щенка и выходили его. Но этот, кажется, незначительный факт учителя школы использовали для того, чтобы рассказать детям о службе собаки человеку, научить их любить и охранять животных.

В рассказе „Валя“ речь идет об отрицательном влиянии на ребенка разлада между родителями. Но тема эта только намечена и не получила в рассказе должного художественного разрешения. Отсутствие у Вали „настоящего“ папы приводит ее в недоумение: она „никак не может понять, что случилось с прежним папой“. Нового папу она „почему-то не любит“. Этих деталей слишком мало, чтобы показать тяжелое положение ребенка, родители которого разошлись.

Правда, девочку будут еще таскать по судам, так как папа хочет взять ее к себе, но об этом говорится вскользь, мимоходом.

Первые рассказы И. Минутко говорят о наличии у него писательской „хватки“, об отчетливом стремлении воплотить свои жизненные наблюдения в ткань художественного произведения. Надо лишь не успокаиваться после первой удачи, а более упорно и настойчиво работать над новыми произведениями, постигая писательское мастерство.

Рассказ Т. Ивановой „Первый уголь“ интересен тем, что автор повествует о рождении будущего шахтера. Герой произведения школьник Никита, узнав, что рядом с его деревней строится шахта, проникся уважением к ее строителям и сам стал их активным помощником. Рассказ воспитывает у юного читателя уважение к людям труда, желание влиться в ряды этих тружеников. И это очень важно.

У нас немало писали, примерно, так: учись и станешь врачом, инженером, ученым. Но совсем не говорили о том, что учеба — необходимое средство для того, чтобы стать хорошим рабочим, умелым животноводом, полеводом. Это привело к тому, что учащийся, получив семилетнее образование, стремился в канцелярию, а не в поле или на производство.

Так, как раньше, этот вопрос теперь решаться не может. Промышленность и механизированное сельское хозяйство требуют грамотных, подготовленных людей, способных овладеть сложной техникой. Таких людей призвана подготовить и воспитать школа. И в этом деле немаловажную роль должна сыграть наша литература.

Вот почему рассказ Т. Ивановой заслуживает внимания. Но как далек этот рассказ от художественного совершенства! Из его героев запоминается один Никита, а его старший друг Антон Иванович — только лишь бледная тень.

Автор в небольшом рассказе смешала без надобности все времена года: действие во времени развертывается крайне нечетко. Вы только что прочитали, что проходчики приехали, „когда на деревьях стали лопаться багряные смолистые почки“, а на следующей странице встречаетесь с холодным ветром, который „леденит“ (!) пальцы.

В рассказе есть жонглирование словами, погоня за „красивыми“ выражениями, стремление к образности ради образности. „Глаза у него были маленькие, очень светлые, похожие на промытое водой синее небо“, — читаете вы и думаете: „А каково синее небо, не промытое водой? И кто его промывает?“

Снег в рассказе по воле автора слегка шевелился на ветру, а „... звезды обрушились на город сверкающей лавиной, подожгли его, запутались в проводах, в

садах, упали на крыши домов“. Надо заметить, что в городе звездам трудно соперничать с электрическим светом, а их „лавина“ более заметна, конечно, в деревне...

Название рассказа „Первый уголь“ не соответствует его содержанию: автор говорит не об угле, а о мальчике, у которого возник горячий интерес к будущей шахте, к добыче угля... Недостатков много, и в будущем Т. Иванова должна более требовательно относиться к своей работе.

Анализ рассказов, опубликованных в альманахах, показывает, что наши авторы еще не умеют воплотить в ткани своего произведения совет А. М. Горького, данный одному молодому литератору: „От рассказа требуется четкость изображения места действия, живость действующих лиц, точность и красочность языка,— рассказ должен быть написан так, чтобы читатель видел все, о чем рассказывает автор“.

Читатель хочет видеть в рассказах образы, достойные быть примером и предметом подражания для людей. В рассказе должна найти место и критика тех недостатков, которые мешают нашему движению вперед.

„В своих произведениях,—говорил на XIX партсъезде тов. Маленков,—наши писатели и художники должны бичевать пороки, недостатки, болезненные явления, имеющие распространение в обществе, раскрывать в положительных художественных образах людей нового типа во всем великолепии их человеческого достоинства и тем самым способствовать воспитанию в людях нашего общества характеров, навыков, привычек, свободных от язв и пороков, порожденных капитализмом“¹.

Надо, чтобы у нас было больше рассказов, „хороших и разных“. „Советский читатель,— как писала однажды „Литературная газета“ в своей передовой,— ждет рассказа с волнующим и глубоким содержанием, рассказа с большим и умным героем, рассказа, в тесных рамках которого вместились простор нашей действительности!“

¹ Журнал „Большевик“, № 19, 1952, стр. 43.

Очерк у тульских писателей и журналистов пользуется значительно меньшим вниманием, чем рассказ. Налицо явная недооценка этого жанра, хотя примеры русских классиков и советских писателей учат ценить очерк, как произведение, имеющее огромное познавательное и воспитательное значение.

В истории русской литературы трудно назвать значительного писателя, который, как и к рассказу, не обращался бы к очерку. А. С. Пушкин оставил классический путевой очерк „Путешествие в Арзрум“, очерком „Хорь и Калиныч“ И. С. Тургенев открывает „Записки охотника“; мировую славу приносят Л. Н. Толстому три его очерка, получившие название „Севастопольских рассказов“; М. Е. Салтыков-Щедрин начал свою литературную деятельность „Губернскими очерками“, и многие его последующие произведения представляют не что иное, как очерки; А. П. Чехов опубликовал книгу очерков „Остров Сахалин“; замечательным очеркистом был наш земляк Г. И. Успенский; к очерку, начиная с А. М. Горького, обращались все советские писатели. И это не случайно.

Очерк позволяет писателю своевременно отражать существенные явления действительности.

Как газетно-журнальный жанр очерк очень близко стоит к художественной прозе. С газетными жанрами очерк сближается тем, что в нем показываются конкретные события, реальные, живущие и действующие рядом с нами люди; художественный вымысел в нем не играет такой роли, как, например, в рассказе или повести.

И в то же время очерк имеет все признаки рассказа. Композиционно очерк строится так же, как и рассказ: в нем имеется экспозиция, завязка, развитие действия, кульминационный момент и развязка, в очерке могут даваться портретные и пейзажные зарисовки; пишется очерк хорошим литературным языком, в нем используются все средства поэтической образности, которые можно встретить в художественной прозе. Как и в других произведениях художественной литературы, в очерке содержится не *рассказ* о том или ином явлении жизни, а *показ* его.

„Говоря об очерке как литературной форме,— указывал А. М. Горький,— надо исходить от глагола чертить, очерчивать“.

Это значит, что очеркист должен уметь выделять в описываемой картине главное, существенное, не увлекаясь излишними подробностями. Очерк занимает на газетных или журнальных страницах небольшую площадь, и очеркист, стремясь создать яркий типический образ, нарисовать запоминающуюся картину, обязан из массы фактов и деталей взять только самые нужные и характерные. Именно умение очеркиста сделать правильный „выбор“ позволяет ему передать характерные особенности, черты изображаемого периода времени.

Как правило, очеркист не ограничивается лишь описанием „избранных“ им явлений действительности. Нарисованные картины он дополняет своими рассуждениями, носящими публицистический характер, а свои мысли, выводы он нередко подтверждает цифрами и фактами.

Другими словами, в рассказе (повести или романе) автор действует на ум и сердце читателя в основном только образами и картинками, в очерке же он использует для этой цели и различного рода „доказательства“. Естественно, что есть очерки, в которых выводы следуют непосредственно из нарисованных писателем картин, но есть и такие, в которых автор, рассказав о каком-то событии, пытается осмыслить его, чтобы привести читателя к нужным выводам и обобщениям.

В этом случае элементы художественного творчества сочетаются с исследовательской работой очеркиста, и не случайно А. М. Горький отмечал, что „очерк стоит где-то между рассказом и исследованием“.

Основу очерка составляет описание конкретных жизненных фактов. Но это совершенно не „освобождает“ писателя от необходимости изображения „типических характеров в типических обстоятельствах“. Это типическое он должен уметь видеть в окружающей нас жизни, и тогда зарисовка конкретного лица приобретает значение типического образа.

Возможен и другой путь создания типического характера, когда подлинный герой в очерке выступает

под псевдонимом, а место действия не имеет точных координат.

Отказ от точной документации позволяет писателю „сдвигать“ факты во времени, „домысливать“ нужные детали. Такой очерк пишется, как заявляет В. Овечкин в „Районных буднях“, „почти с натуры“ и, конечно, не теряет своей достоверности и воспитательного воздействия. В нем принцип изображения типического тот же, что и в других художественных жанрах.

Писателям, работающим над очерками, необходимо помнить слова А. М. Горького о том, что „очерк... полноценно художественный и в то же время злободневный,— это крайне трудное дело“. Из этих слов следует очень важный вывод. Очерк будет полноценным лишь тогда, когда злободневность в нем сочетается с высокой художественностью.

Это сочетание возможно в том случае, если писатель, добиваясь высокохудожественного изображения действительности, живет думами и делами народа. Хорошо знает, какие хозяйственные, политические задачи решает советский народ.

Сейчас в нашей стране практически решаются задачи коммунистического строительства и идет борьба со всем тем, что мешает нам успешно двигаться вперед; на международной арене страна Советов настойчиво борется за укрепление мира и дружбы между народами.

Все это дает богатый и разнообразный материал для наших очеркистов.

Наши писатели уже создали немало очерков, показывающих самоотверженный труд советских людей во имя победы коммунизма. Немало очерков посвящено жизни и борьбе народов других стран за мир.

Виды этих очерков разнообразны. Среди них есть путевые очерки, портретные, событийные, публицистические и другие. Все они являются великолепным средством познания родной страны и воспитания нашего читателя. Об этом хорошо сказал А. М. Горький в статье „О литературе“:

„Никогда и нигде важнейшее дело познания своей страны не развивалось так быстро и в такой удачной форме, как это совершается у нас. „Очеркисты“ рассказывают многомиллионному читателю обо всем, что

создается его энергией на всем огромном пространстве Союза Советов, на всех точках приложения творческой энергии рабочего класса“.

Действительно, из очерков, опубликованных на страницах центральных газет и „толстых“ журналов, наш читатель знает о замечательной стройке наших дней — Волго-Донском канале, о высотных домах, сооружаемых в столице Родины — Москве, о передовиках производства и колхозных полях, о творческих достижениях нашей интеллигенции. Очеркисты запечатлели трудовой энтузиазм советских людей, вызванный решениями XIX съезда КПСС и решениями сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК, направленными на дальнейший мощный подъем сельского хозяйства и повышение благосостояния советских людей.

Очерки Б. Галина, В. Полторацкого, И. Горелика, Б. Полевого, Б. Кербабаяева, И. Рябова, А. Колосова, С. Кузьменко и многих других авторов широко известны советскому читателю и заслуженно пользуются его любовью.

К сожалению, тульские авторы очень мало сделали в области создания очерка, который бы запечатлел замечательные дела трудящихся области, ее знатных людей. Имена наших очеркистов можно „пересчитать по пальцам“. Это В. Белякова, М. Казакова, Ек. Ветрова, З. Дмитриева; в последнее время с очерками выступили П. Стародубцев и В. Соколов¹.

В. Белякова опубликовала в альманахе два интересных очерка: „Большая роль“² и „На широком пути“³.

Первый из названных очерков по содержанию является портретным. В нем с большой теплотой рассказывается о творческом пути заслуженного артиста РСФСР С. П. Неверина, пропагандиста коммунистических идей на сцене. „А это (пропаганда коммунистических идей — П. Б.), — говорит Сергей Петрович, — самая большая и ответственная роль нашей жизни“.

В. С. Белякова продемонстрировала в очерке глу-

¹ „Литературная Тула“, кн. 7—8-я, 1953 г., стр. 100, 114.

² „Литературная Тула“, кн. 2-я, 1950, стр. 151—160.

³ Там же, кн. 3-я, 1951, стр. 167—180.

бокое понимание вопросов театрального искусства. Основная идея очерка — утверждение неразрывной связи искусства со всей деятельностью народа, строящего коммунизм.

Уже в годы гражданской войны, как сообщает автор, С. П. Неверин осознал, что „они (артисты—П. Б.) — бойцы великой армии советского народа, что враги боятся правдивого слова не меньше, чем разрыва снарядов и свиста пуль“.

Из очерка видно, что вся творческая деятельность актера теснейшим образом связана с кипучей и многообразной жизнью страны.

Перед читателем предстает требовательный к себе и другим художник, большой мастер сцены, друг и учитель театральной молодежи.

Большой заботой о развитии подлинного искусства проникнуты слова Сергея Петровича, обращенные к молодому актеру, который завоевал популярность „внешней красотью“:

„— Знаете что, голубчик... Если вы хотите быть настоящим актером, а не манекеном для красивой одежды, постарайтесь забыть о себе, о своей фамилии. Любоваться своей красотой можно в парикмахерской, но не на сцене. Искусство требует суровой взыскательности к себе“.

Однако в рассматриваемом произведении имеется существенный недостаток, характерный и для ряда других очерков: автор мало показывает своего героя и значительно больше рассказывает о нем. „Каждая сыгранная им в театре роль,— читаешь в очерке,— плод длительной, трудной и настойчивой работы“. Выраженная в этой фразе мысль должна была бы явиться закономерным выводом, если бы писательница показала на конкретном примере работу актера над созданием сценического образа. „Зритель видит,— читаем дальше,— только результаты труда актера, но многие и не подозревают, сколько волнений, тревог и труда доставляет ему каждый созданный им образ“.

Можно сказать, что и читатель из очерка узнает только о результатах труда, но самого труда, тревоги и волнений актера не видит, не чувствует.

Иногда рассказ об актере становится настолько беглым, что целый период творческой деятельности

С. П. Неверина от гражданской до Великой Отечественной войны укладывается в один абзац. Такое изображение фактов свойственно более корреспонденции, чем очерку.

Очерк „На широком пути“ начинается пейзажной зарисовкой: „Конец июня. После многих дождливых и прохладных дней установилась сухая, солнечная погода. На светлоголубом небе изредка появится легкое облачко и быстро исчезнет, растворившись в бездонной глубине. Легкий ветерок рябит атласную поверхность реки, шуршит в прибрежной осоке заливного дуга, но бессильно утихает, натолкнувшись на высокую стену озимых и яровых хлебов.

Выше человеческого роста стоят рожь и пшеница на полях колхоза „Красная заря“, наливаясь тяжелым золотистым зерном. Цветет гречиха, словно вытканый искусной мастерицей гигантский бело-розовый пушистый ковер. Появились цветочные завязи на картофельных полях, убегающих от дороги вдоль ровными зелеными грядами с черными полосками междурядий. Радуют взор овес, клевер.

Куда ни глянешь — всюду буйное цветение, пышность, изобилие“. Эта картина (к сожалению, заканчивающаяся риторической, шаблонной фразой: „ .. всюду буйное цветение, пышность, изобилие“) тесно увязана с последующим повествованием: она как бы говорит читателю, что дальше речь пойдет о хорошем колхозе.

На конкретном примере В. Белякова показывает, как за годы советской власти изменился облик колхозного села: в быт вошло электричество, на основе агрономической науки ведется борьба за высокие урожаи, увеличивается поголовье породистого, высокопродуктивного скота; другими стали люди — „главное богатство колхоза“, как говорит о них автор.

Этих людей отличает хозяйская забота об общественном имуществе, любовь к труду, тяга к культуре, книге, радио. Запоминаются образы председателя колхоза и заведующего птицефермой. Таким людям по плечу любые планы.

Секретарь местной парторганизации И. Д. Якушин, вспоминая лучшие колхозы страны и перенося воображением в свой колхоз все то, что есть у них, говорит:

„ — Будет скоро это и у нас! По одной широкой дороге идем, к великой цели“¹.

По одной дороге, к великой цели — к коммунизму идут наши колхозники. Хороший заключительный аккорд! Он является следствием, выводом из того, что показано в очерке. И тем не менее очерк не может удовлетворить читателя, так как о людях колхоза сказано в нем очень бегло. Колхозницы Трухачева и Козырева отмечены правительственными наградами „за самоотверженный труд“, но эти последние три слова не дают представления о том, как и над чем трудились названные передовики колхозных полей.

Дела парторга колхоза в основном даются в порядке перечисления, хотя для полноты картины хотелось бы увидеть его во время беседы с коммунистами или комсомольцами, в процессе общения с колхозниками.

В. С. Белякова умеет наблюдать жизненные явления, отбирать и изображать типическое, характерное, и читатель вправе ожидать от нее новых, еще более интересных и значительных очерков о делах и днях наших туляков.

В четвертой книге альманаха помещены очерки трех авторов: Ек. Ветровой, М. Казаковой и З. Дмитриевой. Достоинства и недостатки этих очерков весьма показательны и поучительны.

Лучший из трех очерков — „В доме за тополями“ М. Казаковой². В нем идет речь о рядовой советской женщине, Евгении Никаноровне Паншиной, которая в дни войны честно выполняла свой долг на посту начальника сандружины рабочего полка. Это, как определяет автор, „страничка недавней истории славных защитников города оружейников“.

Из ряда „будничных“ эпизодов вырисовывается образ женщины-патриотки, ставшей вместе со всей семьей, со всем народом на защиту родного города, родной страны.

Рассказ о днях войны имеет обрамление: в нем Евгения Никаноровна показана в семейной обстановке после победного окончания Великой Отечественной войны. Рисуя картину мирной жизни — результат победы

¹ „Литературная Тула“, кн. 3-я, 1951, стр. 180.

² Там же, кн. 4-я, 1951, стр. 157 — 164.

в войне, автор проводит важную идею: народ наш воевал за то, чтобы „не бывать войне“. Советские люди, разгромившие в жестокой схватке врага, думают о мире, стремятся к нему!

Очерк интересен тем, что в нем актуальность тематики сочетается с художественным мастерством в изображении боевого пути рядовой советской женщины.

В очерке „Комбат Елисеев“ Ек. Ветрова также решила воссоздать портрет нашего земляка, одного из участников Великой Отечественной войны, командира батальона рабочего полка Елисеева.

Писательница, работая над своим произведением, стремилась соблюсти основные „законы“ очеркового жанра. В очерке есть определенный сюжет, характер героя раскрывается через его поступки, в процессе общения с личным составом батальона, написан очерк хорошим литературным языком.

И все-таки очерк „не получился“. Произошло это по весьма простой причине: плохо зная военную жизнь, писательница не нашла таких фактов и деталей, которые помогли бы нарисовать образ командира батальона.

Читатель не видит Елисеева в самые напряженные минуты боя, в процессе руководства солдатской массой.

„Бой длился до вечера. Фашисты не прошли к городу“, — пишет автор. Ясно, что эта фраза, как и другие, подобные ей, не передает динамики боя, не содержит в себе указаний на переживания героя. Внутренний мир его остается нераскрытым.

Больше того, Елисеев у Ек. Ветровой действует не как командир, а скорее как боец.

У писательницы хорошая цель: показать мужество, отвагу Елисеева, и она заставляет командира батальона идти с группой бойцов, чтобы взять у немцев наблюдательный пункт, а потом отправиться в разведку, хотя и то и другое не входит в круг обязанностей командира батальона: он должен руководить своим подразделением, а не действовать в качестве рядового.

Концовка очерка не связана с повествованием. Она „приделана“ для того, чтобы сказать о начавшемся успешном наступлении.

В очерке много логических неувязок, неточностей, являющихся следствием недостаточно четкого представления писательницы о боевой жизни армии в дни войны.

Изображая, например, атаку немецких танков, Ек. Ветрова пишет: „Танки остановились в нескольких стах метрах и тотчас же открыли огонь из орудий и пулеметов“¹.

Танки в бою делают короткие остановки, чтобы обстрелять противника, но стоять в бою они не могут (их быстро подобьют), и автору следовало бы указать на длительность остановки танков и на их дальнейший маневр.

Вряд ли следует признать точным выражение: „бойцы... научились... взрывать танки“. (Курсив мой — П. Б.) Уместнее в данном случае глаголы „подрывать“, „уничтожать“.

Неудача Ек. Ветровой свидетельствует о том, что хороший очерк или вообще художественное произведение выйдет из-под пера писателя лишь в том случае, если он глубоко изучил ту действительность, о которой он собирается писать.

Показательна и неудача журналистки З. Дмитриевой, написавшей для альманаха очерк „Навстречу новому“.

З. Дмитриева поставила перед собой благородную задачу — изобразить новаторов завода самоходных комбайнов, показать их славные дела, направленные „на благо Отчизны, за мир во всем мире“. В центре внимания автора — труженики-патриоты, рассматривающие „свою работу с государственных позиций“, остро чувствующие, что „новый день к новым делам зовет“. Но замысел автора остался не реализованным: на очерке лежит печать спешки, нетребовательного отношения автора к своей работе. В очерке нет действия, а есть лишь разговоры. Вначале беседуют руководитель участка Даволов и фрезеровщик Федосеев, потом к ним присоединяется Дружинин; когда они расходятся, Федосеев выступает в роли рассказчика перед рабочими своего цеха. Все эти разговоры были бы оправданы, если бы определялись логикой изображаемых событий и характеров, а не одним лишь формальным стремлением автора „осветить“ своих героев со всех сторон. В очерке же герои действуют не от себя, а от автора.

Нужно, например, показать, что Даволов изучает

¹ „Литературная Тула“, кн. 4-я, 1951, стр. 153.

техническую литературу, и автор заставляет его произносить фразу:

„— Кто со мной?.. Я в техническую библиотеку. Новинки там появились“.

Нужно показать, что Федосеев — музыкант, и автор заставляет его делиться с рабочими о своем выступлении в Московской консерватории, хотя логически этот рассказ об его участии во Всесоюзном смотре художественной самодеятельности не оправдан.

В очерке названо много фактов, имен, производственных процессов, но обо всем говорится бегло, поверхностно.

Начинается очерк изображением бывших фронтовиков, ныне славных комбайнстроителей Даволова и Федосеева, а кончается приветом другим рабочим — „слесарям-сборщикам на первой операции — Пастухову, Кирилину и Ойдинскому, перевыполнившим план сборки машин“.

Мы не против приветов рабочим-новаторам, но возражаем против имеющейся в очерке неразберихи, допущенной автором.

Композиционной стройности, четкости в очерке не чувствуется, герои не индивидуализированы, никто из них не запоминается. Так недостаточная требовательность автора к своей работе привела к явной творческой неудаче.

Для создания очерка о народном судье П. Стародубцев располагал большим, интересным фактическим материалом: о герое очерка Александре Пастухове автору есть что сказать. Но П. Стародубцев не сумел „овладеть“ имевшимися в его распоряжении фактами, чтобы создать полноценный очерк: сказалось отсутствие литературного опыта, писательского мастерства.

Композиционно очерк состоит из ряда небольших эпизодов, плохо связанных между собой.

В очерке нет того умного, принципиального судьи, стоящего на страже социалистической законности, каким в действительности является А. Пастухов. Автор не заставил читателя вместе с героем думать, искать, находить правильное решение. Он пытается дать ряд примеров рассмотрения А. Пастуховым судебных дел, чтобы показать „мастерство народного судьи, его умение проникнуть в психологию людей“, но цели своей

не достигает: дела эти изложены так схематично, что к характеристике героя они мало что прибавляют.

В очерке много имен, но ни одно из них не запоминается. „Перенаселение“ очерка пошло ему явно не на пользу.

Написан очерк стандартными, потускневшими от употребления фразами, в нем нет ни одного яркого, образного выражения.

Вот примеры: „... Недолго оставался Александр на заводе. Страстно хотелось мстить за поруганную родную землю, за детей, стариков, матерей“, „Работая, Пастухов читал юридическую литературу, много беседовал с опытными товарищами. Круг его знаний быстро расширился“ и т. п.

Значительно совершеннее в художественном отношении очерк „Здравствуй, жизнь!“ В. Соколова, написавшего ранее вместе с Е. Ивановским документальную повесть „Сын родины“. В. Соколов рассказывает в очерке о молодой тульской гонимке Любе Разуваевой, ставшей за короткий срок чемпионом СССР по спринту. Уже первые абзацы очерка говорят о том, что он написан рукой знающего велоспорт человека, „болельщика“, умеющего ценить мастерство.

Автору удалось показать, что спортивное „счастье“, сопутствующее Разуваевой, завоевано упорным трудом, большой волей к победе, что юная тулячка своими спортивными успехами „внесла скромный вклад в успех своей великой Отчизны...“

Однако нужно отметить, что рядом с Разуваевой в очерке никого нет. На наш взгляд, в нем должен присутствовать тренер и те товарищи Любы Разуваевой по треку, которые помогли ей идти по „восходящей линии“, завоевывать новые и новые „высоты“. Сейчас они только *названы* в очерке, но не *показаны*. К сожалению, в очерке *рассказ* преобладает над *показом*. В. Соколов нередко ограничивается лишь констатацией факта: „И снова тренировки, снова трудная напряженная работа“, „И снова будни спортивной жизни. Тренировки сменялись соревнованиями, соревнования — тренировками“.

Такие фразы, конечно, не могут расширить представления читателя о талантливой спортсменке.

Никто никогда не устанавливал определенной формы

очерка: дело автора решать, как лучше построить повествование, чтобы ярче обрисовать героя. Форма в каждом отдельном случае определяется содержанием.

Но можно определенно сказать: излишняя эскизность очерка вредит ему.

В. Соколов разбивает очерки на ряд мелких эпизодов, располагающихся в хронологической последовательности.

„1949 год. Люба Разуваева не пропускает ни одного соревнования“, „Открылся спортивный сезон 1950 года. Одна за другой стартовали женщины в гите на 200 метров“, „Спортивное лето 1951 года было насыщено соревнованиями“ и т. д. Это деление очерка на части мешает восприятию целого.

Представим себе, что художник, работая над картиной, написал массу эскизов и выставил их для обозрения вместо картины. Конечно, эскизы дают представление о будущей картине, но ее еще надо „составить“ в своем воображении. Подобную работу приходится проделывать при чтении очерка В. Соколова. Нам кажется, что читателя надо „избавлять“ от подобной нагрузки...

Названными произведениями ограничивается список очерков, созданных тульскими авторами.

А между тем жизнь дает для очеркистов богатейший материал. У нас в области есть лауреаты Сталинских премий, Герои Социалистического Труда, рабоче-новаторы, обгоняющие время.

Колхозники очень много сделали, чтобы реализовать решение партии и правительства „О дальнейшем развитии сельского хозяйства СССР“, и немало колхозов области удостоено чести быть участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Сколько интересного материала еще не попадает в поле зрения наших писателей!

Владимир Владимирович Маяковский, подчеркивая ответственность поэта перед обществом, его обязанность откликаться на все значительные явления современности, помогать строительству коммунистического общества, считал поэта „должником вселенной“.

Наши писатели в большом долгу перед широкими читательскими кругами: о многом они еще не успели написать, рассказать в своих произведениях. Очерков

мало, а имеющиеся являются в основном портретными; у нас нет ни путевого, ни событийного, ни публицистического очерка. А между тем наша действительность дает очеркисту богатый материал для большого, серьезного публицистического разговора с читателем.

Небезынтересно отметить, что опубликованные в Туле очерки касаются только положительных сторон жизни. Почему-то наши очеркисты считают, что явления отрицательные не могут составить тему очерка. А между тем опыт В. Овечкина говорит нам о том, что очеркист может изображать как положительные образы, факты действительности, так и отрицательные. Если в первом случае очеркист дает пример для подражания, то во втором — помогает изживать наши недостатки.

И то и другое нам необходимо.

В решениях XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза, встреченных с радостью всем нашим народом, открыты перед социалистической Родиной величественные перспективы, намечена программа строительства коммунизма. Эти решения настойчиво реализуются советскими людьми в шахтах, на заводах и колхозных полях.

Показать, как советский народ идет по пути, начертанному нашей славной Коммунистической партией, — почетная обязанность советских писателей. Глубоко изучая действительность, опираясь на опыт и достижения больших мастеров пера, наши тульские литераторы должны стремиться правдиво отразить в своих произведениях величие нашей эпохи, замечательные черты характера новых людей — активных строителей коммунизма.

Пора дать нашему читателю хороший очерк и рассказ; пора создать произведения, которые могли бы выйти из пределов области на всесоюзный простор.

ПОВЕСТЬ О ЗЕМЛЯКЕ - ГЕРОЕ

Над необъятными просторами советской земли в предвоенные годы звучали слова замечательной песни:

Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой.

Эту песню пели с чувством, от души, может быть даже не задумываясь над тем, как верно определил поэт героический характер советского человека.

Жизненная сила этой песни проявилась в дни Великой Отечественной войны, когда Родина приказала „быть героями“ всем советским людям. Уже в начале войны И. В. Сталин отмечал, что „идея защиты своего Отечества, во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей армии героев, цементирующих Красную Армию...“¹

В огне сражений за свободу и независимость социалистического Отечества советские люди проявили чудеса героизма. Весь мир узнал о подвигах Зои Космодемьянской, Александра Матросова, молодогвардейцев, Юрия Смирнова, Саши Чекалина и других.

Много ярких страниц в историю Великой Отечественной войны вписали герои-летчики—капитан Гастелло, Тимур Фрунзе, Виктор Талалихин, Александр Молодчий, Дмитрий Глинка, Алексей Маресьев, трижды Герои Советского Союза Александр Покрышкин и Иван Кожедуб и наш земляк дважды Герой Советского Союза Борис Сафонов.

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, стр. 23.

Некоторым из них не удалось дожить до радостного праздника Победы, но все они завоевали право на вечную любовь и признательность своего народа.

Жизнь каждого из этих героев — великолепный образец верного служения Родине; произведения, посвященные их подвигам, воспитывают в советских людях и молодежи горячее, действенное чувство советского патриотизма.

Несомненно, читатель с большим интересом познакомится с повестью Никодима Гильярди „Над морем студеным“¹, посвященной нашему земляку-герою Борису Сафонову.

Произведение это является переработанным и дополненным изданием повести „Борис Сафонов“, выпущенной в 1950 г. Военно-Морским издательством. Если в первом варианте речь шла только о боевых подвигах Б. Сафонова в дни Великой Отечественной войны, то во втором рассказывается и о жизни героя в предвоенные годы, когда формировался его характер.

Автор показывает, что именно в детские и юношеские годы у Б. Сафонова уже выковывались такие черты характера, как воля, смелость, трудолюбие, постоянная тяга к знаниям, настойчивость в достижении поставленной цели, т. е. как раз те качества, которые помогли ему овладеть летным мастерством и определили его роль в боях за социалистическую Родину.

Описанию детских и юношеских лет Б. Сафонова посвящена первая часть повести — „Воспитание мастерства“. На глазах читателя растет Борис: мальчишка с отзывчивым сердцем, настойчивым характером и умелыми руками, он упорно учится, состязается с товарищами в запуске змея и плавании, конструирует различные модели, рано проявляя интерес к авиации.

Борис смел и решителен с детства, и не раз он подвергает себя испытаниям, чтобы воспитать в себе волю: выполняя условия уговора с другом, он терпеливо шествует по колючкам и крапиве; преодолевая страх, мальчик решительно прыгает с высокой плотины в омут...

¹ Никодим Гильярди. Над морем студеным. Повесть о советском летчике Борise Сафонове. Тула, Областное книжное издательство, 1953 год.

Бориса Сафонова воспитывали школа, пионерская организация, комсомол, Коммунистическая партия. „Пионерская организация, — пишет автор, — помогла ему осознать, что для достижения больших целей нужны твердый характер, воля и умение упорно работать“¹. К сожалению, это правильное положение в образах и сюжете конкретно не раскрывается и остается лишь авторским утверждением.

Комсомол помог проявиться всем замечательным качествам Бориса Сафонова, дал им правильное развитие. Писатель показывает все этапы славного пути будущего героя. Это семилетка, железнодорожная школа фабрично-заводского ученичества, школа планеристов, летная школа Осоавиахима, военная школа в Каче, где в 1937 году двадцатидвухлетний Сафонов вступает в партию.

В жизни Б. Сафонов сталкивается со многими замечательными людьми, которые учат его любить социалистическое отечество, свой народ, возбуждают жажду к труду, стремление постоянно овладевать знаниями, чтобы стать мастером своего дела и успешно служить Родине. Так, отчим Бориса Сергей Васильевич Ступин не раз рассказывает своему сыну и ученику о прошлом Тулы и ее защитников, воспитывая уважение к славной истории русского народа; старый коммунист Федор Дмитриевич Садовников на примерах прошлого учит Бориса высоко нести „славу народа своего“ и призывает его упорно учиться; примером трудолюбия и достижения высокого мастерства в деле является для Сафонова тульский мастер Почукаев, добившийся небывалых успехов в создании микрографюр на стекле...

Рассказ об этих людях вырастает в повести в большую тему патриотизма и талантливости русского человека. Призывом к высокому мастерству и творчеству звучат слова Садовникова, воспринятые Б. Сафоновым как святая заповедь: „В каждом деле стать Левшой можно“ (автор умело „обыгрывает“ эту „тульскую“ тему).

Эти люди воспитали у Б. Сафонова горячее стремление к учебе, к глубокому изучению летного дела.

¹ „Над морем студеным“, стр. 44.

Мастерство, которое было характерно для Б. Сафонова-летчика, не пришло само собой, а приобреталось в процессе длительной учебы и творческих исканий. Героизм, который Б. Сафонов проявил в боях, не был случайным порывом — он явился результатом патриотического воспитания, а также упорной работы летчика над собой. Пример Сафонова многому учит молодежь. Как часто в стенах школы учителю приходится слышать от нерадивых и недисциплинированных учеников: „Это мы сейчас такне. А придет время—мы себя покажем!“ Но вряд ли они будут способными „показать“ себя, если у них мало знаний (а без знаний нельзя стать хорошим специалистом ни в армии, ни на производстве), нет трудолюбия, не воспитано чувство ответственности за порученное дело.

Нет, герои, настоящие советские люди воспитываются с детских лет, со школьной скамьи. Об этом говорит судьба Олега Кошевого, Сергея Тюленина, братьев Игнатовых и многих других славных сыновей и дочерей нашего народа. Это показывает и Никодим Гильярди на примере Б. Сафонова.

Но, рассказывая об „учителях“ Б. Сафонова, писатель не сумел создать выразительных художественных образов этих людей: даже самый яркий из них, Садовникова, не может идти в сравнение с образом, например, комиссара Воробьева, героя „Повести о настоящем человеке“, оказавшего большое влияние на дальнейшую судьбу А. Мересьева.

В начале главы „В каждом деле стать Левшойю можно“ мы узнаем о Садовникове, что он работник обкома партии; ниже сообщается, что он „вырос до руководящего советского работника“, потом он „в Академию пошел“, а в дни войны — комиссар кавалерийского эскадрона в рабочем полку. Все эти внешние факты биографии не помогают автору, конечно, воссоздать типичский характер коммуниста...

К лучшим страницам повести относятся те, на которых рассказывается о славном боевом пути летчика в дни Великой Отечественной войны.

Здесь Б. Сафонов предстает как отважный летчик-патриот, новатор тактики воздушного боя, умелый воспитатель летной молодежи. Еще до войны Сафонов понимал, что для победы над врагом мало „хотения“ и

одной храбрости, необходимо еще и умение, которое приобретается упорным трудом.

„— Храбрый воин силен в бою своим воинским умением,— говорил Сафонов летчикам на занятиях.— Но для этого надо учиться и учиться. Надо постоянно совершенствовать мастерство“.

И он упорно учится, летает в различных метеорологических условиях, неустанно оттачивает и развивает технику пилотажа.

Вот почему на третий день войны при столкновении с врагом он не только побеждает, но и приходит к важному выводу о необходимости быть активным в сражении.

„Ключ победы — в смелой атаке!“

Будучи командиром эскадрильи, а затем командиром полка, Сафонов настойчиво учит молодежь, передает ей элементы своей наступательной тактики, разбирает результаты каждого боя. Одной удали для победы недостаточно, надо еще изучить своеобразие театра военных действий, освоить основные приемы боя в условиях сурового Севера, постичь тактику врага, в совершенстве овладеть техникой и всегда наступать! В повести хорошо описан воздушный бой, когда шесть наших истребителей, возглавляемых Б. Сафоновым, „окружили“ пятьдесят два немецких самолета. В чем же причина успеха сафоновских летчиков? Почему они не покинули поле боя перед лицом превосходящего врага? Да потому, что для них стали законом два сафоновских правила: „Встретить врага — значит атаковать“; „Врага не считают, а бьют“.

У всех летчиков Заполярья, как показывает автор, стало девизом: „Бить врага по-сафоновски“. Из повести видно, что Сафонов — действительно выдающийся военный летчик, у которого было чему учиться.

Но автор рассказал читателю не только о тактике воздушных боев Сафонова. Он познакомил его с друзьями героя, показал фронтовую дружбу летчиков. Из ближайших друзей Б. Сафонова наиболее удался автору образ Александра Коваленко. Кстати, нужно отметить, что там, где автор говорит о нем, так же как и о других героях, в „превосходной“ степени (а он делает это часто), его образ почти ничего не выигрывает. Значительно больше говорят читателю сцены, в которых ге-

рой действует „сам“, проявляя существо своей натуры.

Ведь сколько бы автор ни убеждал читателя, что Сафонов и Коваленко понимают шутку и умеют пошутить, он не произвел бы на него такого впечатления, какое производит следующим диалогом:

„— Ты опять одного сбил?

— Сбил.

— И где ты их только выскиваешь? Я летаю, летаю, ну, хотя бы одного встретить! Правду кажут — хоть шаром покати по небу.

— Плохим охотником ты стал. Сами-то они не напращиваются. Находить надо!

— Где же их найдешь? Не летают совсем?

— А ты не гонял бы их так сильно. Дай передышку. Пусть в себя придут.

— Они четыре месяца в себя приходят. Мабуть, вовсе передохли.

— Мабуть, что так, — подражает ему Сафонов, смеясь.

— То, значит, ты дохлого доканал?

— Уж какие остались, — смеется Сафонов. — Мы люди не гордые. Что найдем, то и собьем“.

Приходится отметить, что живое изображение лиц и событий Н. Гильярди в ряде случаев подменяет беглым пересказом, напоминающим газетную корреспонденцию. И это сказалось на обрисовке героев повести. Если автор хорошо сумел показать военное мастерство Сафонова, ставшего в своем деле Левшой, то он не смог в такой же мере раскрыть перед читателем богатство его внутреннего мира. Мы видим, что Сафонов — человек смелый, умный, думающий, но всего многообразия его чувств и переживаний автор не передал. Нельзя же в самом деле считать, что автор выполнил свою работу, сказав о переживаниях Сафонова при первой встрече с врагом следующее: „Величайший гнев и ненависть переполняли его сердце: ведь вот где появился гитлеровский негодяй!“¹

Свою повесть Н. Гильярди создавал на конкретном документальном материале, широко используя этот материал в самом тексте книги. Вполне закономерно, что автор в некоторых главах, прежде чем рассказать о

¹ „Над морем студеным“, стр. 92.

действиях летчиков-североморцев, сообщает читателю обстановку на данном участке фронта или на фронтах вообще, помогая понять описываемые в повести конкретные события. Удачно включены в повествование сводки Советского Информбюро, говорящие читателю о значительности проведенных эскадрильей Сафонова боевых операций. Письма, которые на далеком Севере получают Б. Сафонов и летчик Ю. Грязнов, говорят о единстве фронта и тыла, армии и народа в Великой Отечественной войне.

Нужно также отметить умелое использование автором выдержек из статей Б. Сафонова, опубликованных во фронтовой печати: из них читатель узнает не только о том, что Сафонов делится опытом со своими товарищами по оружию, но, главное, о том, что ему есть чем поделиться, что у него действительно большой боевой опыт.

С интересом воспринимается включенная в повесть песня о Борисе Сафонове. Это произведение устного армейского творчества весьма показательно. Из него читатель видит, что слава сопутствовала отважному летчику еще при его жизни. Песня является убедительным подтверждением слов автора: „Имя Героя Советского Союза Бориса Сафонова облетело все фронты, всю страну.

На Севере ему посвящали рассказы, стихи, поэмы...“¹

Н. Гильярди, описывая встречи Сафонова с бездействовавшими на севере союзниками—американцами и англичанами, в одной из глав возвращает читателя к прошлому—к 1918 г., когда американо-английские отряды установили в советских городах, занятых ими, „самый разнузданный кровавый террор“. Приведенная им публицистическая справка вполне уместна и выполняет двойную функцию: с одной стороны, она служит делу разоблачения империализма, с другой—подчеркивает силу советского народа, который и в прошлом, как и в дни Отечественной войны, побеждал любого врага.

Если в первой части, когда писатель говорил о становлении характера своего героя и овладении мастерством, на первый план выдвигалась тема даровитости, талантливости русского человека, то в дальнейшем,

¹ „Над морем студеным“, стр. 150.

когда речь пошла о фронтовых подвигах Сафонова, основной темой произведения становится тема народного героизма. Сафонов — не герой-одиночка. На защиту Родины встали миллионы людей, и каждый из них, не щадя жизни, дерется с врагом. Показателен в этом отношении подвиг рядового колхозника Иванова. Он решительно жертвует своей жизнью, зная, что ведет немцев на гибель и видя в своем подвиге „выгоду для народа“.

На конкретных примерах писатель показывает, как идея защиты Отечества рождает героев. И в этом немалое достоинство повести.

Рассказав о гибели Б. Сафонова, писатель дает величавый образ его матери, которой принадлежала немалая роль в воспитании сына-героя. Это она благословляет теперь своего внука на то, чтобы он, став взрослым, „делал“ всем фашистам в мире „плохую погоду“; это она на митинге по случаю открытия памятника сыну призывает зорко следить за поджигателями новой войны и укреплять „самое дорогое для нас“ — Родину, мир. Так автор возвращает читателя от рассказа о прошлом к настоящему и будущему.

Все это очень хорошо. Однако надо отметить, что повести „Над морем студеным“ присущи значительные недостатки. Автор, например, нарисовал немало интересных картин из детства своего героя. Но вот он предоставляет ему слово, и никак не верится, что говорит мальчик 13—14 лет: „Меня тянет к такому делу, чтобы и голова, и руки, и весь я был занят...“; „Такие люди, как Колупаев, принадлежат всем временам“.

И уж, конечно, не хочется верить в объяснение Бориса и Нины.

Идет время. Борис и его друзья становятся взрослыми людьми. Судьба каждого из них проходит через всю повесть, но „переключка“ между главным героем и второстепенными в произведении почти не чувствуется: разъехались они — и связи оборвались. Вот, например, закончил Борис военную школу, приехал домой (глава „В гостях у земляков“) и лишь одной фразой обмолвился о Василии, а о Нине, с которой состоялось „взрослое“ объяснение в любви, он даже не вспомнил.

В повести можно было, конечно, обойтись и без

этого объяснения, тем более, что семейное счастье героя составила другая женщина. Кстати, о семейной жизни Б. Сафонова в повести сказано мимоходом, вскользь.

Много в повести логически немыслимых положений, неувязок, неточностей, стилистически небрежных, а то и просто шаблонных фраз. Вот, например, автор рассказывает о том, что его герой „со старательностью ученика изучал обстановку будущих боев“. И дальше он совершенно серьезно уверяет нас, что „в этом Борису Сафонову очень помогали длительные прогулки“ и что для этого Сафонов „исходил пешком окрестности Мурманска, Колы, Полярного“. Трудно поверить, что изучение театра военных действий летчик может свести к пешим прогулкам! Такие прогулки необходимы для физической закалки летчика, а вот об этом автор в повести ничего не сказал.

Когда вы читаете фразу: „А вот весточка о рабочем полке, где действовал в качестве комиссара Садовников“, — то предполагаете, что Садовников — комиссар рабочего полка. А перелистаете несколько страниц — узнаете, что он комиссар кавалерийского эскадрона.

Кузьмичев, секретарь РК партии, в I части именуется „первым наставником“ Бориса. Тогда какова же роль Ступина, „наставлявшего“ Бориса со школьных лет?

Подобных вопросов при чтении повести возникает немало.

„Плавный“ ход повествования иногда нарушается явно неудачными переходами от одного к другому. Автор рассказывает, например, о посещении летчиками Дома Военно-Морского Флота. „Оба знаменитых летчика, Сафонов и Коваленко, стали центром внимания“, — читаем мы и ждем „картинной“ конкретизации этой фразы: на них, возможно, смотрят летчики, моряки, может быть, и пехотинцы, пришедшие в гости. Но, увы! Автор сразу же пишет о другом: „Небольшой группой летчики уединились в одной из комнат“.

Многие фразы звучат неуклюже, подчас даже неграмотно. Вот некоторые из них: „Борис заставляет ее (лошадь — П. Б.) вознаградить себя за труды“, „Щедро... поставила она на стол яблоки, мед, молоко“, „Когда

солнце покидает эту своеобразной красоты часть нашей планеты, здесь...“ и т. д., и т. п.

А как бесцветно, например, описана боевая учеба летчиков! „Летчик-комсомолец,— читаем в повести,— приложил все усилия, чтобы выполнить каждый элемент движения возможно тщательнее. Сафонов остался доволен. Можно было надеяться, что Покровский быстро добьется успеха. Ему следовало преодолеть лишь незначительные отклонения на вираже“. И кажется, что это взято не из художественного произведения, а из какого-нибудь методического руководства по летному делу.

Повесть „Над морем студеным“ задумана как своеобразный художественный памятник Борису Сафонову.

После „Чапаева“, „Молодой гвардии“, „Повести о настоящем человеке“ и других книг, созданных на фактическом материале, вполне закономерен вопрос: если признать, что названные книги по своей художественной ценности „достойны“ подвигов тех людей, о которых в них рассказано, то не должны ли другие писатели, берущиеся за аналогичные темы, добиваться если не еще более значительных, то хотя бы не меньших художественных результатов?

И в этом свете недостатки повести „Над морем студеным“ особенно заметны, хотя, повторяем, книга в целом интересная и для нашего читателя нужная.

III

ЛЕСЯ УКРАИНКА

Слово песни призывает
Добывать на счастье право...

Л. Украинка

Как большой праздник братства и дружбы отметили народы нашей страны трехсотлетие воссоединения Украины с Россией. Объединение двух народов, происшедшее в 1654 году, содействовало укреплению политических и экономических связей между Россией и Украиной, взаимообогащению двух братских культур, имеющих один общий корень — высокоразвитую культуру древнерусского государства с центром в городе Киеве.

На развитие украинской общественной мысли и литературы положительно влияли передовые русские мыслители и русская литература, тесно связавшая себя с освободительным движением своего народа. Русская литература была для украинских писателей школой реализма, идейности, народности; она учила, как надо служить народу силой художественного слова. „Нет ни одного выдающегося представителя украинской литературы, творчество которого не развивалось бы вне благотворного влияния передовой русской литературы“, — отметил украинский поэт Микола Бажан в своей работе „Дружба народов, дружба литератур“¹.

¹ Микола Бажан, Дружба народов, дружба литератур. Госуд. издат. полит. литер. УССР, Киев, 1954, стр. 34.

Под благотворным воздействием русской литературы развивалось и творчество выдающейся украинской поэтессы Леси Украинки, „сильное, горячее и поэтическое слово“ которой служило угнетенному народу и содействовало делу борьбы за его национальное и социальное освобождение. Поэт глубокой философской мысли и подлинного гражданского мужества, она горячо призывала своими стихами „биться с неволею“, чтобы скорее засияло „солнце свободы“.

В 80-е гг., когда Леся Украинка выступила на литературном поприще, общественная обстановка в России характеризовалась усилением реакции. В то время в среде украинской интеллигенции царила растерянность, слышались горькие сетования на тяжелую долю Украины. При этом одна часть интеллигенции стала откровенно служить буржуазии, а другая занялась проповедью героики „малых дел“, „мирной культурной работы“.

В поэзии „эпохи безвременья“ прославлялся „не герой“, другими словами — политический обыватель, оплакивалась „несчастливая доля“ Украины, звучали декадентские мотивы тоски и разочарования. Политические идеалы революционеров-шестидесятников были забыты.

В такой обстановке зазвучал бодрый, смелый голос Леси Украинки, призывавшей отказаться от оплакивания „бедной Украины“ и перейти к борьбе за ее освобождение.

Сравнивая „вялые и раздерганные, либо холодно резонерские писания молодых украинцев-мужчин... с теми бодрыми, сильными и смелыми и вместе с тем такими простыми, такими искренними словами Леси Украинки“, выдающийся украинский поэт и романист Иван Франко назвал ее „единственным мужчиной во всей современной Украине“.

Леся Украинка (Лариса Петровна Косач-Квитка) родилась 25 февраля 1871 г. в гор. Новоград-Волынский. Родители ее были видными представителями украинской интеллигенции, примыкавшей к лагерю либеральной буржуазии.

Отец Леси, Петр Антонович Косач, старшина съезда мировых посредников, был высокообразованным, культурным человеком, следившим за развитием украинской литературы.

Мать, Ольга Петровна Косач, придерживавшаяся реакционно-националистических взглядов, была писательницей, известной под псевдонимом Олены Пчилки. Она играла главную роль в семье, стремилась дать дочери хорошее образование и привить интерес к литературному творчеству. С этой целью она поручала дочери делать переводы стихотворений древнегреческих и древнеримских писателей на украинский язык, подсказывала темы для самостоятельных творческих работ.

Дядя, М. П. Драгоманов, был крупным ученым и публицистом, хорошо знавшим украинский фольклор и литературу.

И все это не могло не сказаться на появлении у Леси Украинки еще с детства интереса к литературному творчеству. Этот интерес поддерживался и ранним знакомством с фольклором.

Детские годы Леси Украинки прошли в с. Колодяжном на Волыни. Стихия народного творчества окружала будущую поэтессу. Леся дружила с крестьянскими детьми и в среде крестьян слушала народные песни, думы, легенды, сказания, сказки. Особенно хорошо знала Леся Украинка народные песни. Впоследствии музыковед и фольклорист К. В. Квитка записал с ее голоса мелодии украинских народных песен и издал их сборником („Народні мелодії з голосу Лесі Українки записав і упорядочив К. Квитка“).

Семья Косачей часто жила в Киеве, поддерживала тесную связь с родоначальником новой украинской музыки Н. В. Лысенко и драматургом, театральным деятелем М. П. Старицким, который переводил на украинский язык сербские эпические песни. Дружба с ними укрепила в Лесе любовь к народной музыке и устному народному творчеству.

С детства, особенно в годы жизни на Волыни, Леся Украинка полюбила природу родного края, и эту любовь она потом запечатлела в своих стихах.

Учиться в школе Лесе Украинке не пришлось, так как с одиннадцати лет ее на всю жизнь поразила сильный недуг — костный туберкулез.

Но она упорно училась дома под руководством учителей, а затем самостоятельно. Она поражала современников глубиной и разносторонностью своих знаний, исключительной эрудицией. Так, М. Павлик, встре-

тившийся впервые с Лесей во Львове в 1891 г., сообщал в письме к Драгоманову: „Леся просто ошеломила меня своим образованием и тонким умом... Я думал, что она только живет своей поэзией, но это далеко не так. Для своего возраста это гениальная женщина. Тем печальнее, что бедняжка не живет, а мучается... Мы говорили с ней очень долго, и в каждом ее слове я видел ум и глубокое понимание поэзии, науки и жизни“.

Действительно, Леся Украинка хорошо знала историю, искусство, в совершенстве владела русским языком, а также изучила немецкий, французский, английский, итальянский, греческий, латинский, польский, болгарский языки. В подлинниках читала она не только произведения великих классиков русской литературы (Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Некрасова и др.), но и иностранной (Гете, Шиллера, Гейне, Гюго, Байрона). Владея языками других народов, Леся много и успешно переводила на украинский язык.

В 1885 г. она вместе с братом перевела на украинский язык „Вечера на хуторе близ Диканьки“ Гоголя, в 1892 г. в ее переводе вышла „Книга песен“ Г. Гейне.

Среда, в которой воспитывалась Леся Украинка, направляла ее по пути буржуазно-либеральных и народнических иллюзий. Однако влияние родителей и родственников не было решающим при формировании ее мировоззрения.

Ее демократические идеалы и симпатии рождались под влиянием поэзии Шевченко и идей русских революционно-демократических писателей, учивших ее сочувственно относиться к народу, страдавшему и после „освобождения“ 1861 года под гнетом помещиков и царских чиновников, и бороться за его лучшую долю. Не случайно Иван Франко отмечал: „Со времени шевченковского „Поховайте та вставайте кайдани порвіте“ Украина не слышала такого сильного, горячего и поэтического слова, как из уст этой слабой, больной девушки“.

Творчество выдающихся русских писателей, а также ее земляков Т. Шевченко и И. Франко учило Лесю Украинку тому, что искусство должно быть поставлено на службу интересам народа.

Писать и печататься Леся Украинка начала рано.

Я вышла в путь своей раннею весною
И робко песню тихую запела,—

писала поэтесса в стихотворении „Мой путь“.

Первое стихотворение „Надежда“ Леся Украинка написала в 1880 г., когда ей было девять лет. Поводом для написания его послужила ссылка ее тетки, Елены Антоновны Косач, в Сибирь за революционную работу.

В 1884 г. в львовском журнале „Зоря“ были опубликованы стихи юной поэтессы „Конвалия“ и „Сафо“. Под ними стояла подпись: Леся Украинка. В этом избранном молодой поэтессой литературном псевдониме ярко выразилась ее любовь к своей родине, к своей Украине.

Первое стихотворение интересно своей близостью к устному народному творчеству: в нем недолговечная жизнь цветка, сорванного рукой человека, сравнивается с непрочностью человеческого счастья.

О Лесе, которая была еще девочкой, стали говорить, как о талантливой поэтессе.

Произведения ее начинают довольно часто появляться на страницах украинских журналов.

В 80-е и 90-е годы Леся Украинка выступает в основном как лирический поэт. В эти годы один за другим выходят три сборника ее произведений: „На крыльях песен“ — 1893 г., „Мечты и думы“ — 1899 г., „Отзвуки“ — 1902 г. (четвертый сборник „На крыльях песен“, вышедший в 1904 г., повторял произведения предыдущих изданий).

В 900-е годы Леся Украинка создает свои драматические произведения. Среди них „Одержимая“ (1901 г.), „В катакомбах“ (1905 г.), „Осенняя сказка“ (1905 г.), „В доме труда, в краю неволи“ (1906 г.), „Кассандра“ (1908 г.), „В пуще“ (1898—1909 гг.), „На поле крови“ (1909 г.), „Руфин и Присцилла“ (1909 г.); в последние годы жизни она написала драматическую поэму „Адвокат Мартиан“ (1911 г.), драму-феерию „Лесная песня“ (1911 г.) и драму „Каменный хозяин“ (1912 г.). Кроме стихотворений, поэм и легенд, Леся Украинка писала рассказы, очерки, литературно-критические и публицистические статьи, хотя нужно отметить, что в прозе ее талант не проявился с такой силой, как в поэзии и драматургии.

Выход первого сборника стихотворений поставил Лесю Украинку в один ряд с такими выдающимися украинскими поэтами и писателями-демократами, как Иван Франко, Павел Грабовский и Михаил Коцюбинский. Леся сразу стала популярной поэтессой на Украине и за ее пределами.

Если в первых произведениях Леся Украинка выражала свои детские впечатления, переживания, чувства, то с конца 80-х гг. в ее стихах начинают звучать общественные мотивы. Уже в стихотворении „Певец“ (1889 г.) она мечтает о таких „огненных“ словах, которые помогли бы „прогнать из любимого края“ зиму: в нем она говорит о единстве интересов поэта и отчизны.

В последние годы поэтесса выступила как последователь и продолжатель дела революционных демократов В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Некрасова. Так же, как и они, Леся Украинка, любившая трудовой народ, призывала ненавидеть его врагов: царское самодержавие, русских и украинских помещиков и капиталистов. Ее строки из стихотворения „Другу на память“:

Что ж,—ненавидеть только тот боится,
Кто никогда глубоко не любил —

перекликаются с известными словами Н. А. Некрасова:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

(„Замолкни, Муза мести и печали“)

Общественный идеал революционных демократов — „равенство, братство, свобода“, ярко выраженный, например, в стихотворениях Н. А. Некрасова „Медвежья охота“ и „Песня Еремушке“, стал идеалом и Леси Украинки:

Увидеть братство, равенство, свободу
Сквозь пелену тяжелых туч хочу я.

(„Мой путь“)

Как и революционные демократы, она считала, что единственным путем осуществления этого идеала яв-

ляется революция. При этом надо отметить, что в практическом решении этого вопроса Л. Украинка шла дальше революционных демократов, она ориентировалась не на крестьянскую революцию, а на революционное движение рабочего класса. И это вполне понятно: творчество Л. Украинки относится к третьему, пролетарскому периоду освободительного движения в России, когда рабочий класс, руководимый российской социал-демократической рабочей партией, поднимался на сознательную борьбу с самодержавием. Непосредственное знакомство Л. Украинки с русскими социал-демократами, а также с теорией научного социализма — марксизмом сообщило ее произведениям революционную страстность, наполнило их призывами к борьбе против тирании, против социального и национального угнетения, верой в победу рабочего класса, зажигающего „предрасветные огни“.

Леся Украинка принимала участие в работе первых марксистских кружков на Украине (1896 г.), была с 1897 г. в тесной дружбе с Сергеем Константиновичем Мержинским, одним из первых пропагандистов марксизма в Киеве, одним из организаторов „Киевского союза борьбы за освобождение рабочего класса“; через Мержинского Леся Украинка знала о деятельности РСДРП и творческих работах русских марксистов.

В 1899—1900 годах она сотрудничала в русском журнале „Жизнь“, в котором печатались статьи В. И. Ленина и М. Горького; с декабря 1900 г. следила за ленинской „Искрой“ и хранила у себя один комплект этой газеты до тех пор, пока его не отобрали полиция в 1907 г. во время ее ареста.

Леся Украинка не только сама читала произведения Маркса, Энгельса и русских социал-демократов, но и пропагандировала марксизм в своих статьях.

В одной из своих публицистических статей, написанных в 1897 г., поэтесса указывает, что более благоприятной почвой для пропаганды марксизма являются не крестьяне, а рабочие. В этой же статье она говорит, что первоочередная задача рабочих — это борьба с самодержавием. Это как раз та мысль, которая проводилась в нелегальной киевской „Рабочей газете“. В одной из передовых этой газеты за 1897 год писалось: „...Борьба с самодержавным правительством за полити-

ческую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения“.

В повести Лесей Украинки „Над морем“ (1900 г.) проводится мысль о существовании „фатального антагонизма“ между рабочими и представителями господствующих классов. Именно рабочий класс, как и учит марксизм, она считала руководящей политической силой в борьбе народов России за свободу.

Леся Украинка признавала необходимость революционной теории для рабочего движения. Вот почему в 1902 г. она организует перевод на украинский язык и издание „Манифеста коммунистической партии“ К. Маркса и Ф. Энгельса. К этому изданию Леся Украинка написала предисловие, в котором выразила мысль о том, что с появлением „Манифеста“ социализм из утопии превратился в науку.

Лесей Украинкой было написано послесловие к популярной в марксистских кружках в России брошюре польского социалиста Ш. Дикштейна „Кто чем живет“. В послесловии говорится о К. Марксе и Ф. Энгельсе, как о людях, которые „объясняли в книгах с помощью живого слова, как нужно защищаться рабочим от врагов и каким способом им лучше объединиться“. Разъясняя роль рабочего класса в соответствии с принципами марксистского учения, Леся Украинка писала: „Сознательные рабочие не должны обращать внимание на то, кто из них какой веры или какой национальности... они должны единодушно держаться вместе, так как у них у всех один враг — класс богачей, капиталистов, который пользуется трудом рабочих. Вот потому-то для каждого рабочего должны быть святы слова: рабочие всех стран, соединяйтесь!“

Статья заканчивалась словами:

„А для того, чтобы пробил час полного освобождения всех рабочих из рабства,—

Рабочие всех стран, соединяйтесь!

Соединяйтесь, как свободный со свободным, равный с равным!

Чья правда, того будет и сила!“

Леся Украинка понимала, что мирным путем нельзя добиться изменения жизни, поэтому признавала закономерность вооруженной борьбы и своим творче-

ством призывала к ней трудящиеся массы. Не случайно поэтому в ее стихотворении „В ненастную тучу...“ звучит горьковский мотив бури и желания „померять силу“. С Горьким ее сближала ненависть к миру произвола и насилия, вера в скорое наступление зари новой жизни. „Буревестник революции“ оказал на творчество Л. Украинки наибольшее влияние из числа всех современных ей русских писателей. Будучи тесно связанной с общественной и литературной жизнью России, Леся Украинка, подобно другим украинским писателям-демократам, была хорошо знакома с его творчеством. Революционная романтика раннего А. М. Горького, бодрая и жизнеутверждающая, особенно импонировала настроениям и творческим принципам Л. Украинки. Элементы революционной романтики стали существенной частью ее реалистического отображения действительности. Как и Горький, создавший в своих произведениях образы героев, стремящихся к тому, чтобы Россия стала „самой яркой демократией земли“, Л. Украинка в своих драматических поэмах и политической лирике создала образы героев-революционеров, способных вести до полной победы борьбу за дело освобождения народа.

В свете этих фактов будет ясно, почему Лесей Украинкой интересовалась полиция: с 1893 г. на нее была заведена специальная карточка в киевском жандармском управлении, за поэтессой был установлен постоянный полицейский надзор, в 1902 году ее имя стояло в числе тех, кто подозревался в связях с „искровцами“, а в 1907 году она была даже арестована.

Характерно, что эпиграф в газете „Искра“ нашел преломление в стихотворении Л. Украинки „Холодной ночью брошенный костер...“, написанном тогда, когда революция 1905 г. потерпела поражение. В стихотворении говорится о том, что от брошенного ночью костра остался лишь пепел, который не удалось „оживить“ путнику.

Но искра не угасла под золой
И до рассвета, как живая рана,
Явила мрак холодный и сырой,
И жар больной чуть тлел среди тумана.
Лишь на заре сквозь тонкий дым струей

Пробилось пламя, ярко и багряно.
Когда же солнце встало поутру,—
Огонь, как зверь, свирепствовал в бору.

В этих словах — вера в то, что пламя революционной борьбы снова вспыхнет, „из искры возгорится пламя“.

Говоря о влиянии идей марксизма на творчество Л. Украинки, следует заметить, что марксизм сказался на формировании общественно-политических и литературно-эстетических взглядов и других украинских писателей, как И. Франко, М. Коцюбинский, П. Грабовский. Последний, например, еще в 1902 году писал: „Теперь все, что только есть в России живого, движущегося и работающего, развивается под знаком марксизма“.

Вследствие болезни, приковывавшей Лесю Украинку к постели на целые недели и месяцы и заставлявшей много времени отдавать поездкам на лечение, она не могла принимать активного участия в революционной борьбе. Но весь свой поэтический талант, все свое вдохновение и творчество она поставила на службу интересам революционных масс.

„Dame Nature не дала мне ничего, кроме пера в руки“, — отмечала больная поэтесса в письме к О. Ю. Кобылянской, и нужно сказать, что она умело пользовалась этим пером: с исключительным упорством и мужеством преодолевая мучительный недуг, Леся Украинка боролась со старым миром своими стихами и статьями, ковала оружие для тех, которые участвовали в борьбе.

Своим пером она боролась против ненавистного народу царского самодержавия, против украинского буржуазного национализма, народничества, против реакционных течений в литературе. Гневно писала она о литераторах, пошедших в услужение к господствующим классам.

Когда французские буржуазные писатели и журналисты начали прославлять Николая II, посетившего в 1896 году Париж, Леся Украинка выступила с гневной статьей „Голос одной русской узницы“.

„Позор лицемерной лире, — писала она в статье, — льстивые струны которой наполняли аккордами залы Версаля... Позор вольным поэтам, которые перед чужеземцем бряцают звеньями добровольно надетых на

себя цепей. Неволя еще мерзостней, когда она добровольна“.

Леся Украинка была настолько принципиальна, что смело выступила против ошибок своего учителя, друга и соратника Ивана Франко, когда тот опубликовал в 1897 году статью „Под конец года“, в которой наметился его переход с революционно-демократического пути на позиции национализма.

Болезнь заставляла поэтессу выезжать для лечения в страны Запада: она лечилась в Берлине, провела две зимы в Италии, дважды посещала Египет.

В своих дорожных зарисовках и письмах Леся Украинка с сочувствием говорила о народах тех стран, в которых ей приходилось бывать, и в то же время разоблачала лживую буржуазную демократию. В письме к брату из Вены (март 1891 г.) Леся Украинка пишет о виденных ею выборах в австрийский парламент: „Поразили меня в здешней выборной кампании так называемые „расходы на агитацию“, попросту говоря, грубый подкуп! У кого больше денег, того и партия крепче...“

Находясь в Египте, она слышала, как английские завоеватели барабанным боем нарушали мирную тишину этой страны:

Откуда же грохот и свист?

Слышится дробь барабана, трубы раздаются звучанье!

Эй! замолчите! Кому эта мука нужна?

Им все равно! Маршируют, гремят англичане,

Грозно вдоль Нила идут, чтобы вся трепетала страна.

„Афра“ (Из цикла „Весна в Египте“).

Эти строки злободневно звучат и сегодня, метко и точно определяя колонизаторскую сущность мероприятий, проводимых английскими империалистами в Египте.

В своих „Заметках о новейшей польской литературе“ Леся Украинка разоблачает мнимую свободу буржуазного искусства, представители которого заявляли о своей независимости от политики, а в действительности являлись прислужниками эксплуататоров и проповедниками реакции, мракобесия и расизма. С глубокой проницательностью пишет она о том, что „абсолютно свободный“ художник, служащий буржуазии, ограничен в своем творчестве вечными темами любви и смерти.

„Что может изображать неограниченно свободный

артист в своих творениях? Казалось бы, ответ ясен: все. Какими приемами может он пользоваться? Казалось бы, какими угодно: ведь он абсолютно свободен.

А между тем он не имеет права изображать толпу и обращаться к ней—это дело агитатора; не имеет права входить в художественное общение с каким-нибудь определенным человеческим обществом—это дело ученого; не имеет права обращать внимания ни на политику, ни на всякие „внешние перемены“ в жизни народа, а может только основываться на „неизменном и вечном“ расовом отличии одного народа от другого...“

Клеймя буржуазное упадочническое искусство, отстаивавшее интересы „власть имущих“, Леся Украинья боролась за искусство реалистическое.

Революционные события 1905 г. проходили на глазах поэтессы. В начале этого года она жила на Кавказе, в Тифлисе. Находясь под влиянием ежедневных перемен „весны“ и „зимы“, Леся не могла быть равнодушной к происходящим революционным событиям и писать на „спокойные“ темы, как рекомендовала ей мать.

Поэтому в одном из писем к ней (6. II. 1905 г.) она писала: „В Тифлисе также был один такой „весенний“ день, когда лужи человеческой крови стояли на тротуарах до вечера.

Не до спокойных тем в такой обстановке...“

Осенью 1905 года поэтесса наблюдала мощные рабочие демонстрации в Петербурге. Ее, как она пишет в письме к А. Е. Крымскому, очаровал „суровый багрянец красных знамен и говор бурной толпы“.

Откликом на революционные события 1905 г. явились такие ее драматические произведения, как „Осенняя сказка“ и „В катакомбах“.

В первом аллегорически изображена борьба рабочих за свободу, во втором—борьба с религиозной и социальной неправдой.

В это время она пишет свои „Песни про волю“, выражая желание, чтобы сильнее звучали гимны борьбы за народное счастье, призывая к „последнему“ бою.

Поражение революции 1905 г. не поколебало веры поэтессы в силы рабочего класса и в его грядущую победу.

Выражая эту веру, она вела одновременно борьбу с интеллигенцией, изменившей революции, воспевавшей предательство или впавшей в отчаяние, тоску, мистику.

В ряде сатирических стихотворений, в которых нельзя не увидеть родства с сатирой Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Леся Украинка выступила с разоблачением врагов народа, а в своих драмах „Руфин и Присцилла“, „На поле крови“, „Адвокат Мартиан“ предателям и маловерам противопоставила подлинных борцов за интересы народных масс.

В 1912 г. по совету врачей Леся Украинка выезжала лечиться в Египет, но значительного улучшения здоровья не произошло. Силы оставляли поэтессу, однако она с прежним мужеством продолжала работу. Вся ее жизнь и творческая деятельность являются исключительной силы подвигом. В мужественной борьбе с болезнью и смертью создавала Леся Украинка свои произведения. Часто она писала, лежа в постели, не имея даже возможности двигаться.

Какое мужество и волю должен иметь человек, чтобы заявить: „Если у меня и в самом деле есть талант, то он не погибнет,— это не талант, который погибает от туберкулеза или истерии!“

Об этом свидетельствуют и другие ее слова, сказанные в письме к О. Ю. Кобылянской: „А уж если живешь, то нужно, чтобы хоть какая-то работа была в руках“.

Жизненный подвиг Леси Украинки близок к подвигу ее земляка Николая Островского, который, будучи тяжело больным, нашел в себе мужество и силы, чтобы стать в строй тружеников Отчизны.

После возвращения из Египта Леся Украинка недолго прожила на Кавказе и умерла в Сураме 31 июля 1913 года. Похоронена она в Киеве на Байковом кладбище. Смерть поэтессы была большой потерей для трудящихся масс.

Большевистская газета „Рабочая правда“ в некрологе, посвященном памяти поэтессы, писала:

„Леся Украинка, стоя близко к освободительному общественному движению вообще и пролетарскому в частности, отдавала ему все силы, сеяла разумное, доброе, вечное... Леся Украинка умерла, но ее бодрые

произведения долго будут будить нас к работе — борьбе. Добрая, вечная память писательнице — другу рабочих!”

За тридцать лет своей литературной деятельности Леся Украинка проявила себя как выдающаяся поэтесса, драматург, прозаик, публицист и литературный критик. За это время она написала около двухсот стихотворений, десять поэм, около двадцати драматических произведений, множество рассказов, литературно-критических и публицистических статей.

Были в творчестве поэтессы и ошибочные мотивы, однако она всегда была верна идее служения своему народу, своей родине. Высокая идейность, оптимизм, боевой революционный характер в сочетании с высоким художественным мастерством делают ее произведения близкими и дорогими для современного советского читателя.

Начав писать стихи еще в детские годы, Леся Украинка всю свою жизнь посвящает литературе, которую, как она признается в письме к брату М. П. Косачу (26—28 ноября 1890 г.), считает своей профессией.

В историю украинской литературы Леся Украинка вошла в первую очередь как выдающийся поэт-лирик и драматург. В ее творчестве на новом историческом этапе нашли продолжение традиции революционной поэзии Т. Г. Шевченко. Пламенная любовь к угнетенному народу, мечты об его освобождении, ненависть к угнетателям и призывы к борьбе с ними — эти мотивы поэзии Шевченко звучат и в произведениях Леси Украинки. Основным из них является мотив революционной борьбы за счастье и свободу народа, а любимым ее героем — стойкий, мужественный борец против старой жизни, основанной на угнетении и эксплуатации человека человеком.

Выступая против представителей „чистого“ и декадентского искусства, Леся Украинка борется за глубоко идейную, насыщенную общественным содержанием поэзию.

Следуя традициям революционеров-демократов, Леся Украинка отвергала „чистое искусство“ и смотрела на свою поэзию, как на оружие в борьбе за освобож-

дение народа, с судьбой которого она связывала свое творчество. Н. А. Некрасов в стихотворении „Поэт и гражданин“, выступая против „чистой“ лирики, говорил, что человеку с талантом

... стыдно спать:
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать...

Леся Украинка в своем стихотворении „Поэт в дни осады“ в художественных образах развивает эту некрасовскую мысль: „в годину горя“ ее поэт оказывается вместе с народом, он воодушевляет его своими песнями на борьбу „и будит на степях внимательных стражей, заснуть не дает до утра“.

В обстановке угнетения и народного горя она стремилась заечь словом „утомленные души людей“, хотела, чтобы слово стало оружием, готовым к бою, способным послужить бойцам.

В стихотворении „Вы, слова мои громкие, где вы теперь?..“, вошедшем в цикл „Ритмы“ (1900), говорится:

Лучом прозрачным, буйными волнами, *
Звездой летучей, искрой быстролетной,
Сияньем молний, острыми мечами
Хотела б я вас вырастить, слова!
Чтоб эхо вы в горах будили, а не стоны,
Чтоб резали — не отравляли сердца,
Чтоб песней были вы, а не стенаньем.
Сражайте, режьте, даже убивайте,
Не будьте только дождиком осенним.
Сжигать, гореть должны вы, а не тлеть!

Ранняя мечта поэтессы о том, чтобы закончить свой путь „с песней на устах“, стала фактом ее творческой биографии. Болезнь вызывала у нее иногда грустные раздумья о своей судьбе, отразившиеся в некоторых стихах, однако в целом ее поэзия носит оптимистический, жизнеутверждающий, патриотический характер.

В стихах Леси Украинки предстает прежде всего ее любимая родина — Украина, изображается тяжелая доля украинского народа.

Уже в детском стихотворении „Надежда“ дается образ Украины. Он ассоциируется с „Днепром голубым“ и „курганами в степях“.

„Несчастливая мать-Украина“ мила и дорога поэтессе. Где бы ни была она, в ее памяти всегда жил „край горемычный, сторона родная“; она никогда не переставала думать о чудесной природе отчизны и ее людях. Из Берлина в 1899 г. поэтесса писала своей матери: „Особенно отсюда, из каменного и теперь чересчур шумного Берлина, наши украинские зеленые просторы кажутся прекраснее рая“.

Поэтесса любила свою родину той любовью, которая вызывала ненависть к ее врагам, в первую очередь к царизму, и заставляла все силы отдавать борьбе за ее светлое будущее. В стихотворении „Полночные думы“ Леся Украинка изобразила царскую Россию как огромную темницу, в которой томятся в яре многие народы. Однако, рисуя „проклятую тьму“, беспросветную ночь господства царизма, Леся Украинка верит, что „скоро рассвет загорится, хоть ночь и темна“. Призыв к борьбе против общественной несправедливости, угнетения звучит во многих ее произведениях. Поэтесса зовет бороться словом и оружием.

Леся Украинка резко выступала против тех литераторов, которые лишь оплакивали долю родной страны, посылали упреки судьбе.

Заржавеют от слез оковы,
Но все же сами не спадут!—

заявляла поэтесса („Повсюду плач“).

И в этих ее словах явственно слышен призыв к борьбе. Эта же мысль выражается и в стихотворении „И все-таки к тебе...“: „Что слезы там, где даже крови мало!“

Подъем рабочего движения в середине 90-х гг., организация социал-демократических союзов борьбы за освобождение рабочего класса в Петербурге, Киеве и др. городах—вот те события, которые способствовали усилению революционных мотивов в лирике Леси Украинки.

В середине 90-х гг. она пишет стихотворение „Другу на память“. В нем призыв к борьбе звучит с исключительной силой:

Когда вы вспомните, какие муки
Борцам за правду принесли враги,
Ведь разве не сожмутся ваши руки
От жажды мщенья в кулаки?

Нет, одного боюсь, — смирится, к сожалению,
Душа невольничья и мстить не станет раб.
Когда б не угадала воля к мнению,
Тогда счастливей жизнь у нас была б.

Голубки кротость, взор лучистый, ясный,
Пагricia покой нам не идет.
Не сможет раб униженный, несчастный
Лишь красноречьем вразумить господ.

Тема призыва к борьбе пронизывает многие другие стихотворения поэтессы („Когда я утомлюсь“, „Грешница“, „Полночные думы“, „Предраcсветные огни“, „На полуслове разговор прервался“ и др.).

Поэтесса шлет „проклятье рукам, онемевшим в бессильи!“, прославляет стойких, мужественных борцов за интересы народа. Не случайно поэтому любимым ее героем является титан-богоборец Прометей, „который свет принес народам“ („Сон“, „Другу на память“, „First pox“ и др.), и его отважные потомки, современники Леся Украинки.

Если в начале своего творческого пути Леся Украинка еще верила в просветительную миссию интеллигенции, то в 90-е годы свой взор она обращает к рабочему классу: именно этот класс революционным путем может совершить преобразование действительности. В стихотворении „Предраcсветные огни“ (1892 г.) поэтесса выражает мысль о том, что революционная деятельность рабочего класса возвещает приход новой жизни.

Огни предраcсветные, солнце пророча,
Прорезали тьму этой ночи.
Еще не вставала заря,—
Они уже блещут, горя,
Их люд зажигает рабочий.

В своих произведениях Леся Украинка отмечает общность интересов рабочих всех наций. Она понимала, что борьба будет успешнее при условии объединения рабочих всех стран независимо от их национальной принадлежности. Чувство интернационализма с исключительной силой выражено в стихотворении „Дым“ (1903 г.).

По дороге в Геную поэтесса вспоминает родину: ее людей, поля и леса. Италия ей кажется „чужбиной“.

Но вот в окрестностях Генуи она видит лес заводских труб, дым над городом, наводящий ее на мысль, что рабочие и на ее родине находятся в таких же ужасных условиях:

Тот итальянский дым проник мне в сердце,
И сердце больно сжалось, онемело,
И уж не говорило мне: „чужбина“.

Поэзия Леси Украинки глубоко оптимистична. Она „не забывала“ „петь и в горе“. Называя свое время „лихолетьем“, поэтесса твердо верила в то, что „власть света“ воцарится в „нашем мире“ („Когда я утомлюсь“), что „скоро рассвет загорится, хоть ночь и темна“ („Полночные думы“); она выражала желание стать в ряды борцов и заявляла о готовности „сжечь молодость свою и лечь на поле боя“.

С упреком говорит поэтесса о тех „больших“ („Вече“), которые в детстве мечтали о свободе, равенстве, братстве, а потом забыли свои идеалы. Зато она прославляет людей, готовых идти на смерть ради идеи, людей, умеющих не просить пощады у врага, и таким образом призывает к упорству в борьбе.

Показательны в этом отношении следующие строки из стихотворения „Мечты“:

Был мне дорог на картинках
Не надменный победитель,
Что, соперника повергнув,
Грозно требует: „Сдавайся!“

Нет, мой взгляд спускался ниже,
На того, кто, распростертый,
Рыцарским копьём пронзенный,
Говорил: „Убей, не сдамся!“

Ее любимый герой, будучи даже поверженным, торжествует силою своего духа.

Подобная сила духа, воля и мужество были свойственны и самой поэтессе, хрупкой и больной женщине.

Вера в народ, в его неисчерпаемые творческие силы, в его революционную энергию давала Лесе Украинке силы для того, чтобы до конца дней своих стоять в ряду борцов за новую жизнь.

Поэтесса понимала, что народ — творец истории, что его руками созданы на земле все материальные

ценности и памятники культуры. В стихотворении „Надпись в руине“ рассказывается о царской гробнице, созданной по повелению царя для прославления его деяний. За долгие века надпись на памятнике стерлась, и имя царя невозможно прочесть. И величественная гробница — пирамида осталась в веках памятником славы не царя, а народа, создавшего ее своими руками.

Певцы, ученые, мечтая, не старайтесь
Найти царя исчезнувшее имя:
(удьбою создан из его могилы
Народу памятник — да сгинет царь!

Так Леся Украинка утверждает величие творческого гения трудового народа.

В годы первой русской революции этот трудовой народ она призывала к восстанию („Песни про волю“), едко высмеивала врагов народа в своих сатирических произведениях („Веселый пан“, „Практичный пан“, „Пан-народник“).

Леся Украинка являлась мастером пейзажной лирики. В ряде своих стихотворений она запечатлела природу родной Украины, а через нее — свою любовь к отчизне.

В ее стихах, наряду с пейзажами Украины, предстают перед читателями скалистые горы Крыма, бескрайние африканские пустыни с каменными изваяниями, тучи над Альпами и другие картины природы тех стран, где пришлось побывать поэтессе.

Тематически и идейно к лирическим произведениям поэтессы примыкают и ее поэмы („Старая сказка“ — 1893 г., „Роберт Брюс, король шотландский“ — 1893 г., „Одно слово“ — 1903 г., „Ви́ла-посестра“ — 1898—1911 гг., „Про великана“ — 1913 г. и др.). Как и в лирике, Леся Украинка разрабатывает в них тему народного восстания, изображает мужественные образы вождей народа, ставит вопрос о роли и назначении поэзии и поэта. В поэмах она часто обращалась к изображению прошлого других стран и народов („Роберт Брюс, король шотландский“, „Ви́ла-посестра“ и др.), однако в этом прошлом она умела найти мотивы, созвучные с ее настоящим. Так, совершенно не случайно в поэме „Роберт Брюс, король шотландский“ поэтесса обрати-

лась к изображению борьбы шотландцев против английского короля и своих феодалов. Леся Украинка отступает от исторически точного описания причин борьбы Роберта Брюса с английским королем. В ее поэме Роберт Брюс выступает как подлинный народный вождь, возглавивший борьбу шотландцев против английского владычества и своих рыцарей-феодалов, перешедших на службу к английскому королю. Другими словами: шотландцы борются против национального и социального гнета, который испытывал и украинский народ.

Леся Украинка прославляет мужество и волю Роберта Брюса, возглавившего восстание народа.

Шесть раз выступали шотландцы против английского короля, и шесть раз они терпели поражение. Но снова Роберт Брюс поднимает народ на борьбу:

Кто не зарекся вольным стать.
Готов да будет к бою!
Кто честь и славу не забыл —
К оружию! Кто ж за мною?

Мужественная и стойкая борьба „в защиту прав народных“ на этот раз была увенчана победой, и Роберт Брюс волею народа провозглашается королем. Поэтесса в поэме не только прославляет народного вождя, но и ставит вопрос о единении этого вождя с народом. Вождь, говорит поэтесса, будет славен и могуч, если он опирается на народ и выражает его интересы.

В поэме есть и другая весьма важная идея.

Роберт, обращаясь к побежденным англичанам, говорит, что шотландцы не будут воевать, если их мирную жизнь никто не нарушит; народ в своем обращении к королю также требует, чтобы тот не стремился к завоеваниям:

Нам не тесно в родном нашем крае,
Нам не надо в чужие идти.

Это стремление народа к мирной жизни созвучно сегодняшним устремлениям всех простых людей земного шара отстоять дело мира, предотвратить готовящуюся империалистами Америки новую войну.

Тема народного восстания против угнетателей с еще большей силой звучит в поэме Леси Украинки „Старая сказка“, написанной осенью 1893 г.

Граф Бертольдо, герой поэмы, вел пышную, праздную жизнь, тогда как вокруг „в ярме стонали люди“ и „горькою волною“ раздавался народный стон.

На борьбу с графом зовет крестьян вольная песня поэта. С едкой иронией говорится в ней о голубой господской крови:

„Мужика сыра землянка,
Барский замок — на помосте...
Что ж, недаром говорится:
— У господ белее кости...“

Может ли рука мужички
С белой ручкою сравниться?
— Кровь у графа голубая,—
Так недаром говорится...

Любопытствуют крестьяне:
Всюду ль эти кости белы?..
Кровь прольется ль голубая,
Если нож вонзится им в тело?..“

Поэт выступает в поэме певцом народа. Его стихи вдохновляют угнетенные массы на борьбу со своими классовыми врагами.

Так, ставя вопрос о народном восстании, Леся Украинка определяла и место поэта в общественной жизни. Не признавая „чистого искусства“, искусства надклассового, она доказывала, что искусство должно выражать интересы народа, служить ему.

Слово песни призывает
Добывать на счастье право,—

заявляет Леся Украинка, и в этих словах содержится указание на огромную роль поэзии в общественной жизни.

В поэме выведен образ гордого, свободолюбивого поэта, всеми своими помыслами и творческими устремлениями связанного с народом, о страданиях которого он никогда не забывает. Ни угроза, ни тюрьма не могут принудить его к молчанию. Когда слуги графа

прибыли к поэту, чтобы отправить его в застенки, он заявляет:

Но останусь я свободным
В глубине сырой темницы —
Думам вольным нет на свете
Ни заставы, ни границы!

Читаешь эти строки и сразу представляешь мужественного турецкого поэта Назыма Хикмета, стихи которого из тюремного подземелья летели, как вольные птицы, над миром; эти же слова поэтессы сразу ассоциируются со словами современного выдающегося ученого и борца за мир Фредерика Жолио-Кюри, заявившего, что для правды не существует границы: она путешествует по свету без виз.

Эта свежесть стихов поэтессы, ощущаемая и сегодня, почти через шестьдесят лет после их написания, — убедительное доказательство их идейно-художественной силы и выразительности.

В поэме „Одно слово“ (1903 г.) Леся Украинка создала образ мужественного, стойкого революционера, мучительно переживающего отсутствие слова „свобода“ в языке того северного народа, среди которого он проводит дни своей ссылки.

Житель севера с уважением рассказывает о ссыльном, о его стремлении пайти это слово в их языке:

И все одно какое-то там слово
Хотел сказать нам так, чтобы понятным
Он нам стало, думал — будет легче,
Когда расскажет.

И ссыльный умирает вдали от родины, не найдя в языке местных жителей заветного слова „свобода“.

В образе этого политического ссыльного Леся Украинка вывела своего земляка — украинского поэта-революционера Павла Арсеньевича Грабовского. Так же, как и герой поэмы „Одно слово“, он умер в 1902 году в далекой ссылке, и поэма является непосредственным откликом на его смерть.

Исследователь творчества Леси Украинки А. Дейч высказывает предположение, что герой поэмы „Одно слово“ многими своими чертами напоминает русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского, томив-

шегося несколько лет в Виллойской ссылке. П. Грабовский, находясь в Виллойске, написал о Н. Г. Чернышевском статью, которую переслал И. Франко для опубликования. Статья была напечатана в журнале „Життя і слово“ в 1895 году, и Леся Украинка, конечно, с нею была знакома. А. Дейч отмечает совпадение между содержанием статьи П. Грабовского и поэмой Леси Украинки „Одно слово“, делая на этом основании вывод, что в поэме речь идет о Н. Г. Чернышевском. „Однако, замечает он при этом,— важны не отдельные совпадения в описаниях Грабовского и Леси Украинки; поэтесса искала типические черты в характере и поведении революционера и придала их герою своей поэмы“¹. И это справедливо.

Сюжет поэмы „Ви́ла-посестра“ (1898—1911) навеян сербскими народными песнями и сказаниями, знакомыми поэтессе по переводам М. П. Старицкого. При этом тема народных эпических песен о „побратимстве“ у Леси Украинки получает новую окраску. Верная долгу „побратимства“, героиня ее поэмы тем не менее убивает любимого брата за его отказ от продолжения борьбы с иноземными поработителями.

Верой в светлое будущее своего народа пронизана поэма-сказка „Про великана“. Она написана Лесей Украинкой незадолго до смерти. Поэтесса советует не искать в этой сказке тенденции, однако сказка полна глубокого политического смысла. Уснувший великан, герой ее сказки,—это трудовой народ. Он „видит лихо-летье“, враги пьют даром его кровь, заковали его в железные цепи. Поэтесса верит, что уснувший богатырь в конце концов разорвет свои оковы, и „все... что мучило его, вмиг станет горсткой праха“.

В начавшемся после торжества реакции новом подъеме рабочего движения Леся Украинка, вследствие болезни и оторванности от конкретных революционных событий в России, не могла увидеть близости новой революции и поэтому весьма неопределенно датировала время „пробуждения“ великана:

Иль через год, иль через сто,
А может, до рассвета...

¹ А. Дейч, „Леся Украинка. Критико-биографический очерк“. 1 НХЛ, М., 1953, стр. 56.

Великий народ встал не через сто лет, а значительно раньше. Всего лишь четыре года не дожидаясь до того времени, когда очистительная гроза Великой Октябрьской социалистической революции превратила в прах старый мир гнета и насилия и положила начало новой, светлой жизни, о которой она мечтала и в наступление которой глубоко верила.

В драмах, или, вернее, драматических поэмах, Леся Украинка с наибольшей силой проявила себя как мыслитель и как новатор. Драмы Леси Украинки переносят читателя в древний Вавилон, Египет, Иудею, Рим, Северную Америку XVII в. и др. страны. Обращаясь к прошлому и рисуя жизнь чужих народов, поэтесса, как и в поэмах и отдельных стихах, поражает читателя умением реалистически точно воспроизвести быт и характер представителей изображенных ею народов и вместе с тем найти в прошлом мотивы, созвучные ее времени.

Материал исторического прошлого она использует для постановки и решения злободневных проблем современности. Обращение к прошлому имело для поэтессы определенный смысл: во-первых, она таким способом обходила цензуру; во-вторых, на большом историческом материале могла делать обобщения, важные с точки зрения политических задач, стоящих перед ее читателями из народа. Примером подобного обращения к истории во имя решения проблем современности явились хорошо известные Лесе Украинке „Маленькие трагедии“ великого русского поэта А. С. Пушкина, который на материале других эпох и народов разрешал волновавшие его в то время вопросы русской жизни.

В драматических произведениях Леси Украинки история изображена как борьба классов, показана огромная роль народа в историческом процессе, ненависть народных масс к эксплуататорам и стремление к свободе.

Своими драмами Леся Украинка отозвалась на революционные события 1905 года. Так, под впечатлением январских событий, положивших начало революции, она пишет фантастическую драму „Осенняя сказка“. Используя материал народных сказок, поэтесса аллегорически изображает борьбу рабочих за свободу. Сплотившись под красным знаменем, рабочие

поднимаются на ледяную гору, чтобы освободить принцессу-свободу и увидеть свет „новой жизни“.

С убийственным сарказмом обрисовала Леся Украинка рыцаря, действия которого так напоминают предательскую тактику либеральной буржуазии: видя, как рабочие собираются штурмовать ледяную гору, он говорит: „Напрасна, ох, напрасна борьба!“

Принцесса, олицетворяющая собой свободу, отмечает измену рыцаря: „Я сегодня похоронила друга. Может быть, врага я завтра встречу“.

Поэтесса не видела реального исхода начавшейся борьбы, однако она кончает драму выражением уверенности в победе начатого дела: „Конец, может быть, когда-нибудь будет“.

Тема борьбы с угнетателями ставится и в драматической поэме „В катакомбах“, написанной тоже в 1905 году. Леся Украинка понимала, что поднимающемуся на борьбу рабочему классу необходимо сражаться не только с самодержавием, но и с его союзником и опорой — религией. В поэме, переносящей читателя в эпоху раннего христианства, показано, что с самого своего зарождения христианская религия служит эксплуататорам.

Раб-неофит, герой поэмы, приходит в христианскую общину, мечтая, что там он найдет спасение от неволи. Однако его и там призывают склонить „выю в ярмо христово“, и там люди делятся на владык и рабов. Он понимает, что христианская мораль призвана „слегка прикрасить рабский облик“, что проповедь смирения и покорности выгодна господствующим классам, так как оправдывает их господство, что религия проповедью лживой мечты „о божьем царстве“ отвлекает угнетенные массы от борьбы с угнетателями. И, поняв это, раб поднимается на бунт и собирается уйти в лагерь восставших рабов, „решивших разорвать оковы и сбросить с шеи вековое иго“.

Его слова о готовности пойти вслед за бунтарем-титаном Прометеем звучат призывом к борьбе „за свободу и против рабства“.

Драматическая поэма „В катакомбах“, созданная в период нарастания революционного движения, наносила удар тем прислужникам религии, которые христианской проповедью „непротивления злу насилием“ пы-

тались помешать победному ходу борьбы трудящихся.

Характерно, что Леся Украинка в целом ряде своих драматических произведений разоблачает христианство, как идеологию эксплуататорских классов. Уже в драматической поэме „Одержимая“, написанной в 1901 г., она подчеркивала реакционную сущность христианской (и отметим: толстовской) проповеди любви к врагам. Позже в драме „Руфин и Присцилла“ (1906—1909) поэтесса устами одного из своих героев, Нартала, выражает свое отрицательное отношение к проповеди смирения, стоящей на пути борцов за свободу.

После поражения революции, в период торжества реакции, поэтесса создает свой драматический этюд „На поле крови“ (1909). В то время контрреволюция наступала и на идеологическом фронте. „Появилась целая орава модных писателей, которые „критиковали“ и „разносили“ марксизм, оплеывали революцию, издавались над ней, воспевали предательство, воспевали половой разврат под видом „культа личности“¹.

Попытка оправдать предательство звучала в произведениях украинского буржуазного писателя В. Винниченко и в „Иуде Искариоте“ Л. Андреева.

Драматический этюд „На поле крови“ был протестом против всех попыток оправдания предательства. Поэтесса рассказывает о встрече старика-странника с Иудой Кариотским, предавшим, как гласит легенда, Христа за 30 серебрянников.

Жадный собственник Иуда старается оправдать свое преступление, однако странник видит всю подлость, низость поступка Иуды и проклинает его. Устами странника поэтесса выразила негодование и презрительное отношение народа к предателям и предательству.

В драматической поэме „Касандра“ (1907) Леся Украинка призывает читателя не бояться и смело преодолевать опасности, которые могут встретиться на пути борьбы за свободу; она разоблачает в поэме „утешительную ложь“, показывает, какой вред эта ложь может приносить народным массам.

В драмах „Руфин и Присцилла“ (1909) и „Адвокат Мартиан“ (1911) поэтесса рисует образы мужествен-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 96—97.

ных, стойких борцов за свои идеи, за человеческое счастье.

В 1909 году Леся Украинка заканчивает начатую еще в 1898 году драматическую поэму „В пуще“. В этом произведении поэтесса ставит вопрос о положении художника в буржуазном обществе и разоблачает английских колонизаторов Америки как насильников, душителей всякого проявления свободы. Действие драмы происходит в XVII веке в Северной Америке. Произведение рисует английскую пуританскую общину, переселившуюся в Америку и положившую начало американской государственности. Формально в этой общине каждый считается свободным, но фактически это далеко не так. Скульптор Ричард Айрон, получивший образование в Италии, мечтает посвятить все свои силы любимому делу. Но община, руководимая лицемерным и деспотичным проповедником Годвинсоном, не позволяет ему заниматься скульптурой, считая это занятие греховным. Свободным оказывается здесь только тот, кто повелевает простыми людьми. Фарисей и ханжа Годвинсон, спекулируя на религиозных чувствах простых людей, распоряжается общиной по своему усмотрению, он хочет всех научить „ходить в ярме“. Образ этого пуританского фанатика напоминает сегодняшних американских мракобесов, душителей свободы, культуры, идеологов духовного и экономического порабощения народов мира. Ричард убеждается в том, что „беда совсем не в этой пуще“, которая губит силы переселенцев, а в людях, среди которых „терний злых немало“. Пущей оказывается Америка, страна извечного рабства, убивающая свободолюбивые человеческие чувства и мечты и подлинное искусство. И Леся Украинка ставит вопрос о необходимости борьбы с работодателями, со всеми видами насилия.

Ричард бежит из пуританской общины, отказывается от борьбы и поселяется в торгашеском мире Род-Айленда. Здесь никто не мешает ему творить, но никто и не интересуется его искусством. Проникнутые духом коммерции и наживы, жители Род-Айленда не понимают подлинной красоты искусства: статуя в их глазах — подходящий манекен для примерки платья, мастерство скульптора — средство увеличить доходы торговцев горшками. В этой обстановке „свободный“

Ричард чувствует творческое бессилие. Тем самым поэтесса показывает, что бегство от жизни, самоустранение от борьбы не приносят человеку счастья. Без борьбы, без одухотворяющей человека высокой, благородной идеи нет искусства, следовательно, надо бороться не во имя личной свободы, которой достиг Ричард, а во имя свободы для всего народа, надо не отгораживаться, не бежать от жизни, а стойко бороться со всеми формами угнетения и всеми угнетателями. Лишь в этом случае возможен подлинный расцвет искусства.

Одним из лучших драматических произведений Леси Украинки справедливо считается драма-феерия „Лесная песня“ (1911), являющаяся радостным, светлым гимном красоте и природе.

Вся она пронизана стихией украинского народного творчества. Под пером поэтессы оживла, заговорила прекрасная природа Волини, зазвучали народные сказки, поверья, легенды, услышанные ею в детстве.

Дочь Лесовика, прелестная Мавка, созданная фантазией народа, является главной героиней драмы. Нарушив лесной обычай, Мавка горячо полюбила крестьянского парня Лукаша. Однако на пути к счастью влюбленных встала житейская проза: матери Лукаша нужна такая невестка, которая умела бы вести хозяйство.

Поэтическая мечта о чистой, красивой, бескорыстной любви побеждена пошлостью людей с мелкособственническими инстинктами. Так выражает Леся Украинка философскую мысль о непримиримости прекрасной мечты и пошлой действительности.

В основу „Лесной песни“ положено народное представление о вечной жизни природы. Это произведение — яркое свидетельство духовной красоты народа. По богатству поэтического вымысла и народности содержания это произведение Леси Украинки напоминает сказку великого русского драматурга А. Н. Островского „Снегурочка“.

Перу Леси Украинки принадлежит также драма „Каменный хозяин“ — оригинальная разработка возникшей еще в средние века легенды о Дон-Жуане. Нарушитель норм общественной морали, индивидуалист, Дон-Жуан под влиянием донны Анны страстно мечтает о титуле командора и королевской короне и становится, таким образом, жертвой своего непомерного честолюбия.

В своих драматических произведениях Леся Украинка дала много ярких, сильных, запоминающихся образов. Характеры героев в драмах не всегда даются в развитии, но Леся Украинка во всех случаях умело, психологически верно передает движение человеческой души, ее огорчения и радости. Сила драм Леси Украинки в их философской проблемности. Вот почему они продолжают волновать и современного читателя.

„Друг рабочих“, как названа Леся Украинка в большевистской газете, она посвятила все свое творчество интересам пролетариата, боровшегося за свое освобождение.

Поэтесса знала, что „чистого“, надклассового искусства нет, что разговоры о таком искусстве лишь служат средством маскировки истинных намерений тех литераторов, художников, музыкантов, которые находились на службе у буржуазии.

Она разоблачала и отвергала реакционный романтизм, уводивший читателя от современности в глубь веков, в идеализированное прошлое, боролась с натурализмом, ибо и ему недоставало исторической перспективы. Творческий метод поэтессы — критический реализм. Правдиво изображая жизнь, Леся Украинка стремилась свои произведения связать с насущными задачами современной ей действительности. В период, когда назревала революционная буря, требовалось, чтобы литература создавала положительные образы, показывала настоящих борцов с миром насилия и гнета, и Леся Украинка ответила на требование эпохи образами поэта („Старая сказка“), рабочего-строителя („Осенняя сказка“), ссыльного революционера („Одно слово“) и другими. В ее произведениях „типические характеры“ действуют в „типических обстоятельствах“. Так, в драмах Леси Украинки выведены представители самых различных эпох, однако они не являются рупорами авторских идей. Это живые люди, обрисованные в конкретной исторической обстановке. В то же время исторически правдивое изображение действительности сочетается в произведениях поэтессы с критическим отношением ко всему старому, отжившему, реакционному, что мешает движению народных масс к свободе, к счастью. Все

творчество поэтессы было устремлено в будущее, за которое она призывала самоотверженно, мужественно бороться. Произведения Леси Украинки пронизаны жизнеутверждающей, революционной романтикой, и именно революционный романтизм, верный жизненной правде (и здесь нельзя не подчеркнуть влияния Горького), отличает ее творчество от творчества других представителей критического реализма.

Поэзии Леси Украинки, выросшей в тесной связи с передовой культурой русского народа, присущи глубокая идейность, богатство содержания, разнообразие формы.

В многочисленных стихотворениях, драмах, публицистических очерках поэтесса говорит о судьбах родины и народа и выражает веру в то, что украинский народ в союзе с братским русским народом, поднявшись на вооруженную борьбу с угнетателями, добьются своего освобождения.

Произведения поэтессы тесно связаны с устным народным творчеством, и это придает им подлинно национальную форму. Написанные простым, выразительным языком, они отличаются разнообразием ритмов, образов, гибкостью, музыкальностью. Как и все действительно великие художники, поэтесса выступила подлинным новатором в области формы.

Отмечая в стихотворении „В годовщину“ любовь Т. Г. Шевченко к родине, Леся Украинка писала:

Все тяготы перенесла
Любви сыновней сила.
Того великого огня
И смерть не погасила.

Эти же слова можно с полным правом отнести и к самой Лесе Украинке. Смерть не погасила ее великого огня любви к родине, и произведения поэтессы, запечатлевшие эту любовь и в то же время ненависть ко всем силам старого мира угнетения и мракобесия, продолжают жить с нами, показывая духовное богатство братского нам украинского народа, из рядов которого вышла Леся Украинка.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I	
Зримые черты коммунизма	5
На переднем крае борьбы за коммунизм	24
Оружием сатиры	48
Два очерка В. Тендрякова	68
II	
Рассказ и очерк в альманахе „Литературная Тула“.	81
Повесть о земляке-герое	80
III	
Леся Украинка	130

П. Бученков. Наши современники.

Редактор *Л. М. Дубровская.* Обложка *Е. З. Романова.*
Техн. редактор *Л. И. Пулин.* Корректор *И. В. Воронцова.*

Сдано в набор 30.10.1954 г. Подписано к печати 9.12.1954 г. Бумага 84x108/32
Объем 8,2 печ. листа. Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 5.000 экз. ЦП12203
Областное книжное издательство — Тула, ул. Коммунаров, 42. Заказ 7900
Цена 3 руб. 40 коп., переплет 1 руб.

Типография изд-ва газ. „Коммунар“. Тула ул. Коммунаров, 42.